

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2026. Т. 48, № 6

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2026. Т. 48, № 6

Главный редактор

В. Н. Барышников, доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@petrsu.ru

uchzap.petrsu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

А. В. ГОЛОВНЕВ

д. и. н., профессор, академик РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (МАЭ РАН) (Санкт-Петербург, Россия)

И. Л. ЖЕРЕБЦОВ

д. и. н., Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. В. ВОЛОШИНА

д. ф. н., доцент, Томский государственный университет (Томск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

Е. Н. ИЛЬИНА

д. ф. н., профессор, Вологодский государственный университет (Вологда, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

И. А. КЮРШУНОВА

д. ф. н., доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. ЛИТВИН

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)

С. А. НИКОНОВ

д. и. н., доцент, Мурманский арктический университет (Мурманск, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

Е. А. РОСТОВЦЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Н. А. САМОЙЛОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

С. А. СЕМЯЧКО

д. ф. н., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

И. А. СПИРИДОНОВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. Ю. ТАРАСОВ

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. В. ТОЛСТИКОВ

к. и. н., доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2026. Vol. 48, No 6

Editor-in-Chief

Vladimir N. Baryshnikov, Doctor of Sciences in History, Professor
Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Deputy Editors-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

Sergei G. Verigin, Doctor of Sciences in History, Professor
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@petsu.ru

Website: uchzap.petsu.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute
of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University
for the Humanities (Moscow, Russia)
- A. GOLOVNEV**
Doctor of History, Professor, RAS Academician, Peter the Great
Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)
(St. Petersburg, Russia)
- I. ZHEREBTSOV**
Doctor of History, Komi Scientific Center of Ural Branch of RAS
(Syktyvkar, Russia)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University,
President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy
of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University
(Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member,
Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS
(Moscow, Russia)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian
Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State
Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State
University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk
State University (Kursk, Russia)
- S. VOLOSHINA**
Doctor of Philology, Associate Professor, Tomsk
State University (Tomsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor,
Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University
at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- E. ILYINA**
Doctor of Philology, Professor, Vologda State University
(Vologda, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University
of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
Candidate of History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
- I. KYURSHUNOVA**
Doctor of Philology, Associate Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)
- YU. LITVIN**
Candidate of History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Federal State University
of Education (Mytishchi, Russia)
- S. NIKONOV**
Doctor of History, Associate Professor, Murmansk
Arctic University (Murmansk, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science
Centre of RAS (Apatity, Russia)
- E. ROSTOVTSEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
Candidate of History, Associate Professor, National Research
University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- N. SAMOYLOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)
- S. SEMYACHKO**
Doctor of Philology, Institute of Russian
Literature (Pushkin House) of RAS (St. Petersburg, Russia)
- I. SPIRIDONOVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)
- A. TARASOV**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
- A. TOLSTIKOV**
Candidate of History, Associate Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of RAS (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

*Кривоноженко А. Ф.***От редакции** 7**ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ***Смирнова А. М.*

Гибель Мирзы Хайдара Дуглата: рукопись «События Кашмира» и проблема историографических расхождений 8

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ*Казакова К. С.*

Первый благотворитель Печенгского монастыря, или История с духовным завещанием Павла Зубова 15

Богачева К. М.

Побратимские связи Советской Карелии в документах и воспоминаниях участников 22

Шутас П. П.

Советские праздники в 1920–1930-е годы как инструмент внутренней политики (на материалах Кольского Севера) 32

К 800-ЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ КАРЕЛОВ*Илюха О. П.*

Создание учебной книги для карелов в контексте православного просветительства XIX – начала XX века 43

Вавулинская Л. И.

Религиозная обрядность православного населения Карелии в середине 1940-х – 1960-е годы 52

Дубровская Е. Ю.

Религиозный фактор в контексте общественных перемен начала XX века в Пограничной Карелии ... 62

Конка А. П.

Заметки о карельском народном православии: поклонные кресты Беломорской Карелии 73

Пулькин М. В.

Церковное пение в православных приходах Олонецкой епархии в конце XVIII – начале XX века 83

ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ*Бусырева Е. В.*

Методы работы с полевыми источниками в исследовании семейной истории 92

Дискуссии*Широбоков И. Г.*

Скелеты в шкафу: финское кладбище как источник антропологических данных 103

Рецензии*Никитин О. В.*

Рец. на кн.: Путевые заметки как источник познания российской провинции: Псковщина XIX в. глазами путешественников 108

Соловьев А. Н.

Рец. на кн.: Колгушкина Н. В. «Дорогой для меня цвет семейности»: Фотоальбом династии Срезневских 112

Юбилей*Веригин С. Г.*

К 75-летию со дня рождения В. И. Голдина 115

Contents 118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал вошел в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список», присвоен 2-й уровень (№ ДС/122-пр от 09.09.2025 года)

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIN PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 30.09.2026. Формат 60 × 90 ¹/₈. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 40 экз.). Изд. № 79

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**
выпускающий научный редактор

А. Ф. Кривоноженко
кандидат исторических наук,
Карельский научный центр
Российской академии наук

Alexander F. Krivonozhenko,
Editorial Council Member,
Senior Scientific Editor,
Cand. Sc. (History), Karelian
Research Centre of the Russian
Academy of Sciences

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В новый выпуск журнала вошли статьи, которые отражают широкий круг научных проблем. Объединяет их опора на первоисточники: редкие рукописи, архивные документы, эго-документы, полевые материалы и интервью.

А. М. Смирнова анализирует персоязычную рукопись «События Кашмира» из собрания Института восточных рукописей РАН. В центре внимания – противоречивые версии гибели Мирзы Хайдара Дуглата, могольского историка XVI века.

К. С. Казакова реконструирует историю духовного завещания Павла Зубова, жителя Кольского уезда, оставившего деньги Печенгскому монастырю еще до его восстановления. К. М. Богачева исследует побратимские связи Советской Карелии 1970–1980-х годов и фиксирует устойчивый разрыв между официальной отчетностью и реальным опытом участников побратимского движения. П. П. Шутас рассматривает советские праздники 1920–1930-х годов на Кольском Севере как активно использовавшийся властью инструмент внутренней политики.

Е. В. Бусырева описывает методы работы с полевыми источниками при изучении семейной истории ученых Кольского научного центра. Основное внимание уделяется коммеморативным практикам, с помощью которых семьи сохраняют и передают историю рода.

В следующем году будет отмечаться 800-летие крещения карелов. В преддверии этого события журнал публикует тематический блок статей, связанных с историей православия в Карелии. О. П. Илюха прослеживает эволюцию учебной книги для карельских детей от катехизиса к учебнику. Л. И. Вавулинская показывает, как православная обрядность сохранялась в Карелии в 1940–1960-е годы, несмотря на ограничения. Е. Ю. Дубровская обращается к эго-документам священников начала XX века, раскрывая межконфессиональную напряженность в приграничной Карелии. А. П. Конкка изучает поклонные кресты в Беломорской Карелии и их функции. М. В. Пулькин рассматривает становление церковного пения в Олонецкой епархии как значимого элемента богослужебной культуры.

В разделе «Дискуссии» опубликована полемическая статья И. Г. Широбокова об этике обращения с человеческими останками. Автор призывает к профессиональному диалогу с участием всех заинтересованных сторон.

Мы надеемся, что эти и другие материалы, вошедшие в выпуск, будут интересны как профессиональным исследователям, так и широкому кругу заинтересованных читателей.

АНАСТАСИЯ МИХАЙЛОВНА СМЕРНОВА

младший научный сотрудник отдела Ближнего и Среднего Востока

Институт восточных рукописей Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0009-0000-0931-4696; anastasiasmirnova111@gmail.com

ГИБЕЛЬ МИРЗЫ ХАЙДАРА ДУГЛАТА: РУКОПИСЬ «СОБЫТИЯ КАШМИРА» И ПРОБЛЕМА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ РАСХОЖДЕНИЙ

А н н о т а ц и я . Предпринят источниковедческий анализ персоязычной рукописи В720 «События Кашмира» Мухаммада А'зама Дидамари из собрания Института восточных рукописей РАН и содержащихся в ней противоречивых версий гибели Мирзы Мухаммада Хайдара Дуглата – могольского военачальника и историка, автора «Тарих-и Рашиди». Цель исследования – установить источниковедческую ценность рукописи как примера кашмирской историографической традиции и объяснить причины расхождений между различными версиями одного исторического события. Материалом исследования выступают листы 91b–92a рукописи В720, кашмирские хроники XVI–XIX веков, могольские источники и европейская востоковедческая литература. Методология основана на комплексном применении источниковедческого, сравнительно-исторического и текстологического методов. Исследование выявляет две основные версии обстоятельств смерти Мирзы Хайдара: драматический нарратив о гибели от руки кашмирского мясника и нейтральное сообщение о несчастном случае. Через сопоставление с кашмирскими источниками (труд Хайдара Малика Чадуры, анонимная работа «Бахаристан-и Шахи»), могольскими хрониками (Абу-л-Фазл, Фиришта) и европейской научной литературой демонстрируются механизмы формирования региональных историографических традиций. Определяется место изучаемого сочинения как примера переходного этапа кашмирской историографии XVIII века, зафиксировавшего сосуществование конкурирующих нарративов об одном из событий региональной истории. Значение исследования состоит в расширении источниковой базы по истории Кашмира, введении в научный оборот малоизученной рукописи и демонстрации подхода к работе с противоречивыми свидетельствами, который может быть использован при изучении других персоязычных исторических текстов региона.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Мирза Хайдар, Кашмир, рукопись, историография Кашмира, персоязычные исторические хроники, источниковедческий анализ

Д л я ц и т и р о в а н и я : Смирнова А. М. Гибель Мирзы Хайдара Дуглата: рукопись «События Кашмира» и проблема историографических расхождений // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1346

ВВЕДЕНИЕ

Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат (1499–1551) представляет собой одну из наиболее ярких и противоречивых фигур в истории Центральной и Южной Азии XVI века. Происходивший из влиятельного могольского рода *дуглат*, на протяжении веков игравшего ключевую роль в политической жизни Моголистана, Мирза Хайдар известен современной науке прежде всего как автор фундаментального исторического труда «Тарих-и Рашиди» – важнейшего источника по истории Центральной Азии XV–XVI веков. Однако его деятельность как военного и политика не менее значима: в 1540 году он возглавил за-

воевание Кашмира и в течение одиннадцати лет управлял этим регионом от имени династии Бабуридов, о чем не забыл упомянуть в своем историческом труде [3: 532–537].

Обстоятельства гибели Мирзы Хайдара в 1551 году в ходе военных действий в Кашмире оказались окружены множеством противоречивых версий, зафиксированных в различных историографических традициях. Этот факт превращает изучение источников о его смерти в важную исследовательскую проблему. Анализ расхождений между кашмирскими, могольскими, а также более поздними европейскими версиями позволяет не только прояснить исто-

рические обстоятельства конкретного события, но и выявить механизмы формирования локальных историографических традиций, понять логику конструирования исторических нарративов в различных культурных и политических контекстах.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, кашмирская персоязычная историография остается малоизученным направлением в отечественном востоковедении. Если могольские персоязычные хроники и центральноазиатские источники достаточно хорошо изучены и введены в научный оборот, то локальные кашмирские исторические сочинения до сих пор недостаточно проанализированы с точки зрения их специфики, источниковедческой ценности и места в региональной исторической традиции. Во-вторых, проблема множественности и противоречивости исторических версий одного и того же события актуализирует вопросы методологии работы с источниками, критериев достоверности и интерпретации расхождений. В-третьих, случай с гибелью Мирзы Хайдара представляет собой показательный пример того, как одно историческое событие может быть осмыслено и репрезентировано по-разному в зависимости от позиции автора, его культурной принадлежности и временной дистанции от описываемых событий.

Целью настоящей статьи является источниковедческий анализ рукописи «Ваки'ат-и Кашмир» («События Кашмира») Мухаммада А'зама как представителя кашмирской историографической традиции и сопоставление содержащихся в ней версий гибели Мирзы Хайдара Дуглата с данными других – могольских, а также российских и англоязычных – источников и исследований. Методология исследования основывается на комплексном применении источниковедческого, сравнительно-исторического и текстологического методов.

Представлена краткая источниковедческая характеристика сочинения «События Кашмира» по рукописи В720 из ИВР РАН, затем подробный анализ двух версий гибели Мирзы Хайдара, содержащихся в этом сочинении. Далее последовательно рассматриваются кашмирская историографическая традиция, могольская / индийская историография и более современная научная литература на русском и английском языках; формулируются основные выводы исследования и определяется место «Ваки'ат-и Кашмир» в системе источников по истории Кашмира.

АНАЛИЗ ВЕРСИЙ ГИБЕЛИ МИРЗЫ ХАЙДАРА В РУКОПИСИ В720

Сочинение «Ваки'ат-и Кашмир» («События Кашмира»), известное также под названием «Тарих-и А'зами» («История А'зама»), представляет собой важный памятник кашмирской исторической литературы XVIII века. Автором произведения является Мухаммад А'зам Дидамари (ум. 1765), о котором из текста сочинения известно, что его отца звали Хайр ал-Заман, а сам Мухаммад А'зам был членом суфийского тариката накшбандийа и проявлял интерес к поэзии [2: 128]. Мухаммад А'зам начал работу над текстом в 1148 году хиджры (1735/36 год н. э.), затем приостановил ее примерно на десять лет и завершил между концом 1159 и концом 1160 года хиджры (1746–1748 годы н. э.).

Ключевыми для нашего исследования являются листы 91b–92a. Фрагмент рукописи «Ваки'ат-и Кашмир», посвященный гибели Мирзы Мухаммада Хайдара Дуглата, предлагает две альтернативные версии события без явного указания на предпочтение автора.

Общая фабула событий такова, что в 958 году хиджры (1551 год н. э.) Мирза Хайдар в качестве правителя Кашмира столкнулся с масштабным восстанием местных феодалов. Он попытался подавить мятеж, мобилизовав войска под командованием племянника и военачальников. В ходе решающего сражения у селения Барамула¹ войска Мирзы Хайдара потерпели поражение, после чего он предпринял попытку ночной операции против кашмирских эмиров, оставив семью в Андаркоте² (В720, л. 91b). Далее, согласно первой версии, Мирза Хайдар в одиночку зашел в переулочек, где к нему обратился местный мясник и спросил его имя. Поскольку Мирза Хайдар плохо владел кашмирским языком, его речь выдавала в нем чужеземца-могола. Осознав это, мясник схватил топор и нанес Мирзе Хайдару смертельный удар по голове (В720, л. 92a).

Версия содержит несколько значимых элементов. Мотив одиночества правителя в опасном месте может служить как отражением реальных обстоятельств, так и литературным приемом, подчеркивающим драматизм гибели. Фигура мясника несколько символична: правителя убивает представитель простого народа. Языковой барьер указывает на культурную дистанцию между завоевателями и местным населением: за одиннадцать лет правления (1540–1551)

Мирза Хайдар так и не интегрировался в кашмирское общество.

Вторая версия существенно отличается от первой. Согласно ей, Мирза Хайдар отправился на встречу с «претендентами на власть», чтобы разрешить недоразумения и прекратить вражду, но по дороге произошел несчастный случай, приведший к его гибели (B720, л. 92а). Версия оставляет больше неясностей: не конкретизированы ни личности претендентов, ни характер «недоразумений», ни суть «несчастливого случая». Расплывчатость может свидетельствовать о неизвестности деталей даже современникам или о сознательном избегании компрометирующих уточнений.

Таким образом, обе версии подчеркивают внезапность гибели и уязвимость Мирзы Хайдара. Однако первая конкретна, драматична и, можно сказать, выполняет идеологическую функцию, вторая – расплывчата. Приведение обеих версий без предпочтения свидетельствует о сложности исторической памяти о Мирзе Хидаре в кашмирском обществе XVIII века. Мухаммад А'зам зафиксировал состояние предания своего времени, когда спустя двести лет обстоятельства гибели оставались предметом интерпретаций.

КАШМИРСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Анализ двух версий гибели Мирзы Хайдара, приведенных Мухаммадом А'замом, ставит закономерный источниковедческий вопрос: на какие материалы опирался автор, составлявший свой труд спустя почти два столетия после описываемых событий? Решение этой проблемы лежит прежде всего в обращении к кашмирской историографической традиции XVI–XVII веков – периоду формирования локальной исторической литературы, зафиксировавшей память о могольском завоевании и правлении Мирзы Хайдара.

Следует отметить, что одной из ключевых проблем изучения обстоятельств гибели Мирзы Хайдара является практически полное отсутствие синхронных событию источников. Его современники и соратники либо не оставили письменных свидетельств, либо эти тексты не сохранились. Могольские хронисты Абу-л-Фазл и Фиришта писали спустя несколько десятилетий после событий и опирались на устные предания или утраченные источники. Кашмирская историографическая традиция зафиксировала события еще позже – «Бахаристан-и Шахи» был составлен

около 1614 года, то есть через шестьдесят с лишним лет после гибели Мирзы. Таким образом, все дошедшие до нас версии представляют собой ретроспективные реконструкции, что объясняет их противоречивость.

Примечательно, что даже точная дата гибели Мирзы Хайдара остается предметом споров среди историков. «Бахаристан-и Шахи» указывает конкретную дату – 8 зу-л-ка'ада 957 года хиджры (~ 18 ноября 1550 года н. э.). Весомым аргументом в пользу 957 года хиджры (1550 года н. э.) служит надпись на гробнице Мирзы Хайдара с хронограммой [7: 234]. Однако другие источники приводят иные даты: Хайдар Малик называет 959 год хиджры, Абу-л-Фазл – 958 год хиджры (1551 год н. э.). Европейские исследователи, опираясь на могольские источники, также придерживаются 1551 года, и эта датировка остается общепринятой в современной исторической науке.

Обратимся к сохранившимся сведениям. Уже упомянутый труд «Бахаристан-и Шахи» (ок. 1614) – первая полностью сохранившаяся хроника истории Кашмира на персидском языке. Анонимная работа охватывает период от древности до начала XVII века. Автор, предположительно придворный историк или образованный чиновник, имел доступ к официальным документам и устным преданиям. Текст отличается литературным стилем, он стал важным образцом персидской историографии Кашмира [5: 27].

Согласно «Бахаристан-и Шахи», в 957 году хиджры (1550 год н. э.) Мирза Хайдар столкнулся с системным военно-политическим кризисом. Его гарнизоны по всему Кашмиру терпели поражения. Мирза Хайдар разбил лагерь у деревни Ватхура³, по совету командиров была спланирована ночная атака. Восьмого числа месяца зу-л-ка'ада 957 года хиджры (~ 18 ноября 1550 года н. э.) Мирза Хайдар погиб от удара копьем, нанесенного неким Камалом Дуни [5: 145]. Эта версия существенно отличается от версии Хайдара Малика и Мухаммада А'зама по нескольким параметрам. Во-первых, называется конкретный убийца, а не анонимный представитель народа. Во-вторых, оружие убийства – копье, а не топор, что изменяет характер события.

«Бахаристан-и Шахи» в свою очередь стал основой для гораздо более известного кашмирского исторического сочинения – истории Хайдара Малика Чадуры. Работа содержит сведения начиная с древней истории Кашмира и заканчивая современными автору событиями (1618–1621 годы) [10].

Хайдар Малик Чадура приводит версию о гибели Мирзы Хайдара от рук мясника, которая текстуально совпадает с первой версией Мухаммада А'зама⁴. Это совпадение не ограничивается общей фабулой, но распространяется на детали повествования и стилистические особенности, что убедительно свидетельствует о прямом заимствовании. Мухаммад А'зам использовал труд Хайдара Малика в качестве источника, сохранив не только фактическую канву событий, но и характер изложения.

Устойчивость этого нарратива указывает на его идеологическую значимость для кашмирской исторической памяти. К XVIII веку образ простого мясника, убивающего чужеземного правителя топором, закрепился в локальной традиции как символ народного сопротивления могольскому владычеству. Сохранение этой версии свидетельствует о том, что она выполняла функцию легитимации антимогольских настроений и поддержания коллективной идентичности, основанной на противопоставлении местного населения чужеземным завоевателям.

Примечательно, что, несмотря на текстологическую преемственность между трудами Хайдара Малика Чадуры и Мухаммада А'зама, в дальнейшем развитии кашмирской историографии произошел заметный сдвиг в сторону второй, более нейтральной версии гибели Мирзы Хайдара. Так, в работе на персидском языке уже XIX века – «Тарих-и Хасан» – автор Мавлави Гулам Хасан Куйхами сообщает, что Мирза Хайдар погиб в темноте вследствие несчастного случая [9: 260]. Эта формулировка перекликается со второй версией Мухаммада А'зама, хотя и не идентична ей текстуально.

МОГОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Могольская историографическая традиция представлена двумя ключевыми источниками – трудами Абу-л-Фазла и Фириште. Абу-л-Фазл (1551–1602), придворный историк падишаха Акбара и автор фундаментального труда «Акбар-нама» (конец XVI века), упоминает о гибели Мирзы Хайдара крайне лаконично, но приводит две версии. Согласно первой версии, Мирза погиб от руки Камала Дуни во время ночного нападения в Сринагаре, что перекликается с версией из «Бахаристан-и Шахи». Вторая версия утверждает, что смерть Мирзы произошла случайно – один из его собственных слуг неумышленно поразил его стрелой [8: 296].

Значительно более подробные сведения содержатся в «Тарих-и Фиришта» или «Гулшан-и Ибрахими» Фириште (ок. 1570–1620), написанном в начале XVII века. Следуя его изложению, Мирза Хайдар начал поход для подавления мятежа в одном из районов Кашмира. Согласно первой версии Фиришты, Шах Назар, оружейник Мирзы Хайдара, в ночной темноте выпустил стрелу и услышал, как Мирза Хайдар вскрикнул: «Безобразие!» Тогда Шах Назар понял, что стрела попала в Мирзу Хайдара. По другой версии, Мирзу Хайдара убил мясник, а по третьей – его зарубил мечом Камал Дуни. Однако Фиришта сообщает, что на утро никаких следов, кроме раны от попадания стрелы, на теле Мирзы Хайдара обнаружено не было⁵.

Таким образом, могольская историографическая традиция интерпретирует гибель Мирзы Хайдара как военную неудачу и стратегическую случайность, лишенную героического или символического измерения. Версия о мяснике упоминается вскользь и практически сразу опровергается автором.

ЕВРОПЕЙСКАЯ И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Европейская историография, обращаясь к вопросу гибели Мирзы Хайдара, опиралась преимущественно на могольские источники, адаптированные через призму колониальной науки XIX века. Ключевую роль в формировании европейского понимания событий сыграли английские переводы и интерпретации индийских хроник. Генри Беверидж (Henry Beveridge) в своем переводе «Акбар-нама» Абу-л-Фазла (1907) зафиксировал крайне лаконичное упоминание о гибели Мирзы Хайдара⁶. Генерал Джон Бриггс (John Briggs) в переводе труда Фириште (1829) представил лаконичную версию: произошло неожиданное ночное нападение мятежников, и Мирза Хайдар пал от стрелы в бою [6: 289]. Чарльз Роджерс (Charles Rogers) в своем издании того же источника (1900-е годы) предложил более детализированную интерпретацию, сохраняя при этом общую канву событий. В ночное время на подступах к лагерю Мирзы Хайдара произошло неожиданное нападение повстанцев, в ходе которого могольское войско потерпело поражение, а сам Мирза был смертельно ранен стрелой. Трагическая случайность заключалась в том, что смертельная стрела была выпущена кем-то из собственного войска Мирзы Хайдара в условиях ночной темноты и хаоса боя⁷.

Современные европейские исследователи отмечают, что существует ряд версий обстоятельств гибели Мирзы Хайдара, но среди них не фигурирует версия о мяснике [7: 233–234].

Анализ сведений о гибели Мирзы Хайдара из отечественной научной литературы говорит о том, что ее обстоятельства не становились предметом значительного внимания и дискуссий. Российские специалисты в целом сходились во мнении относительно базовых деталей данного происшествия – Мирза Мухаммад Хайдар пал в результате боевых столкновений на территории Кашмира, хотя нюансы трактовок несколько варьировались. Так, в исследованиях В. В. Бартольда, признанного эксперта по истории Центрально-Азиатского региона, его смерть связывается с периодом народного восстания против могольского господства [1: 598]. Во вступительной части к русскоязычной версии «Тарих-и Рашиди», подготовленной А. Урунбаевым, Р. Джалиловой и Л. Епифановой, сообщается, что Мирза Хайдар пал в ходе боевого противостояния с горным племенем, что указывает на непростой характер его усилий по установлению контроля над горными районами Кашмира [3: 8–9]. В собрании исследований В. П. Юдина, затрагивающих историю данной территории, отмечается, что смерть опытного военного руководителя в ходе схватки с горным племенем от стрелы, выпущенной его собственным воином, была досадной и даже абсурдной [4: 180].

ВЫВОДЫ

Системные расхождения между различными версиями гибели Мирзы Хайдара Дуглата обусловлены комплексом взаимосвязанных факторов, которые можно структурировать следующим образом. Различные историографические традиции интерпретировали событие в соответствии с собственными идеологическими установками и политическими интересами. Кашмирские источники акцентируют сопротивление чужеземному владычеству. Версия о мяснике может указывать на народную борьбу и утверждать коллективную идентичность через противопоставление местного населения могольским завоевателям. Образ простого ремесленника, убивающего правителя топором, превращает событие в символ народной справедливости. Могольские источники нейтрализуют вину через акцент на случайности. Версия о гибели от стрелы собственного воина в темноте деполитизирует событие, представляя его как трагическое не-

доразумение, а не результат организованного сопротивления или успешного покушения. Это позволяет избежать как героизации антимогольской борьбы, так и признания слабости имперской власти в регионе. Более поздние интерпретации содержат нейтральную версию и отсутствие конкретных деталей, что отражает как географическую, так и временную удаленность от событий, а также стремление к нейтральному изложению, избегающему острых политических оценок.

Объективные обстоятельства гибели – военные действия в условиях ночного времени – создавали ситуацию, в которой установление точных деталей было затруднено изначально. Увеличение временной дистанции между событием и его фиксацией приводило к трансформации исторической памяти. Ранние кашмирские и могольские источники (XVI–XVII века) сохраняют конкретные детали – имена, орудия, обстоятельства. Более поздние источники демонстрируют тенденцию к обобщению и символизации. Временная дистанция также объясняет, почему некоторые историографы в целом и Мухаммад А'зам, писавший спустя почти два столетия после событий, в частности посчитали необходимым привести обе версии, не отдавая предпочтения ни одной: к XVIII веку обстоятельства гибели окончательно превратились в предмет различных интерпретаций, между которыми невозможно было сделать однозначный выбор.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов относительно историкоисторической ценности рукописи «Ваки'ат-и Кашмир» Мухаммада А'зама и проблемы историографических расхождений в освещении гибели Мирзы Хайдара Дуглата.

Рукопись В720 представляет собой важный источник по истории Кашмира, созданный в период кризиса Могольской империи (1735–1748) и отражающий состояние локальной исторической памяти. Текстологический анализ доказывает непосредственную зависимость первой версии (о мяснике с топором) от труда Хайдара Малика Чадуры, демонстрируя механизм преемственности: более поздний автор воспроизводит текст предшественника с минимальными изменениями. Вторая версия (о несчастном случае на пути к переговорам) представляется более нейтральным вариантом, встречающимся и в других современных событиях источниках.

Примечательна трансформация доминирующих интерпретаций в кашмирской историогра-

фии: от драматического нарратива о мяснике (XVI–XVII века) через включение альтернативной версии (XVIII век) к преобладанию формулировки о несчастном случае (XIX век). Этот сдвиг отражает утрату остроты антимогольских настроений и изменение отношения к событиям.

Множественность версий обстоятельств гибели Мирзы Хайдара в Кашмире не является источниковедческим недостатком, но представляет ценный материал для понимания механизмов формирования исторической памяти и роли идеологических факторов в конструировании нарративов. Каждая версия отражает не столько реальность события 1550/51 года, сколько реальность его восприятия в различных культур-

ных и политических контекстах на протяжении последующих столетий.

Рукопись «Ваки'ат-и Кашмир» занимает важное место в системе источников по истории Кашмира как пример локальной традиции, зафиксировавший критический момент трансформации исторической памяти – сосуществование и конкуренцию различных интерпретаций в период перехода от антимогольских нарративов к примирительным. Дальнейшее изучение кашмирской персоязычной историографии позволит обогатить понимание региональной истории и механизмов формирования исторической памяти в условиях культурного и политического многообразия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Барамула (или Барамулла) – сейчас город и округ индийской союзной территории Джамму и Кашмир.
- ² Андаркот – сейчас город, обладающий большой археологической ценностью, в округе Барамула индийской союзной территории Джамму и Кашмир.
- ³ Ватхура – сейчас населенный пункт в составе Сринагара.
- ⁴ Hasan Haidar Malik ibn Malik. *Tarikh-i mulk-i Kashmir* [История государства Кашмир]. Рукопись № 5130, библиотека Меджлиса Национального совета Ирана. Р. 243 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ketabpedia.com/download/6576> (дата обращения 14.08.2025).
- ⁵ Ferishta Mahomed Kasim. *Tarikh-i-Ferishta, or History of the rise of the Mahomedan power in India*. (Edited and collected from various manuscript copies by Major-General John Briggs, assisted by Munshi Mir Kheirat Ali Khan Mushtak of Akberabad). Vol. 2. Bombay: Government College Press, 1831. P. 693.
- ⁶ Abu-l-Fazl. *The Akbar Nama*. (H. Beveridge, Transl.). Vol. 1. Calcutta: Asiatic Society, 1907. P. 406.
- ⁷ Dughlat M. H. *The Tarikh-i-rashidi: A history of the Moghuls of Central Asia*. An English version. London: S. Low, Marston and Company, 1895. P. 22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В. В. Сочинения: В 9 т. Т. 8. Работы по источниковедению. М.: Изд-во восточной лит., 1973. 723 с.
2. Смирнова А. М. Персидская рукопись XVIII века из коллекции ИВР РАН: Вклад в историографию Кашмира // Современные востоковедческие исследования. 2024. Т. 6 (2). С. 123–132. DOI: 10.24412/2686-9675-2-2024-123-132
3. Хайдар М. М. Тарих-и Рашиди / Введ., пер. с перс. А. Урунбаева, Р. Джалиловой, Л. Епифановой; Примеч. и указатели Р. Джалиловой и Л. Епифановой. Ташкент: Фан, 1996. 728 с.
4. Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-пресс, 2001. 380 с.
5. *Baharistan-i Shahi*. A chronicle of medieval Kashmir. (K. N. Pandit, Ed.). Calcutta: Firma KLM Private Limited, 1991. 296 p.
6. Ferishta M. K. *History of the rise of the Mahomedan power in India, till the year A. D. 1612*. (J. Briggs, Transl.). Vol. 4. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation, 2016. 795 p.
7. Parmu R. K. *A history of Muslim rule in Kashmir, 1320–1819*. Delhi: People's Publishing House, 1969. 544 p.
8. Abu al-Fazl. *Akbar namah*. *Tarikh-i Gurmukhiyan-i Hind* [Акбар-нама. История Гурканидов Индии]. В кн.: Gulam Riza Tabatabai Majd [Редактор: Гулам Риза Табатабаи Маджд]. Vol. 1. Tehran, 1385 [2006]. 610 p.
9. Hasan Pir Ghulam. *Tarikh-i Hasan Kuyhami* [История Хасана Куйхами]. Vol. 2. Srinagar, 1954. 566 p.
10. Tayyibi Fard Kazim. *Haydar Malik va kitab-i tarikh-i Kashmir: daricha-yi ba shinakht-i Kashmir-i tarikhi* [Хайдар Малик и книга истории Кашмира: окно в изучение исторического Кашмира] // *Guzarish-i Miras* [Отчет о наследии]. 1392 [2013/2014]. № 5, 6. Р. 14–18.

Поступила в редакцию 05.03.2026; принята к публикации 02.06.2026; дата публикации 30.09.2026

Anastasiia M. Smirnova, Junior Researcher, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0009-0000-0931-4696; anastasiiasmirnova111@gmail.com

THE DEATH OF MIRZA HAIDAR DUGHLAT: THE MANUSCRIPT EVENTS OF KASHMIR AND THE PROBLEM OF HISTORIOGRAPHICAL DISCREPANCIES

Abstract. The article presents a source study analysis of the Persian-language manuscript B 720, titled *Events of Kashmir*, authored by Muhammad A'zam Didamari and housed in the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. The study focuses on the contradictory accounts within the manuscript concerning the death of Mirza Muhammad Haidar Dughlat, a Mughal military commander and historian, known for his chronicle *Tarikh-i Rashidi*. The primary aim of the study is to assess the source value of the manuscript as a representative of the Kashmiri historiographical tradition and to explore the reasons behind discrepancies between different versions of the same historical event. The research draws on folios 91b–92a of the manuscript B720, alongside Kashmiri chronicles from the XVI to the XIX centuries, Mughal sources, and European Orientalist literature. Methodologically, the study uses a combination of comprehensive source criticism, comparative-historical analysis, and textological examination. The findings identify two main versions of the circumstances surrounding Mirza Haidar's death: a dramatic narrative portraying his death at the hands of a Kashmiri butcher, and a neutral account describing it as an accident. Through comparison with Kashmiri sources (such as Haidar Malik Chadurah's work and the anonymous *Baharistan-i Shahi* chronicle), Mughal chronicles (by Abu'l-Fazl and Firishta), and European scholarly literature, the research demonstrates the mechanisms of formation of regional historiographical traditions. The studied manuscript is positioned as an example of a transitional phase in the eighteenth-century Kashmiri historiography – a work that recorded the coexistence of competing narratives about one of the events in regional history. The significance of this study lies in expanding the available source base on Kashmiri history, introducing a relatively understudied manuscript into scholarly discourse, and demonstrating an approach to handling contradictory evidence that can be applied to other Persian-language historical texts from the region.

Key words: Mirza Haidar, Kashmir, manuscript, Kashmir historiography, Persian-language historical chronicles, source study analysis

For citation: Smirnova, A. M. The death of Mirza Haidar Dughlat: the manuscript *Events of Kashmir* and the problem of historiographical discrepancies. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1346

REFERENCES

1. Bartold, V. V. Collected works: In 9 vols. Vol. 8. Studies in source criticism. Moscow, 1973. 723 p. (In Russ.)
2. Smirnova, A. M. A Persian manuscript of the 18th century from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts (RAS): Contribution to the historiography of Kashmir. *Modern Oriental Studies*. 2024;6(2):123–132. DOI: 10.24412/2686-9675-2-2024-123-132 (In Russ.)
3. Haidar, M. M. The *Tarikh-i Rashidi*. (A. Urunbaev, R. Dzhaliylova, L. Epifanova, Transl., Eds.). Tashkent, 1996. 728 p. (In Russ.)
4. Yudin, V. P. Central Asia in the XVI–XVIII centuries through the eyes of an orientalist. Almaty, 2001. 380 p. (In Russ.)
5. *Baharistan-i Shahi*. A chronicle of medieval Kashmir. (K. N. Pandit, Ed.). Calcutta, 1991. 296 p.
6. Firishta, M. K. History of the rise of the Mahomedan power in India, till the year A. D. 1612. (J. Briggs, Transl.). Vol. 4. New Delhi, 2016. 795 p.
7. Parmu, R. K. A history of Muslim rule in Kashmir, 1320–1819. Delhi, 1969. 544 p.
8. Abu al-Fazl. Akbar namah. (Gulam Riza Tabatabai Majd, Ed.). Vol. 1. Tehran, 1385 [2006]. 610 p.
9. Hasan, Pir Ghulam. *Tarikh-i Hasan Kuyhami*. Vol. 2. Srinagar, 1954. 566 p.
10. Tayyibi Fard, Kazim. Haydar Malik va kitab-i tarikh-i Kashmir: daricha-yi ba shinakht-i Kashmir-i tarikhi. *Guzarish-i Miras*. 1392[2013/2014];5,6:14–18.

Received: 5 March 2026; accepted: 2 June 2026; published: 30 September 2026

КСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КАЗАКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных исследований
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр
Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5071-4947; k.kazakova@ksc.ru

ПЕРВЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬ ПЕЧЕНГСКОГО МОНАСТЫРЯ, ИЛИ ИСТОРИЯ С ДУХОВНЫМ ЗАВЕЩАНИЕМ ПАВЛА ЗУБОВА

А н н о т а ц и я . Реконструируется делопроизводство по духовному завещанию Павла Михайловича Зубова, жителя Кильдинского погоста Кольского уезда. Материалы, обнаруженные в Государственном архиве Архангельской области и Российском государственном историческом архиве, позволяют дополнить сведения об участии благотворителей в восстановлении Печенгского монастыря в 1880-х годах. На основании анализа текста духовного завещания можно предположить, что Павел Зубов, будучи активным сторонником развития северных территорий, уже в 1870-х годах поддерживал идею о необходимости восстановления Печенгского монастыря, действовавшего на Кольском Севере в XVI–XVIII веках и закрытого в 1764 году в ходе секуляризационной реформы Екатерины II. В домашнем духовном завещании Павла Зубова, составленном в 1874 году, зафиксирована необходимость передачи определенной денежной суммы Печенгскому монастырю, на тот момент еще не существовавшему. В ходе анализа архивных материалов рассматривается характер взаимодействия местных, епархиальных и центральных властей в решении вопроса об использовании завещанного капитала.

Ключевые слова: благотворительность, духовное завещание, Печенгский монастырь, храмоостроение, Кольский уезд, Европейская Арктика

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме НИР FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России». Автор благодарит за помощь в работе с материалами Государственного архива Архангельской области архивиста Н. В. Кузнецову.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Казакова К. С. Первый благотворитель Печенгского монастыря, или История с духовным завещанием Павла Зубова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 15–21. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1347

ВВЕДЕНИЕ

Появление на Кольском Севере православных приходов, строительство храмов способствовали укреплению православной веры на северных окраинах Российской империи. Несмотря на выделение государственных средств на развитие окраинных территорий, многие церкви и часовни на Кольском Севере строились «тщанием прихожан». Исследователи отмечают, что со второй половины XIX века в Архангельской губернии наблюдается подъем общественной благотворительности, который определялся осознанием необходимости совместной социальной работы церкви, государства, различных обществ и благотворителей [4]. Некоторые церкви на Кольском Севере в конце XIX века были полностью построены за счет частных пожертвований, например церковь Тихвинской иконы Божией Матери

в Кашкаранцах, Алексиевская церковь в Разнаволоцком погосте, церковь во имя пророка Илии в Харловском становище на Мурманском берегу и другие. Одним из масштабных проектов в Арктике конца XIX века, в котором принимали участие как члены императорской семьи, так и простые крестьяне, было восстановление на Кольском Севере Печенгского монастыря.

В 1881 году в Архангельске по инициативе губернатора Н. М. Баранова была создана Комиссия о нуждах Северного края. Возобновление Печенгского монастыря члены Комиссии признали «делом первостепенной важности», и через архангельского епископа Серапиона обратились по этому вопросу в Святейший Синод [7]. Синод удовлетворил это ходатайство, но с тем условием, чтобы средства на возобновление монастыря были изысканы самостоятельно.

О восстановлении Печенгского монастыря в конце XIX века написано несколько объемных трудов очевидцами тех исторических событий¹. Различные проблемы по истории монастыря рассматриваются и современными исследователями [6], [7], [8]. Однако, говоря о начальном этапе восстановления Печенгского монастыря, исследователи чаще всего приводят данные о суммах, собранных на восстановление, нежели уделяют внимание изучению личных историй благотворителей. Наиболее информативной работой, в которой содержатся сведения об участии различных общественных деятелей в деле восстановления Печенгского монастыря в 1880-х годах, является книга П. В. Федорова [9]. В настоящей статье рассматривается ранее неизвестный исторический сюжет о завещании капитала крестьянином Кольского уезда Павлом Михайловичем Zubовым Печенгскому монастырю.

Павел Михайлович Zubов родился в Кильдинском погосте в 1784 году в семье небогатого промышленника. Согласно данным мурманского историка И. Ф. Ушакова, Павел Михайлович с 1790-х годов принимал активное участие в морских рейсах, а с 1810-х организовал собственный китоловный промысел на Мурмане [10: 81]. Zubов получил известность в Лапландии как знаток морского дела, принимал активное участие в защите интересов коренного саамского населения, в 1860 году был одним из представителей жителей Кольско-Лопарской волости, выступивших с ходатайством перед российским правительством о запрещении селиться на Мурмане беглым преступникам из Норвегии и вообще норвежцам, захватывающим лопарские промысловые угодья. Павел Михайлович принимал активное участие в заседаниях Вольно-экономического общества и Общества содействия русской промышленности и торговле, на которых обсуждалось развитие Русского Севера. В «Некрологе», опубликованном в петербургской газете «Голос», говорится о том, что Павел Zubов активно взаимодействовал с учеными-путешественниками, адмиралом Чичаговым, графом Ф. Литке, полярным мореплавателем Старостиным. Из «Некролога» 1874 года, который и цитирует И. Ф. Ушаков, свое имущество Павел Zubов завещал Троицкому Печенгскому монастырю на открытие там школы мореплавания².

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследовательский интерес к приведенным в литературе сведениям о пожертвовании крестьянином Павлом Zubовым средств на открытие школы мореплавания для коренного саамского

населения привел к обнаружению нескольких архивных дел, связанных с этим историческим сюжетом. Одно из них хранится в Государственном архиве Архангельской области в фонде Архангельской духовной консистории и представляет собой переписку между священником Печенгского прихода Георгием Терентьевым, епископом Архангельской епархии Нафанаилом (Соборовым) и Архангельской духовной консисторией. Также материалы, связанные с завещанием Павла Zubова, были выявлены в фондах Российского государственного исторического архива. В фондах Святейшего Синода представлено дело, содержащее делопроизводственные документы этой инстанции по рассмотрению ходатайств от Архангельской епархии о назначении капитала, пожертвованного Павлом Zubовым Печенгскому монастырю. Анализ этих архивных материалов позволяет сделать вывод о точном содержании духовного завещания, а также дает представление об интересах и характере взаимодействия местных, епархиальных и центральных духовных властей в решении вопроса об использовании капитала благотворителя.

МОНАСТЫРЬ ИЛИ ШКОЛА?:

ЗАВЕЩАНИЕ, КОТОРОЕ ОПЕРЕДИЛО ВРЕМЯ

Практика составления домашних духовных завещаний была достаточно распространена в Российской империи [1]. Духовные завещания – специфический и в то же время чрезвычайно информативный источник, в сжатом виде характеризующий условия быта и повседневной жизни его составителя, указывающий на присущие ему мировоззренческие ориентиры, отражающий развитие семейного и наследственного права [2]. Домашнее духовное завещание Павла Zubова было составлено им 18 мая 1874 года, незадолго до смерти. Свидетелями при составлении завещания, которые подтверждали, что «видели завещателя и нашли его в здравом уме и памяти», стали купец 2-й гильдии Николай Михайлович Косарев и крестьянин Вологодской губернии Антон Тимофеевич Старостин³. Согласно завещанию после смерти из 700 рублей, отданных при свидетелях Павлом Zubовым на хранение Санкт-Петербургскому купцу Егору Федоровичу Буевскому, необходимо было переслать 500 рублей в Печенгский монастырь Преподобного Трифона близ города Колы, 100 рублей в Шенкурский женский монастырь в Архангельской губернии и 100 рублей было назначено на расходы по погребению и последующему поминовению. В документе также фиксировалось, что в Печенгский монастырь была завещана икона св. Николая Чудотворца с ризою. В документе было зафиксировано и остальное имущество Павла Зу-

бова: деньги, сумма которых по торговой книге составляла порядка 300 руб., судно, находящееся у Тучкова моста, стоящее примерно 30 руб., пять штук серебряных карманных часов без цепочек и «прочее мелочное имущество»⁴. Перечисленное после смерти завещателя передавалось в полное распоряжение его душеприказчику, который получал право распорядиться как наличными деньгами, так и вырученными от продажи имущества по собственному усмотрению. Душеприказчиком для исполнения данного завещания был назначен купец, известный общественный деятель, сторонник развития Русского Севера, меценат Михаил Константинович Сидоров (1823–1887).

После смерти Павла Зубова 30 июля 1874 года, как следует из архивных материалов, от продажи его имущества было выручено 10 руб. 33 коп. Эта сумма была добавлена к 600 руб., пожертвованным на монастыри, и отправлена М. К. Сидоровым в Печенгский приход Кольского уезда. Приход был образован в 1857 году на месте существовавшего на Кольском Севере в XVI–XVIII веках и закрытого в 1764 году в ходе секуляризационной реформы Екатерины II Троицкого Печенгского монастыря. Данный приход в 1880-х годах состоял из Печенгского и Мотовского погостов и нескольких колоний Мурманского берега⁵ (рис. 1). Приходским храмом в Печенге была Сретенская церковь, построенная в 1708 году, в которой находились мощи преподобного Трифона Печенгского (рис. 2). Также к приходу относилась Троицкая часовня, построенная в 1808 году на могиле 116 убиенных иноков. В сентябре 1883 года после пристройки паперти и алтаря из часовни была образована церковь и освящена во имя преподобного Трифона Печенгского⁶.

Рис. 1. Колонисты и лопари в Печенгском заливе.
Дер. Трифонов Ручей. Конец XIX – начало XX века.
Фото Я. И. Лейцингера⁷

Figure 1. Colonists and Lapps in Pechenga Bay. The village of Trifonov Ruchey, late XIX – early XX centuries. Photo by Ya. I. Leizinger

Рис. 2. Церковь Сретения Господня. 1889 год⁸

Figure 2. Church of the Presentation of the Lord, 1889

Получателем денег, предназначенных по завещанию Троицкому Печенгскому монастырю, должен был стать священник Печенгского прихода Георгий Терентьев, известный просветитель и проповедник Кольского Севера конца XIX – начала XX века. Именно он явился инициатором делопроизводства по завещанию Павла Зубова, обратившись за разъяснениями по этому вопросу в Архангельскую епархию, к которой в указанный период относился Кольский уезд.

В процессе делопроизводства выяснилось, что при пересылке денег из Санкт-Петербурга через Кемское полицейское управление они были незаконно растрочены помощником кемского исправника Благовещенским. Часть денег была взыскана с господина Маршинда, который на момент растраты был начальником Кемского полицейского управления. В итоге лишь к 1881 году большая часть суммы, а именно 456 руб. 58 коп., из которых 2 руб. 35 коп. израсходовали на пересылку, была получена Кольско-лопарским волостным правлением⁹.

Только в марте 1883 года отец Георгий, видимо, не дождавшись получения остальной суммы растроченных денег, обратился к Архангельской духовной консистории с изложением обстоятельств дела и вопросом о том, как следует расходовать полученные средства. В донесении к Архангельской духовной консистории печенгский священник пояснял, что в завещании не было указано, на что именно должны быть употреблены пожертвованные Зубовым деньги, поэтому он обратился к душеприказчику

Зубова. Как свидетельствовал отец Георгий, М. К. Сидоров ответил ему, что деньги должны поступить на устройство школы в Печенгской колонии. Донося об этом, Георгий Терентьев просил разъяснения, как поступить с пожертвованными Зубовым деньгами. Следует ли обратиться их в процентные бумаги и на проценты открыть и содержать в Печенгской колонии училище или все деньги израсходовать на покупку дома для училища и на учебные предметы¹⁰. Также Георгий Терентьев направил ходатайство в Архангельскую духовную консисторию о том, что часть пожертвованных денег, а именно 152 руб. 42 коп., до сих пор не были получены приходом.

Для выяснения обстоятельств дела Консистория затребовала копию с духовного завещания крестьянина Зубова. Оказалось, что в завещании было прописано, что 500 руб. жертвуются в пользу Печенгского монастыря без указания определенного назначения этого капитала. В то же время, согласно донесению отца Георгия Терентьева, М. К. Сидоров, который являлся душеприказчиком Зубова, сообщал следующее:

«Так как Печенгского монастыря не существует и вместо него существует Сретенская церковь на р. Печенге, в которой почивают мощи Преподобного Трифона, основателя Печенгского монастыря, то он просит употребить деньги на устройство школы в Печенгской колонии»¹¹.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и обратиться к биографии Михаила Константиновича Сидорова, так как его свидетельства о назначении капитала Зубова на устройство школы были определяющими в рассмотрении дела о завещании. К настоящему времени в историографии сложилось две точки зрения на значение деятельности М. К. Сидорова и выдвигавшихся им инициатив по освоению северных территорий [5: 270]. Одни исследователи чрезвычайно высоко оценивают его усилия, противопоставляя их косности административно-управленческого аппарата Российской империи, другие, напротив, подчеркивают утопичность и непродуманность проектов Михаила Константиновича. В контексте выбранной нами темы интерес представляют не столько проекты М. К. Сидорова, сколько его духовное завещание, ставшее предметом исследования Е. В. Комлевой, в котором автор приходит к выводу о том, что практически через каждый раздел духовного завещания М. К. Сидорова проходят две главные темы – увеличение населения (прежде всего на Севере) и распространение образования (но не классического, а узконаправленного, профориентированного) [5]. Как следует из черновика духовного завещания М. К. Сидорова,

он, будучи сторонником развития практически-го образования, планировал выделять средства на обучение мальчиков в школах торгового мореплавания. Он также считал нужным вовлекать в это дело не только русское население, но и коренные народы Севера, закладывая по 3 тыс. руб. серебром ежегодно «на образование мореходных и ремесленных школ между самоедами, остяками, коряками, долганами, якутами и тунгусами, равно и лопарям» (цит. по [5: 273]). Анализ текста духовного завещания М. К. Сидорова, проведенный исследователями, показывает, что именно он был сторонником создания мореходных школ для коренного населения Севера. На наш взгляд, данный проект можно считать несколько утопичным, так как до 1880-х годов на Кольском Севере не существовало даже церковных школ при приходах в саамских погостах и дело образования коренного населения целиком зависело от инициативы приходских священников [3]. Можно также с большой долей уверенности предположить, что именно М. К. Сидоров был автором «Некролога» по случаю кончины Павла Михайловича Зубова, в котором сообщалось о том, что

«покойный с особенным чувством рассказывал о желаниях, выраженных наследником Цесаревичем и великим князем Алексеем Александровичем улучшить быт лопарей, устроить для них училище и развить торговое мореплавание между Печорой и Кильдином»¹².

«Зубов завещал все свое небольшое имущество Троицкому Печенгскому монастырю на открытие школы мореплавания. Приход этот находится на месте древнего Печенгского монастыря, основанного в 1550 году преподобным Трифоном в самой отдаленной части Лапландии, близ норвежской границы»,

– говорилось в тексте «Некролога»¹³. На основании обнаруженных нами архивных документов нельзя утверждать, разделял ли взгляды М. К. Сидорова о необходимости устройства мореходных школ на Кольском Севере Павел Зубов. Так или иначе, но в его духовном завещании никаких упоминаний о школах зафиксировано не было.

Архангельская духовная консистория, рассмотрев все обстоятельства дела, связанные с завещанием Павла Михайловича Зубова, вынесла свое решение 14 августа 1884 года, которое и было утверждено архангельским епископом Серапионом. В нем говорилось:

«Хотя в 1874–1876 гг. Печенгского монастыря еще не существовало, но ввиду того, что мысль о восстановлении его была уже в то время и главным деятелем по восстановлению монастыря был и в настоящее время является статский советник М. К. Сидоров, необходимо заключить, что завещатель при назначении 500 рублей в пользу Печенгского монастыря имел в виду не Печенгскую приходскую церковь, а предположенный к восстановлению в Печенге монастырь»¹⁴.

Консистория постановила передать 510 руб. 33 коп. из Кольско-лопарского волостного правления в Комитет по возобновлению Печенгского монастыря, а 100 руб. отправить в Шенкурский монастырь.

Возможно, на решение вопроса о деньгах Павла Зубова повлияло уже одобренное Святейшим Синодом в 1881 году ходатайство Архангельской епархии о возобновлении Печенгского монастыря. В январе 1883 года для сбора средств на его восстановление в епархии был образован Комитет по возобновлению Печенгского монастыря. В состав комитета вошли архимандрит Михаил-Архангельского монастыря Амос, ректор Архангельской духовной семинарии протоиерей Ф. Трунев, священник Фантин Леонтиевский и иеромонах Сийского монастыря Полиевкт¹⁵. Иеромонах Полиевкт был назначен делопроизводителем Комитета, позднее он станет игуменом Пертоминского монастыря, а затем «уйдет на покой» в Печенгскую обитель [9: 12]. Известно, что еще в 1883 году с открытием навигации иеромонах Полиевкт и иеромонах Крестного монастыря Паладий были посланы в Печенгу для осмотра земельных и лесных угодий¹⁶. Именно с 1883 года начинается активная кампания по сбору пожертвований на восстановление Печенгского монастыря.

В феврале 1885 года на архангельскую епископскую кафедру вновь возвращается епископ Нафанаил (Соборов). В сентябре 1885 года он обратился к рассмотрению дела о деньгах Павла Зубова, так как в его распоряжении оказались рапорт делопроизводителя Комитета иеромонаха Сийского монастыря Полиевкта и отношение священника Печенгского прихода Георгия Терентьева. Между Печенгским приходом, епархией и Комитетом велась переписка по вопросу передачи денег. Епископ Нафанаил просил Архангельскую духовную консисторию прояснить обстоятельства дела, в частности: 1) обращены ли в процентные бумаги деньги в количестве 455 руб. 23 коп.; 2) где эти деньги хранятся; 3) не смешаны ли эти деньги с суммами Комитета; 4) имеется ли в Печенгской церкви духовное завещание на эти деньги?¹⁷ Полученные сведения убедили епископа Нафанаила в том, что капитал должен быть передан в распоряжение Печенгского прихода в соответствии с распоряжением душеприказчика Зубова М. К. Сидорова об открытии в приходе школы. В ответ на запрос епископа были получены сведения о том, что деньги были присланы печенгским священником Георгием Терентьевым на имя иеромонаха Полиевкта с просьбой обратить этот «училищный капитал» в ценные бумаги. Однако епископ Серапион, который занимал епископскую кафед-

ру в 1883 году, распорядился передать эту сумму в Комитет по возобновлению Печенгского монастыря, где они и хранились, будучи обращены в процентные бумаги вместе с другими суммами Комитета.

В декабре 1885 года епископ Нафанаил, получив эти сведения, распорядился возвратить эти деньги из сумм Комитета на основании того, что есть распоряжение душеприказчика Зубова М. К. Сидорова.

«В Трифоновской Печенгской церкви имеется капитал в 455 р. 23 к., предназначенный по распоряжению душеприказчика Сидорова, согласно воле завещания крестьянина Павла Зубова на устройство школы в Печенгской колонии. Между тем, этот капитал, имеющий свое прямое, специальное назначение, по распоряжению Епархиального начальства, как значится в клировой ведомости, взят в прошедшие годы от этой Трифоновской церкви и причислен почему-то к общим суммам Комитета на возобновление Печенгского монастыря»¹⁸,

– писал епископ в донесении к Архангельской духовной консистории.

Однако Консистория, сославшись на статью Свода законов Российской империи, которая запрещала судебным и прочим присутственным местам отменять собственные свои решения, а также отменять решения других мест, им равных или им не подчиненных, доносила епископу, что без разрешения Святейшего Синода не вправе отменять решение, уже принятое по делу Зубова 14 августа 1884 года.

В 1886 году архангельский епископ направил ходатайство в Святейший Синод об отмене постановления по делу Зубова 1884 года, утвержденного преосвященным Серапионом, и о разрешении привести в исполнение желание статского советника М. К. Сидорова об устройстве школы в Печенгской колонии.

Дело о завещании Павла Зубова рассматривалось Святейшим Синодом в октябре 1886 года. Необходимо отметить, что к этому времени уже было юридически закреплено возникновение нового монастыря на Кольском Севере. 12 марта 1886 года был подписан указ о возобновлении Печенгского монастыря как приписного к Соловецкому монастырю [9: 14].

Возможно, этот факт повлиял на окончательное решение Святейшего Синода по делу о деньгах Павла Зубова. Так или иначе, но резолюция была следующей:

«Принимая во внимание, что предположения о восстановлении Печенгского монастыря могли быть известны завещателю, скончавшемуся в 1876 г. (так в документе, здесь, вероятно, допущена ошибка с датой смерти. – К. К.) и что с открытием в настоящее время сего монастыря, обращение назначенных в пользу его денег на устройство школы не согласовалось бы с волею завещателя, определяем оставить ходатайство об обра-

щении денег на устройство школы без удовлетворения и капитал, хранящийся в Комитете по восстановлению Печенгского монастыря передать согласно назначению завещателя в Печенгский монастырь»¹⁹.

Как следует из материалов Архангельской духовной консистории, в ноябре 1886 года деньги были отправлены настоятелю Соловецкого монастыря Архимандриту Мелетию²⁰. Таким образом, деньги Павла Михайловича Зубова были переданы на восстановление Печенгского монастыря. В январе 1888 года дело, как не требующее дальнейшего производства, было сдано из Консистории в архив.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы делопроизводства по делу о завещании крестьянина Кильдинского погоста Кольского уезда Павла Михайловича Зубова наглядно

иллюстрируют, как была устроена вертикаль власти в духовном ведомстве Российской империи XIX века. В случае если мнение епископа не совпадало с решением Консистории, окончательная резолюция принималась Священным Синодом. Можно ли говорить, что длительное делопроизводство по завещанию Павла Зубова, в конечном счете, привело к тому, что деньги были переданы именно на восстановление Печенгского монастыря? Как известно, история не знает сослагательного наклонения. Тем не менее фактически Павел Зубов, крестьянин Кильдинского погоста, стал первым благотворителем, пожертвовав свой капитал Печенгскому монастырю, идея о восстановлении которого в 1874 году еще только обсуждалась сторонниками развития Русского Севера и только спустя десятилетие была реализована.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Корольков Н. Ф. Трифоно-Печенгский монастырь, основанный преподобным Трифоном, просветителем лопарей, его разорение и возобновление. СПб., 1908. 162 с.; Записки очевидца Д. А. Ануфриева о возобновлении Трифоно-Печенгского монастыря за время с 1890 по 1916 год. Архангельск: Губернская типография, 1916. 139 с.
- ² Некролог // Голос. 1874. № 213 (3 (15 августа)). С. 2.
- ³ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 2084. Дело о деньгах, завещанных крестьянином Кильдинского погоста Кемского уезда Зубовым Павлом Михайловичем в пользу Шенкурского Свято-Троицкого и Печенгского Трифонова монастырей. 1883–1884 г. Л. 6 об.
- ⁴ Там же. Л. 6.
- ⁵ Терентьев Георгий, свящ. Из Печенги (О перенесении и освящении Трифоновской церкви в Печенгском приходе) // Архангельские епархиальные ведомости. 1901. № 1. С. 30.
- ⁶ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Уезды: Онежский, Кемский и Кольский. Архангельск, 1896. С. 227.
- ⁷ Типы Севера: [конец XIX – начало XX веков: Фотоальбом / Фот. Я. И. Лейцингер] // «Кольский Север» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kolanord.ru/html_public/col_Osvoen-KS/Tipy-Severa_fotoaljbom/index.html (дата обращения 07.08.2026).
- ⁸ Подгаецкий Л. И. Фотоальбом «Мурман». Государственный музей-заповедник «Павловск». ЦХ-1651/17-XVI.
- ⁹ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 2084. Л. 9.
- ¹⁰ Там же. Л. 15–15 об.
- ¹¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 799. Оп. 4. Д. 1486. По ходатайству Нафанаила, епископа Архангельского о разрешении употребить 510 рублей на устройство школы при Печенгской колонии из сумм, завещанных купцом Зубовым в пользу Печенгского монастыря. Л. 2.
- ¹² Некролог // Голос. 1874. № 213 (3 (15 августа)). С. 2.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 4. Д. 1486 Л. 2 об.
- ¹⁵ Козмин Н. Д. Печенгский монастырь в Лапландии (Исторический очерк) // Архангельские епархиальные ведомости. 1901. № 15. С. 381.
- ¹⁶ Отчет возобновляемого Печенгского монастыря за 1883 и 4-й год // Архангельские епархиальные ведомости. 1885. № 1. С. 29.
- ¹⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 2084. Л. 25.
- ¹⁸ Там же. Л. 29.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 4. Д. 1486. Л. 28.
- ²⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 2084. Л. 23.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Н. Д. Имущественные отношения в духовных завещаниях купцов Псковской губернии второй половины XIX в // Клио. 2024. № 8 (212). С. 100–105. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-8-100-105
2. Дружинкина Н. Г. «Завещания» как исторический источник // История науки и техники. 2007. № 4. С. 41–48.
3. Казакова К. С. Взаимодействие Русской православной церкви и коренного населения северо-западных арктических территорий в деле народного просвещения в конце XIX – начале XX веков // Религиоведение. 2023. № 1. С. 5–14. DOI: 10.22250/20728662_2023_1_5
4. Колбакина Е. Ю. Благотворительные общества Архангельской губернии (XIX – начало XX в.) // Клио. 2009. № 1 (44). С. 70–82.

5. Комлева Е. В. «Я вознамерился составить духовное завещание»: последняя воля купца М. К. Сидорова (вторая половина XIX века) // Исторический курьер. 2024. № 3 (35). С. 268–285 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-21.pdf> (дата обращения 09.08.2026).
6. Конюшанец А. Святая обитель на вершине России: к 470-летию Трифонова Печенгского монастыря (1633–2003). М.: Трифонов Печенгский монастырь: Параклит, 2002. 128 с.
7. Коряковский А. Возрождение и расцвет Трифоно-Печенгского мужского монастыря при архимандрите Ионафане (Баранове) в конце XIX – начале XX века // Православие и наука в Арктике. К 300-летию Российской академии наук. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2024. С. 54–70.
8. Мацак В. А. Печенгский монастырь: От истоков к возрождению (документы, воспоминания, фотографии). СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2021. 960 с.
9. Федоров П. В. История Трифоно-Печенгского монастыря (1886–1917 гг.). Мурманск: МГПУ, 1996. 71 с.
10. Ушаков И. Ф. Кольский Север в досоветское время. Мурманск: Кн. изд-во, 2001. 336 с.

Поступила в редакцию 13.08.2026; принята к публикации 04.09.2026; дата публикации 30.09.2026

Original article

Ksenia S. Kazakova, Cand. Sc. (History), Senior Researcher,
Centre of the Humanities Research, Kola Science Centre of the
Russian Academy of Sciences (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5071-4947; k.kazakova@ksc.ru

THE FIRST BENEFACTOR OF THE PECHENGA MONASTERY, OR THE STORY OF PAVEL ZUBOV'S SPIRITUAL TESTAMENT

Abstract. This article reconstructs the records of the spiritual testament of Pavel Mikhailovich Zubov, a resident of the Kildinsky Pogost in the Kola Uyezd. Materials discovered in the State Archives of the Arkhangelsk Region and the Russian State Historical Archive provide additional information about the participation of benefactors in the restoration of the Pechenga Monastery during the 1880s. Drawing on an analysis of the testament's text, it can be inferred that Pavel Zubov, an active supporter of the development of northern territories, had already advocated for the restoration of the Pechenga Monastery in the 1870s. This monastery, which operated in the Kola North from the XVI to the XVIII centuries, was closed in 1764 during the secularization reform of Catherine II. Pavel Zubov's domestic spiritual testament, drafted in 1874, recorded the need to transfer a sum of money to the Pechenga Monastery, which did not yet exist at that time. The analysis of archival materials also explores the nature of interactions between local, eparchial, and central authorities in deciding how to use the bequeathed funds.

Key words: charity, spiritual testament, Pechenga Monastery, church construction, Kola Uyezd, European Arctic

Acknowledgements. The article was funded from the federal budget as part of the state research task No FMEZ-2024-0002 ("The Dynamics of the Sociocultural Landscape of the Kola North in the Context of the History of the Development of Russia's Arctic Frontier") assigned to the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. The author expresses her gratitude to the archivist N. V. Kuznetsova for her assistance in working with materials from the State Archives of the Arkhangelsk Region.

For citation: Kazakova, K. S. The first benefactor of the Pechenga Monastery, or the story of Pavel Zubov's spiritual testament. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):15–21. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1347

REFERENCES

1. Vasilieva, N. D. Property relations in spiritual wills of merchants of Pskov Province in the second half of the 19th century. *Klio*. 2024;8(212):100–105. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-8-100-105 (In Russ.)
2. Druzhinkina, N. G. "Testaments" as a historical source. *History of Science and Engineering*. 2007;4:41–48. (In Russ.)
3. Kazakova, K. S. Interaction of the Russian Orthodox Church and the indigenous population of the northwestern Arctic territories in the matter of public education in the late 19th – early 20th centuries. *Religiovedenie [Study of Religion]*. 2023;1:5–14. DOI: 10.22250/20728662_2023_1_5 (In Russ.)
4. Kolebakina, E. Yu. Charitable societies of the Arkhangelsk Province (XIX – early XX centuries). *Klio*. 2009;1(44):70–82. (In Russ.)
5. Komleva, E. V. "I set out to make a spiritual testament": the last will of merchant M. K. Sidorov (the second half of the 19th century). *Historical Courier*. 2024;3(35):268–285. Available at: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-21.pdf> (accessed 09.08.2026). (In Russ.)
6. Konnyshants, A. I. A holy monastery at the top of Russia: celebrating the 470th anniversary of the Monastery of St. Tryphon of Pechenga (1633–2003). Moscow, 2002. 128 p. (In Russ.)
7. Koryakovskiy, A. The revival and flourishing of the Trifono-Pechenga Monastery under Archimandrite Jonathan (Baranov) in the late 19th – early 20th centuries. *Orthodoxy and science in the Arctic. To the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences*. Apatity, 2024. P. 54–70. (In Russ.)
8. Matsak, V. A. The Pechenga Monastery: From origins to revival (documents, memories, photographs). St. Petersburg, 2021. 960 p. (In Russ.)
9. Fyodorov, P. V. History of the Monastery of St. Tryphon of Pechenga (1886–1917). Murmansk, 1996. 71 p. (In Russ.)
10. Ushakov, I. F. The Kola North in pre-Soviet times. Murmansk, 2001. 336 p. (In Russ.)

Received: 13 August 2026; accepted: 4 September 2026; published: 30 September 2026

КСЕНИЯ МИХАЙЛОВНА БОГАЧЕВА

младший научный сотрудник сектора истории Института
языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0009-0008-0447-9983; bogachevakm@gmail.com

ПОБРАТИМСКИЕ СВЯЗИ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ

А н н о т а ц и я . Побратимские связи Карельской АССР были составной частью советской «народной дипломатии». В историографии вопрос о том, как государственная регламентация зарубежных контактов соотносилась с опытом участников, их постижением зарубежной жизни, остается малоизученным. Цель работы заключается в восполнении этого пробела на материалах Карелии 1970–1980-х годов, когда были официально оформлены связи с городами Финляндии, ГДР, Франции, Швеции, США и ФРГ. Исследование опирается на качественный анализ архивных документов и биографических интервью с участниками побратимского движения. Сопоставление двух типов источников позволило сделать предположение о существовании разрыва, не отраженного в официальных документах, но неизменно возникающего при контакте советских людей с заграницей. Разрыв между официальной отчетностью и впечатлениями современников находится в центре анализа. В ходе исследования установлено, что система отбора участников была строгой, но на практике часто сводилась к формальностям и личным рекомендациям. В отношении к теме Второй мировой войны в контактах с партнерами из ГДР и ФРГ выявлен дуализм. Показано, что расхождения между официальными предписаниями и реальной практикой в отборе участников, в организации приема иностранных гостей с поведенческими стратегиями в отношении к памяти о войне были не случайными сбоями, а устойчивыми воспроизводимыми явлениями.

Ключевые слова: побратимские связи, народная дипломатия, Советская Карелия, биографические интервью, устная история, идеологический контроль, международные отношения СССР

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (№ 124022000029-0, 2024–2026 гг.).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Богачева К. М. Побратимские связи Советской Карелии в документах и воспоминаниях участников // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 22–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1348

ВВЕДЕНИЕ

После Второй мировой войны движение породненных городов распространилось во многих странах. В условиях холодной войны это явление приобрело особую политическую значимость. Советский Союз встраивал побратимские связи в систему «народной дипломатии», используя их для демонстрации преимуществ социалистического строя и формирования позитивного образа страны за рубежом. О том, что государство рассматривало побратимство прежде всего как один из пропагандистских инструментов, свидетельствуют документы. Президиум Союза советских обществ дружбы

и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) в 1974 году требовал от исполкомов горсоветов большей эффективности, отмечая слабое использование международных связей для «доходчивой и убедительной пропаганды советского общественного строя»¹. Логика оценки международных контактов сохранялась и в середине 1980-х годов. Заместитель председателя ССОД М. М. Песляк, оценивая Дни Петрозаводска, прошедшие в Умео в 1984 году, обозначил их высокую пропагандистскую эффективность². Как отмечает Н. С. Савельев, повсеместный государственный контроль придавал этому явлению «некоторую однобокость» [16: 102], иными слова-

ми, сводил «народную дипломатию» к пропаганде, оставляя за скобками живой опыт участников.

В официальных отчетах и республиканских газетах («Ленинская правда», «Комсомолец») побратимские связи Петрозаводска характеризовались исключительно в позитивном ключе, с использованием идеологически выдержанных формулировок о дружбе и успешном сотрудничестве³. Интервью с участниками в целом не противоречат этой картине. Однако за рамками официальных нарративов осталось то, что не вписывалось в идеологически выверенную картину. Личные свидетельства позволяют предположить, что даже в условиях жесткой регламентации возникали неформальные контакты и новые представления о зарубежной жизни, которые могли не совпадать с официальной риторикой. Именно этот разрыв между государственным контролем и личным опытом нуждается в специальном изучении. В предлагаемой статье на материалах побратимских связей Карелии 1970–1980-х годов будет проанализировано то, в каких сферах и как официальные установки соотносились с поведенческими моделями, практиками коммуникации советских участников международного диалога.

На сегодняшний день существует обширная историографическая база, посвященная контактам советских граждан с иностранцами. В центре внимания ученых чаще всего оказываются либо столичные практики, либо туризм как массовое явление. Для исследования побратимских связей, выработки подходов к изучению темы эти работы имеют безусловную ценность, поскольку и поездки за рубеж, и прием иностранных гостей были важной составляющей побратимства. В этой связи интересны реконструированные А. Д. Поповым и И. Б. Орловым механизмы идеологического контроля и последствия зарубежных поездок, разрушавших пропагандистские стереотипы [10]. Кроме того, А. Д. Попов, изучая выездной туризм в СССР, констатировал кризис мировоззренческих моделей у советских туристов из-за «великих открытий», связанных с потребительским изобилием, иными социальными нормами и альтернативными версиями истории во время путешествий [14]. Исследования Е. П. Архиповой, А. М. Машковой, Э. Горсач дополняют картину анализом социального состава туристических групп [2], неформальных практик советских туристов [7] и «театральности» советской дипломатии [5]. Важным сюжетом для настоящего исследования является процесс конструирования советской стороной демонстрационного образа страны для иностранных гостей [11]. Классическую аналитику этой практики

предложил американский социолог П. Холландер, описавший техники гостеприимства [20]. В коллективной монографии «Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989» [18] комплексно реконструированы институциональная вертикаль управления культурной дипломатией и стратегии конструирования положительного образа СССР за рубежом. Авторы показывают, что советский человек, выезжавший за границу или участвовавший в приеме иностранных гостей, являлся прежде всего образцовым представителем государства, а его поведение и высказывания подлежали регламентации. Эти выводы важны для настоящего исследования, поскольку побратимские связи были частью единой институциональной системы, а их реализация была подчинена той же логике. Для анализа официального измерения памяти о Второй мировой войне в отношениях между СССР и ГДР значима разработанная О. С. Нагорной концепция «мемориальной дипломатии» [8], а также выводы А. Д. Попова о вытеснении исторического контекста идеологическими задачами, сделанные им в ходе анализа книг отзывов советских туристов в мемориальных комплексах ГДР [12].

Побратимские связи советских городов как более узкий, контролируемый канал международных контактов изучались под другим углом зрения. Посвященные им исследования рассматривают, как правило, либо конкретные сферы взаимодействия, либо институциональную историю побратимства. Сюжеты о породнении карельских городов, в частности столицы республики, нашли отражение в работах И. Р. Такала и М. А. Коробейниковой [19], Л. И. Вавулинской [3], [4], С. В. Кондратьевой [6], Е. А. Шлапеко [23], А. В. Шеремет [21], [22]. В этих исследованиях реконструирована хронология побратимских связей, выявлены основные сферы сотрудничества, показана роль Петрозаводска как одного из городов-пионеров побратимского движения в СССР [19: 18]. Однако в них анализируются прежде всего институциональные аспекты. Опыт рядовых участников, их впечатления, неформальные практики остались за рамками исследований. В настоящей статье автор обращается именно к этим вопросам. Отметим, что под углом сопоставления официальных документов и интервью с фокусом на разрыв между идеологией и реальными впечатлениями карельский материал ранее не анализировался. Подчеркнем также, что сравнение опыта КАССР с другими регионами в развитии побратимских связей на данный момент затруднено в силу отсутствия комплексных ра-

бот, позволивших провести полноценное сопоставление.

Исследование опирается на следующие сформулированные А. Юрчаком понятия: «гипернормализация» (возникающее в результате «перформативного сдвига» состояние, при котором идеологические формы и ритуалы воспроизводятся повсеместно с предельной тщательностью, но утрачивают связь с реальным содержанием), «воображаемый Запад» (альтернативная система ценностей и образов, формирующаяся внутри советской культуры через контакты с внешним миром и существующая параллельно с официальным дискурсом) [24]. Уточним, что «воображаемый Запад» – это феномен, существующий по причине недостижимости реального Запада для большинства советских граждан. На материалах побратимских связей КАССР фиксируется прямой контакт. Поэтому в данной статье используется не столько оригинальное понятие, сколько предложенное И. Б. Орловым и А. Д. Поповым описание «встречи воображаемого и реального Запада», ситуации, когда личный опыт корректировал или укреплял сложившиеся представления о зарубежной жизни [9: 216]. Для автора важно то, что предложенные А. Юрчаком понятия позволяют анализировать сосуществование идеологического контроля с неформальными практиками и тем, как сами участники воспринимали и оценивали международный опыт.

Изучая побратимские связи советских городов, нельзя не обратиться к понятию «народная дипломатия». В научной литературе отсутствует единый подход к терминологическому определению побратимства как формы международного сотрудничества. Одни исследователи относят связи городов к сфере либо «публичной», либо «общественной», либо «гражданской» дипломатии, другие рассматривают побратимство как инструмент «культурной» дипломатии, третьи считают все эти термины синонимами [1: 1523]. Такая вариативность приводит не только к терминологической путанице [15: 9]. Данные понятия исходят из предпосылки о существовании независимых от государства акторов, чья деятельность если и координируется властями, то не является тотально ими контролируемой, что противоречит природе любых международных контактов в СССР. Вслед за Т. И. Медведевой используем термин «народная дипломатия», понимая под ним форму внешнеполитической деятельности, при которой государство выступает главным инициатором и организатором по-

братимских связей, создавая видимость народной инициативы для завуалированного продвижения официальных идеологических установок⁴.

Источниковая база работы состоит из двух групп материалов. К первой относятся документы из фондов Карельского обкома КПСС и Петрозаводского исполкома горсовета, хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК). Отчеты о поездках, планы приема делегаций, переписка между ведомствами позволяют реконструировать официальные требования к отбору участников, регламентацию программ и механизмы контроля. Однако они фиксируют лишь внешнюю сторону побратимских связей. Реальные впечатления, неформальные практики и эмоциональные реакции остаются за рамками. Вторую группу составили двенадцать биографических интервью с участниками побратимских связей Советской Карелии, переданные после расшифровки в Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской Академии наук (ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН). Воспоминаниями об опыте реализации побратимских связей Советской Карелии поделились бывшие чиновники, переводчики, педагоги и журналисты. Они участвовали в поездках в округ Нойбранденбург, встречали иностранных гостей в рамках официальных и неформальных мероприятий, принимали членов делегаций из Нойбранденбурга, Ла-Рошель и Тюбингена у себя дома, а также делились впечатлениями о контактах с зарубежными партнерами на страницах республиканских газет. Основной эмпирический фокус статьи приходится на связи с округом Нойбранденбург (ГДР) как наиболее интенсивные и лучше всего представленные в источниках. Опыт контактов столицы Карельской АССР с другими городами-побратимами (Варкаус, Ла-Рошель, Умео, Дулут, Тюбинген) привлекается дополнительно и не является предметом пристального рассмотрения. Метод сбора воспоминаний варьировался. Часть бесед проводилась в полуструктурированном формате, другие – в форме свободного повествования. Сбор материала проходил в Петрозаводске с июля 2023 по июль 2025 года. Использование качественного подхода, сочетающего анализ архивных документов с устной историей, позволяет провести сопоставление официальной версии с личным опытом. В статье сделан акцент на тех сюжетах, которые практически не были отражены в официальных отчетах. Применительно к поездкам жителей Карелии в города-побратимы это потребительские практики, которые не вписывались в образ лучшего представителя Советского государства. Применительно к приему

иностранных гостей это бытовые неудобства, вступающие в противоречие с пропагандистским нарративом о советском благополучии. Особенного внимания заслуживает тема Второй мировой войны, возникавшая во взаимодействии советских людей в большей мере с немецкими, в меньшей – с финскими партнерами. Именно эти «неудобные» сюжеты позволяют наиболее контрастно показать разрыв между гипернормализованной формой и непосредственным опытом участников. Здесь важно подчеркнуть, что такой подход не означает, что опыт сводился к этим сюжетам. Безусловно, межличностные контакты в побратимских связях основывались на искреннем интересе к общению, языку, культуре и подлинной человеческой симпатии.

Карельская АССР как приграничный регион с достаточно развитыми побратимскими связями представляет особый интерес. О значимости карельского направления в советской внешней политике говорит то, что Петрозаводск регулярно фигурировал в отчетах Президиума Союза Советских обществ дружбы наравне с Москвой и Ленинградом⁵. Первым побратимом столицы КАССР стал финский Варкаус (*de jure* с 1975 года, *de facto* с 1965 года). В 1970 году был заключен Договор о дружбе между Карельской АССР и округом Нойбранденбург, а в 1983 году официально оформилось побратимство между Петрозаводском и Нойбранденбургом. В 1973 году был подписан Договор о дружественных связях между Петрозаводском и французским Ла-Рошель. В последующие годы Петрозаводск установил побратимские связи со шведским Умео (1976), американским Дулутом (1987), немецким Тюбингеном (ФРГ) (1989). Взаимные обмены делегациями происходили регулярно. Особенно их интенсивность возросла к 1980-м годам. Из архивных документов и интервью с участниками побратимских связей можно заключить, что наиболее активными были контакты Советской Карелии с округом Нойбранденбург.

Обращаясь к вопросу организации отбора выезжающих за границу по побратимской линии, необходимо подчеркнуть, что каждый советский гражданин рассматривался системой в этой связи не только как образцовый представитель СССР [10: 130], но и как посланец города-побратима. Процедура отбора кандидатов для поездок включала не только рассмотрение характеристики, которая, согласно «Памятке по иностранному туризму» 1968 года, должна была детально раскрыть «все стороны деятельности будущего туриста» и его «безупречные моральные качества» [10: 44]. Обязательно было многоступенчатое согласование.

Из документа об обмене делегациями с округом Нойбранденбург за 1972 год следует, что после получения вызова из-за рубежа инициатор подавал письменную просьбу в Карельский обком КПСС с указанием цели, сроков и состава делегации. Далее следовало согласование с отделами обкома, заинтересованными ведомствами, а также с КГБ при Совете Министров КАССР. Лишь после этого вопрос направлялся в международный отдел ЦК КПСС, а затем в Комиссию по выездам за границу при ЦК КПСС⁶. Перед выездом беседа-инструктаж строилась на положениях, сформулированных в «Основных правилах поведения советских граждан, выезжающих за границу» (1979)⁷.

Непосредственные участники побратимских связей спустя десятилетия вспоминают об этой процедуре иначе, не погружаясь в детали межинституционального согласования, но раскрывая механизмы функционирования системы на практике: *«Спрашивали всякую буру: как вы относитесь к партии, как оцениваете последние международные события...»* – вспоминает собеседница. – *Например, надо было высказаться о семидневной войне на Ближнем Востоке»*⁸. Для тех кандидатов, кого в комиссии уже знали, собеседование носило формальный характер: *«...Меня все знали со студенческой скамьи, поэтому для меня это было просто формальностью»*⁹, – поясняет респондентка. Несколько информантов, отвечая на вопросы об отборе перед поездкой, отмечали: *«меня порекомендовали», «меня посоветовали»*. Одна из активных участниц побратимских контактов с Ла-Рошель отметила, что выбор выезжающих определялся не столько профессиональными качествами, сколько возрастом, внешностью и личной симпатией¹⁰.

Система работала как своеобразный фильтр, отсеивая неблагонадежных и пропуская тех, кто сочетал профессиональные заслуги с политической лояльностью. В первую очередь рассматривались передовики производства и «идейный состав»¹¹. Предполагалось, что представители советских делегаций в поездках по побратимской линии будут отчетливо представлять цели поездки, будут выступать перед зарубежной публикой и отвечать на вопросы¹². Однако в документах встречаются упоминания о том, что партийные и комсомольские организации «плохо изучают людей перед поездкой»¹³. Например, в отчете о поездке делегации школьных учителей немецкого языка в Нойбранденбург в 1984 году руководитель отмечал, что участницы «вели себя пассивно, не смогли поддержать беседы, высказать и аргументировать свою точку зрения»¹⁴. Критике подвергалось и поведение юных участников

побратимских связей. Так, в отчете о поездке пионеров Карелии в ГДР в 1976 году отмечалось, что часть ребят была настроена только на отдых, не имела элементарных навыков пионерской и комсомольской работы, не умела рассказывать о делах своей школы, почти никто не имел заданий от клубов интернациональной дружбы или комитетов ВЛКСМ¹⁵. Впрочем «следовать принципу коммунистической морали» при общении с иностранцами нужно было весьма осторожно, поскольку контролирующие органы уделяли пристальное внимание детализированному анализу сказанного советскими делегатами [17: 264]. Энергичное общение, инициатива тоже не поощрялись. Так, участница карельской делегации в ФРГ в 1980-е годы приготовила прощальную речь, в которой хотела выразить слова благодарности немецкой стороне за теплый прием, но руководитель делегации, отметив ее чрезмерную активность в течение поездки, накануне запретил ей выступать: *«Если вы не хотите получить неприязни на работе... я вам запрещаю говорить»*¹⁶.

Официальные отчеты о поездках составлялись по шаблону, который можно описать формулой копирования-вставки. В текстах на протяжении многих лет повторялись одни и те же идеологические клише с некоторыми вариациями, где зачастую описание реального опыта подменялось набором устоявшихся формулировок, которые повторялись из раза в раз. Приведем следующие примеры таких конструкций из архивных документов:

«...во всех встречах с иностранцами петрозаводчане постоянно демонстрировали свою поддержку внутренней и внешней политике Коммунистической партии и советского правительства, разоблачали клевету буржуазной пропаганды...»¹⁷ или «...на все вопросы были даны соответствующие / исчерпывающие ответы»¹⁸.

Таким образом, в отчетах использовались стандартизированные, идеологически выверенные формулировки. В советском авторитетном дискурсе высказывания превращались в «длинные и неуклюжие» конструкции с «крайне неопределенной» констатирующей составляющей [24: 115].

Что касается приемов иностранных делегаций в Советской Карелии, то отметим, что в центре официальных программ оказывались возложение венков или посещение «образцовых» объектов¹⁹. Тот же принцип работал и в частном пространстве. Техники гостеприимства, сформулированные П. Холландером [20: 74], применялись как в отношении предварительно отобранных объектов для показа городской инфраструктуры, так и применительно к квар-

тирам советских граждан, принимавших иностранные делегации. Хорошо отражает конфликт между требованием демонстрации достижений социализма и бытовыми реалиями реакция, описанная одной из информанток в ответ на предложение преподавательницы-куратора принять группу из Ла-Рошель в семьях в 1970-е годы: *«Народ сразу: "Нет"»*. Сегодня объяснения уже могут звучать несколько гиперболизированно: *«Двухкомнатная квартира, шесть человек, парализованная бабушка, собака неизвестной породы тоже чем-то болеет, или кошка беременная с котятками. Живописно жили»*²⁰. Горисполком составлял списки лиц, которые могли принять гостей у себя дома. Согласившимся выдавали талоны на приобретение дефицитных продуктов²¹, а также помогали вставить отсутствующую дверь или произвести небольшой ремонт сантехники²².

Советская повседневность существовала в напряжении между парадными лозунгами и реальным жизненным опытом. Участники побратимских программ сталкивались с реалиями, которые не укладывались в представления советского человека. *«Если коротко, то, конечно, это открытие другого мира, другой жизни»*²³, – признается участник делегации после поездки в ГДР. Респонденты делятся достаточно эмоциональными реакциями: *«Когда я приехала домой [после поездки в Варкаус в начале 1980-х годов] и когда сразу семья спросила: "Ну, что там? Как там?", то первый у меня был всплеск, слезы брызнули. Не могла даже ничего рассказать... Но это не было такой грустью, печалью прямо. Но просто в сравнении, да, это была большая разница»*²⁴. Опыт столкновения с иной реальностью вызывал у советских людей культурный шок. В результате они испытывали дезориентацию и в некоторых случаях болезненно реагировали на столкновение с несоветской действительностью: *«Наши ветераны, кто поехал в ГДР, возвращались немножко не в себе, – вспоминает одна из участниц поездки. – Они не могли осознать: мы победители, ничего не имеем, на нуле живём. А они, побеждённые, с нашей точки зрения, как сыр в масле катаются»*²⁵. Свидетельства о таких эмоциональных реакциях при встрече с реальным Западом, а также размышления о соотношении советской пропаганды и собственного опыта не соответствуют тезису А. Юрчака о том, что советские люди, впервые выехавшие за границу в конце 1980-х годов, сочли его «чем-то обычным, даже прозаичным» [24: 400].

Следующим сюжетом, требующим осмысления, является шопинг,

«превратившийся в основную неофициальную миссию советских туристов за рубежом, которая часто вступала в противоречие с официальной миссией – достойно представлять страну победившего социализма на международной арене» [14: 40].

В уже упомянутых «Основных правилах...» отдельным пунктом значилось: «не увлекаться приобретением разного рода вещей и ценностей»²⁶, что, впрочем, не останавливало членов поездок по побратимской линии. Своими наблюдениями поделилась участница поезда дружбы:

«...наши люди, не владея никаким языком... уму-дрялись за короткое время... обнаружить магазины типа барахолки, где... Preis reduziert... Всё купить на те крохотные мизерные деньги. И вы знаете, вот такая картинка: поезд дружбы стоит наш, и тащит кто коробки сервизами, кто ковры, ковер свешивается спереди и сзади, кто телевизор тянет, вытягивают, потягивают, ругаются»²⁷.

Ценность обычных для Запада вещей в СССР была огромной: «...пластиковых паке-тов не было – это же был лучший сувенир...»²⁸. Привезенные из-за границы вещи приобретали символический статус, выходящий за рамки утилитарной ценности. Одна из респонденток, рассказывая о босоножках фирмы «Salamander», купленных в ГДР более сорока лет назад, замечает, что они привлекали особое внимание не только прохожих на улицах Петрозаводска, но и работников обувной мастерской: «Оторвали бирку и к себе приклеили, когда я их сдавала [в ремонтную мастерскую]. Они дорогие были. Я их не выкидываю, потому что память»²⁹. Такие вещи представляли собой не просто предметы гардероба, они становились индексами, связывавшими советскую повседневность с воображаемым Западом [24: 391] для тех, кто там не был, и с реальным, для тех, кому удалось приобрести импортную вещь лично.

Сюжет, требующий пристального рассмотрения, связан с темой памяти о Второй мировой войне. Отношение к недавнему военному прошлому было одной из самых деликатных тем в советско-финляндских и, особенно, в советско-немецких контактах. Эта память существовала в двух параллельных плоскостях. В официальных отчетах военная тема раскрывалась посредством официальной «мемориальной дипломатии» [8: 102], включавшей риторику «освобождения» (что видно, например, из телеграмм, отправленных руководством округа Нойбранденбург в КАССР с благодарностью за «освобождение от фашизма»³⁰), а также упоминаний о совместном посещении советскими и иностранными делегациями памятных мест и мемориалов. Совместное посещение мемориалов было обяза-

тельной частью программ [10: 168], но оставалось лишь ритуалом, не предполагавшим живого диалога. Как отмечает А. Д. Попов, немецкие гиды инструктировали персонал, «чтобы они что-то лишнее не сказали» при советских туристах [13: 479]. В то же время в интервью зафиксировано намеренное избегание военной темы в межличностном общении. Этот феномен стал неписанным правилом контактов: «Тема войны по обоюдному согласию сторон не поднималась. Говорили о будущем»³¹. Как объясняли респонденты: «...особенно эта тема не возникала. Все знали. И они знали, и мы знали»³². Информантка признается: «Этого чувства, что передо мной враг, не было. Но я с ним сталкивалась постоянно... просто с таким неудобным ощущением атмосферы ситуации...»³³. Ярким примером непроговоро-ренности военной травмы и витающей в воздухе напряженности является эмоциональная реакция директора одной из петрозаводских школ во время поездки в Тюбинген в конце 1980-х годов: «...увидел где-то карту, где часть России – территория немецкая»³⁴, он возмущался: «Что это такое, это наши территории! Ни ногой в этот Тюбинген не поедем!»³⁵.

Напряженность усиливалась там, где возникал межпоколенческий разрыв в отношении к городам-побратимам. Семейная память о войне вступала в противоречие с новым опытом международной дружбы с еще недавно враждебными городами и странами. Старшее поколение нередко выражало недоверие: «Нас хотели как лучших студенток отправить учиться в Берлин... Но наши родители... Как это так? В Германию? Да вы что!»³⁶. Бабушка респондентки протестовала против проживания немецкой подруги из Нойбранденбурга у своей внучки в Петрозаводске³⁷. Одна из информанток также поделилась, как в 1980-е годы в Польше задержали поезд дружбы, на котором она возвращалась из ГДР в Карелию³⁸: «У меня у папы даже случился инсульт. Он ждал на вокзале»³⁹. Отец одного из респондентов, комментируя заметку в газете о советско-финляндских отношениях, скептически отметил: «Знаем мы их дружбу! Земли наши хотят»⁴⁰. Болезненность темы подтверждают и реакции опрашиваемых на вопросы о войне. Некоторые респонденты либо не давали развернутого ответа, либо ограничивались краткими репликами с последующей сменой темы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования установлено, что в рамках реализации побратимских связей Карелии 1970–1980-х годов возникли разрывы между официальными установками, государственным

контролем и личным опытом участников. Строгость отбора кандидатов для зарубежных поездок и приема иностранных гостей, характер собеседования далеко не всегда соответствовали пафосу государственной значимости побратимской дружбы, транслируемому прессой. Официально процедура была выстроена достаточно жестко, однако на практике респонденты описывали такого рода мероприятия как формальность. Требования к «образцовому представителю» существовали на бумаге, но на практике система давала сбои. Например, от участников требовалась готовность к публичным выступлениям, однако выход за определенные рамки, четкость которых определялась на уровне конкретных организаторов группы, сопровождающих, не приветствовался. «Мера активности» также определялась субъективно, что подчас создавало атмосферу психологической напряженности.

Разрыв между официальными предписаниями и повседневными реалиями, выразившимися, например, в несоответствии декларируемого советского благополучия и реальных условий приема иностранных гостей в коммунальных квартирах или шаблонном характере отчетности, где реальные впечатления подменялись клишированными выражениями, воспринимался участниками как рутинная составляющая действительности. Поездки по линии побратимства становились для советских людей возможностью увидеть за границу своими глазами, и этот личный опыт либо корректировал, либо укреплял сложившиеся стереотипы о зарубежной жизни. Потребительские практики граждан в ходе выездов за границу органично встраивались в советскую систему международных отношений, находясь с ней в своеобразном симбиозе. Система, с одной стороны, контролировала контакты

с зарубежьем, с другой – предоставляла легальные каналы для формирования и распространения представлений о зарубежной жизни среди советских людей.

Официальная «мемориальная дипломатия», связанная с темой Второй мировой войны, существовала с намеренным избеганием военной темы в межличностном общении. В контексте побратимских связей военная память функционировала одновременно в ритуализированной публичной и частно-умолчательной плоскостях. Официальные ритуалы не создавали условий для рефлексии, а, напротив, усиливали эффект невысказанности, вытесняя болезненные темы в сферу того, что «все знают, но не говорят».

Таким образом, побратимские связи Карелии 1970–1980-х годов являются репрезентативной моделью позднесоветской системы, в которой расхождения между формой и содержанием, фиксируемые в источниках, носили не единичный, а устойчивый, воспроизводимый характер. Парадокс советской «народной дипломатии» заключался в том, что инструмент, изначально нацеленный на демонстрацию и пропаганду преимуществ социализма, стал легальным каналом для знакомства советских граждан с зарубежной реальностью. Механизмы минимизации рисков от такого знакомства в виде жесткого отбора, бюрократической регламентации и идеологического контроля, обеспечивая лояльность участников побратимских контактов, в то же время не смогли нейтрализовать формирование живого опыта. Напротив, сложилась ситуация, в которой усилия по дозированию и фильтрации впечатлений нередко вступали в противоречие с официальными установками, неизбежно порождая у участников собственные мнения и оценки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1446. Л. 87.

² НА РК. Ф. П-3. Оп. 35. Д. 201. Л. 15.

³ Например, Дружба городов-побратимов // Ленинская правда. 1971. № 199. 20 августа. С. 1; «Дружба настоящая не старится...» // Ленинская правда. 1972. № 89. 15 апреля. С. 1; Побеждает дружба // Ленинская правда. 1984. № 153. 3 июля. С. 4; Девиз похода – дружба // Ленинская правда. 1989. № 192. 20 августа. С. 4; Дружбе развиваться и крепнуть! // Комсомолец. 1972. № 79. 1 июля. С. 1; Мы верны нашей дружбе // Комсомолец. 1973. № 116. 27 марта. С. 3; От друзей секретов нет! // Комсомолец. 1974. № 110. 12 сентября. С. 1.

⁴ Медведева Т. И. Гражданская (народная) дипломатия и ее роль в российско-японском политическом диалоге: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. С. 17.

⁵ НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1446. Л. 97, 103.

⁶ НА РК. Ф. П-3. Оп. 23. Д. 152. Л. 1–2.

⁷ Основные правила поведения советских граждан, выезжающих в капиталистические и развивающиеся страны; Основные правила поведения советских граждан, выезжающих в социалистические страны // Лубянка – Старая площадь: Секретные документы ЦК КПСС и КГБ о репрессиях 1937–1990 гг. в СССР: Сб. док. М., 2005. С. 154–173.

⁸ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4562/1.

⁹ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4562/1.

- ¹⁰ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4563/1.
- ¹¹ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4563/1.
- ¹² НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1446. Л. 88.
- ¹³ НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 110. Л. 4–9.
- ¹⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 35. Д. 265. Л. 4–5.
- ¹⁵ НА РК. Ф. П-3. Оп. 27. Д. 172. Л. 98.
- ¹⁶ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4562/1.
- ¹⁷ НА РК. Ф. П-3. Оп. 31. Д. 223. Л. 4.
- ¹⁸ Например, НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1312. Л. 71; Ф. П-3. Оп. 33. Д. 264. Л. 105.
- ¹⁹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 110. Л. 2.
- ²⁰ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4563/1.
- ²¹ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4533/1.
- ²² ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4563/1.
- ²³ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4511/1.
- ²⁴ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4574/1.
- ²⁵ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4562/1.
- ²⁶ Основные правила поведения советских граждан, выезжающих в капиталистические и развивающиеся страны; Основные правила поведения советских граждан, выезжающих в социалистические страны // Лубянка – Старая площадь: Секретные документы ЦК КПСС и КГБ о репрессиях 1937–1990 гг. в СССР: Сб. док. М., 2005. С. 161.
- ²⁷ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4562/1.
- ²⁸ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4511/1.
- ²⁹ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4514/1.
- ³⁰ Телеграмма из Нойбранденбурга // Ленинская правда. 1970. № 108. 9 мая. С. 3; На все времена // Ленинская правда. 1979. № 153. 3 июля. С. 1; Мы верны нашей дружбе // Комсомолец. 1973. № 116. 27 марта. С. 3.
- ³¹ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4511/1.
- ³² ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4514/1.
- ³³ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4562/1.
- ³⁴ Видимо, речь о карте военного времени.
- ³⁵ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4561/1.
- ³⁶ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4514/1.
- ³⁷ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4565/1.
- ³⁸ Поезд не прибыл вовремя в Петрозаводск.
- ³⁹ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4514/1.
- ⁴⁰ ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 4533/1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абжапарова Л. Ж., Сарсембаева А. Б. Народная дипломатия как фактор международных отношений: исторический опыт Казахстана // Фундаментальные исследования. 2013. № 11 (ч. 7). С. 1500–1523.
2. А р х и п о в а Е. П. Некоторые аспекты развития советского выездного туризма в 1980–1991 гг. (на примере туристического обмена с капиталистическими странами) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 1. С. 36–43.
3. В а в у л и н с к а я Л. И. Межкультурная коммуникация в диалоге Карелии и Финляндии в 1950–1970-е гг. // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3. С. 228–249 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=1081> (дата обращения 01.03.2026).
4. В а в у л и н с к а я Л. И. Побратимские связи городов СССР и Финляндии в 1960–1980-е гг. как фактор формирования новых форм сотрудничества на региональном уровне (на примере Петрозаводска и Варкауса) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Серия: Гуманитарные исследования. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. С. 65–76.
5. Г о р с а ч Э. Выступление на международной сцене: советские туристы хрущевской эпохи на капиталистическом Западе // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 359–388.
6. К о н д р а т ь е в а С. В. Побратимские связи в развитии добрососедских отношений: практика карельско-финляндского взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 143–156. DOI: 10.17223/15617793/481/17
7. М а ш к о в а А. М. Зарубежные поездки как форма молодежного досуга (опыт БММТ «Спутник») // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 4. С. 28–33.
8. Н а г о р н а я О. С. «Если бы не война, советский народ ушел бы теперь далеко вперед...»: советская мемориальная дипломатия в социалистическом лагере (1949–1989) // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 100–115.
9. О р л о в И., П о п о в А. Импортная вещь и дух консьюмеризма: потребительские аспекты выездного туризма в СССР // Soviet and Post-Soviet Review. 2016. Vol. 43, № 2. P. 182–218.
10. О р л о в И. Б., П о п о в А. Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 351 с.

11. Орлов И. Б., Попов А. Д. Сквозь «железный занавес». See USSR! Иностранные туристы и призраки потемкинских деревень. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 485 с.
12. Попов А. Д. Война и мы: горизонты культурной памяти в мемориальных текстах позднего советского периода // Шаги. 2016. Т. 2, № 4. С. 96–113.
13. Попов А. Д. «Конструирование дружбы» в отношениях Советского Союза и Восточной Германии (1949–1989) // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 6. С. 471–487. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-471-487
14. Попов А. Д. Советский турист за рубежом: миссия, иллюзии, открытия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2 (68), № 4. С. 34–46.
15. Публичная дипломатия: теория и практика / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. 272 с.
16. Савельев Н. С. «Народная дипломатия» как элемент «Оттепели» на примере северо-западных областей Советского Союза // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. Т. 1, № 73. С. 100–103.
17. Сидорова Г. П. «Каждый советский человек, выезжающий за рубеж, – это полпред советского образа жизни»: о влиянии образа жизни на межкультурные коммуникации // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 1 (142). С. 259–269. DOI: 10.20323/1813-145X-2025-1-142-256
18. Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989: Коллективная монография. М.: Полит. энциклопедия, 2018. 446 с.
19. Такала И. Р., Коробейникова М. А. Ad fontes: проблемы изучения побратимских связей Петрозаводска с городами Финляндии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 16–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.865
20. Холландер П. Политические пилигримы (Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928–1978). СПб.: Лань, 2001. 592 с.
21. Шеремет А. В. Петрозаводск – Дулут: из истории развития побратимских связей советских и американских городов в 1970–1980-е годы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 37–45. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.37
22. Шеремет А. В. Сотрудничество предприятий Карелии в рамках побратимских связей в 70–80-е годы XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 7 (152). С. 29–32.
23. Шлапко Е. А. Роль городских элит и побратимского движения в формировании трансграничных регионов (на примере развития внешних связей Петрозаводского городского округа, Республика Карелия) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 374–380.
24. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.

Поступила в редакцию 05.03.2026; принята к публикации 02.06.2026; дата публикации 30.09.2026

Original article

Kseniia M. Bogacheva, Junior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0009-0008-0447-9983; bogachevakm@gmail.com

SOVIET KARELIA'S SISTER CITY TIES IN DOCUMENTS AND PARTICIPANTS' RECOLLECTIONS

Abstract. The study examines the city-twinning system of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic as a part of Soviet “people’s diplomacy”. The article aims to fill a gap in historiography concerning how state regulation of international contacts correlated with participants’ personal experiences and their understanding of life in foreign countries. Focusing on Karelia in the 1970s and the 1980s, when formal ties were established with cities in Finland, East Germany, France, Sweden, the United States, and West Germany, this research utilizes a qualitative analysis of archival documents and biographical interviews with individuals involved in the twinning movement. By comparing these two types of sources, the study suggests that there is a disconnect that is absent from official records but becomes evident through personal accounts: a gap between the official reporting and the actual impressions of participants when interacting with foreigners. The analysis reveals that although the participant selection process was officially strict, in practice it often reduced to formalities and personal recommendations. Furthermore, ambivalent attitudes toward the topic of World War II were revealed in interactions with partners from Finland, East Germany, and West Germany. The research demonstrates that discrepancies between official regulations and actual practices – regarding participant selection, reception and hosting of foreign guests, and behavioral strategies related to the wartime memory – were not incidental deviations but persistent and reproducible phenomena.

Key words: city-twinning, sister cities, public diplomacy, Soviet Karelia, biographical interviews, oral history, ideological control, Soviet international relations

Acknowledgements. The research was funded from the federal budget as part of the state research task No 124022000029-0 (2024–2026) assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Bogacheva, K. M. Soviet Karelia's sister city ties in documents and participants' recollections. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):22–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1348

REFERENCES

1. Abzhaparova, L. Zh., Sarsembaeva, A. B. Public diplomacy as the factor of the international relations: historical experience of Kazakhstan. *Fundamental Research*. 2013;11:1500–1523. (In Russ.)
2. Arkhipova, E. P. Some aspects of outbound tourism in USSR in 1980–1991 (on tourism exchange with capitalist countries). *Service and Tourism: Current Challenges*. 2008;1:36–43. (In Russ.)
3. Vavulinskaya, L. I. Intercultural communication in the dialogue between Karelia and Finland, 1950–1970s. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2018;3:228–249. Available at: <https://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=1081> (accessed 01.03.2026). (In Russ.)
4. Vavulinskaya, L. I. Twinning relations between the cities of the USSR and Finland in the 1960s–1980s as a factor of development of new forms of cooperation at the regional level (a case study of Petrozavodsk and Varkaus). *Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions*. Series: Humanities Research. Petrozavodsk, 2008. P. 65–76. (In Russ.)
5. Gorsuch, A. Performance on the international stage: Soviet tourism to the capitalist West in the Khrushchev Era. *Forum for Anthropology and Culture*. 2010;13:359–388. (In Russ.)
6. Kondratyeva, S. V. Sister city connections in the development of benevolent relations: the practice of Karelian-Finnish interaction. *Tomsk State University Journal*. 2022;481:143–156. DOI: 10.17223/15617793/481/17 (In Russ.)
7. Mashkova, A. M. Foreign trips as a form of youth leisure (a case study of the Sputnik Bureau of International Youth Tourism). *Service and Tourism: Current Challenges*. 2010;4:28–33. (In Russ.)
8. Nagornaya, O. S. “If it was not for the war, the Soviet people would now go far ahead...”: Soviet memorial diplomacy in the socialist camp (1949–1989). *Dialogue with Time*. 2017;59:100–115. (In Russ.)
9. Orlov, I., Popov, A. Imported goods and the spirit of consumerism: consumer aspects of outbound tourism in the USSR. *Soviet and Post-Soviet Review*. 2016;43(2):182–218. (In Russ.)
10. Orlov, I. B., Popov, A. D. Through the Iron Curtain. *Russo turista: Soviet outbound tourism*. Moscow, 2016. 351 p. (In Russ.)
11. Orlov, I. B., Popov, A. D. Through the Iron Curtain. See *USSR! Foreign tourists and the ghost of Potemkin villages*. Moscow, 2018. 485 p. (In Russ.)
12. Popov, A. D. War and we: horizons of cultural memory in memorial texts of the late Soviet period. *Steps*. 2016;2(4):96–113. (In Russ.)
13. Popov, A. D. “Building of friendship” in relations of Soviet Union and East Germany (1949–1989). *Nauchnyi dialog*. 2022;11(6):471–487. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-471-487 (In Russ.)
14. Popov, A. D. The Soviet tourist abroad: mission, illusions, discoveries. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences*. 2016;2(4):34–46. (In Russ.)
15. Public diplomacy: theory and practice. (M. M. Lebedeva, Ed.). Moscow, 2017. 272 p. (In Russ.)
16. Savelyev, N. S. “People’s diplomacy” as an element of the “Thaw”: a case study of northwestern regions of the Soviet Union. *Vestnik of Novgorod State University*. 2013;1(73):100–103. (In Russ.)
17. Sidorova, G. P. “Every Soviet person traveling abroad is a special representative of the Soviet way of life”: about the influence of lifestyle on intercultural communications. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2025;1(142):259–269. DOI: 10.20323/1813-145X-2025-1-142-256 (In Russ.)
18. Soviet cultural diplomacy during the Cold War, 1945–1989: Collective monograph. Moscow, 2018. 446 p. (In Russ.)
19. Takala, I. R., Korobeynikova, M. A. Ad fontes: problems of studying Petrozavodsk’s twinning ties with Finnish cities. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):16–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.865 (In Russ.)
20. Hollander, P. Political pilgrims (travels of Western intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba, 1928–1978). St. Petersburg, 2001. 592 p. (In Russ.)
21. Sheremet, A. V. Petrozavodsk – Duluth: from the history of twinning of Soviet and American cities in the 1970s–1980s. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University*. Series “Humanitarian and Social Sciences”. 2017;2:37–45. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.37 (In Russ.)
22. Sheremet, A. V. Cooperation of Karelian enterprises within twinning partnership project of 1970s–80s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015;7(152):29–32. (In Russ.)
23. Shlapenko, E. A. The role of local communities and the sister city movement in the formation of transborder regions (on the example of external relations of Petrozavodsk city, Republic of Karelia). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2012;4(1):374–380. (In Russ.)
24. Yurchak, A. Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation. Moscow, 2014. 664 p. (In Russ.)

Received: 5 March 2026; accepted: 2 June 2026; published: 30 September 2026

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ШУТАС

специалист отдела экспозиционно-выставочной деятельности

Мурманский областной краеведческий музей
(Мурманск, Российская Федерация)

ORCID 0009-0005-8329-1740; arhaget@gmail.com

СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ В 1920–1930-е ГОДЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ (на материалах Кольского Севера)

А н н о т а ц и я . Статья посвящена исследованию советских праздников 1920–1930-х годов на Кольском Севере как инструмента внутренней политики Советского государства. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью особенностей становления советской праздничной культуры применительно к указанной территории. Цель исследования – рассмотреть советские праздники 1920–1930-х годов на Кольском Севере как управляемый инструмент реализации внутренней политики. В соответствии с этим необходимо: выявить основные функции праздничной политики; проанализировать механизмы реализации каждой из функций посредством конкретных праздничных практик; на отдельных примерах проследить трансформацию локальной праздничной политики в 1930-х годах и ее соотношение с общегосударственными тенденциями. Научная новизна исследования заключается в систематизации и комплексном анализе ранее фрагментарно изучавшихся праздничных практик на Кольском Севере с учетом их организационных, социальных и идеологических механизмов. Установлено, что ключевые задачи праздничной политики в крае в указанный период были связаны с обеспечением ресурсной базы праздников и координации деятельности различных ведомств, вовлечением населения в регламентированные формы коллективного участия, а также формированием и трансляцией заданных идеологических установок. Рассредоточенность населения и полиэтнический состав Кольского Севера обуславливали определенные трудности в организации праздничных мероприятий, особенно заметные на примере праздничной антирелигиозной пропаганды в 1920-е годы. В то же время географическая специфика региона была грамотно использована в качестве практической основы для организации здесь крупного праздника межрегионального значения, впервые проведенного в 1934 году. К концу 1930-х годов советские праздники на Кольском Севере представляли собой отлаженный механизм государственной праздничной политики, для которого было характерно утверждение культа личности Сталина с сохранением регионального революционного нарратива.

Ключевые слова: советские праздники, Кольский Север, внутренняя политика, 1920-е годы, 1930-е годы

Для цитирования: Шутас П. П. Советские праздники в 1920–1930-е годы как инструмент внутренней политики (на материалах Кольского Севера) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 32–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1349

ВВЕДЕНИЕ

События Первой мировой и Гражданской войн, двух революций и военной интервенции существенно изменили исторический путь Кольского Севера¹. Строительство новых инфраструктурных объектов – торгового порта и железной дороги – способствовало трансформации окраинной территории, удаленной от центра бывшего Российского государства, в стратегически важный ресурсный регион. В условиях неизбежной интеграции края в советскую государственную систему актуальным становился вопрос опти-

мального способа адаптации местного населения к новой социально-политической реальности. Одним из его решений стало использование государственных праздников в качестве культурной основы для проведения символической политики советской власти. Со второй половины XX века история советской праздничной культуры становится одним из перспективных направлений как отечественной, так и зарубежной историографии. Существенный вклад в изучение революционных и раннесоветских праздников, процесса формирования революционной символики и об-

рядово-ритуальных практик внесли Е. А. Ермолин [6], С. Ю. Малышева [10], Б. И. Колоницкий [7], Е. В. Барышева [2], К. В. Годунов [4]. В кандидатской диссертации М. К. Декановой представлен процесс трансформации отечественной праздничной культуры в конце XIX – первой трети XX века².

В зарубежной историографии важное значение имеют работы К. Биннса [15], Р. Стайтса [17], Дж. фон Гельдерна [16], Ш. Плаггенборга [11], а также М. Рольфа [12], в которых революционные и раннесоветские праздники рассматриваются как один из ключевых элементов советской государственной политики.

В современной отечественной историографии прослеживается устойчивый интерес к изучению региональных особенностей становления советской праздничной культуры. Данная проблематика раскрывается в ряде диссертационных исследований, выполненных на материалах Европейского Северо-Востока, Южного Урала, Архангельского Севера, Краснодарского края и Ростовской области, Западной Сибири³. Применительно к Кольскому Северу история раннесоветских праздников исследована фрагментарно. Отдельные аспекты рассматриваются в работах, посвященных организации конкретных праздников⁴ [5], [13], а также юбилеям некоторых населенных пунктов [8].

Целью работы является исследование советских праздников 1920–1930-х годов на Кольском Севере как инструмента внутренней политики. В соответствии с этим необходимо выявить основные функции праздников, проанализировать механизмы реализации данных функций через праздничные практики, а также процесс их трансформации в 1930-х годах на отдельных примерах.

Основной источниковой базой исследования стали материалы архивных фондов Государственного архива Мурманской области, многие из которых являются неопубликованными. Большая их часть представлена праздничными планами, протоколами заседаний праздничных комиссий, межведомственной перепиской и другими документами отчетного характера, выявленными в фондах П-2 (Мурманский окружной комитет ВКП(б)), П-3 (Мурманский губернский комитет ВКП(б)), П-431 (Мурманский уездный комитет ВКП(б)) и ряде других. Помимо этого интерес представляют воспоминания В. Е. Ляпкина, одного из главных организаторов Праздников Севера, составляющие фонд Р-1279 и дающие возможность проследить процесс трансформации локального праздничного события в межрегиональное. Исследование темы строилось

на основе системного подхода к анализу праздничных практик как инструмента региональной внутренней политики. При использовании структурно-функционального метода были выделены и охарактеризованы ключевые функции советских праздников, рассмотренные в качестве взаимосвязанных элементов единой управленческой модели. Применение историко-сравнительного метода дало возможность сопоставить праздничные стратегии двух десятилетий, а также частично сравнить опыт праздничной политики на Кольском Севере с другими «периферийными» регионами.

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ: КООРДИНАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ПРАЗДНИКА

К 1920 году в Советской России сложились основные контуры праздничного календаря, закреплённые нормативными правовыми актами. В соответствии с правилами Совета народных комиссаров от 2 декабря 1918 года был установлен перечень нерабочих праздничных дней (1 января, 22 января, 12 марта, 18 марта, 1 мая, 7 ноября)⁵. Вместе с тем на данном этапе праздничная практика не исчерпывалась официальным календарем: наряду с закреплёнными датами в стране формировался широкий круг иных праздничных мероприятий, не обладавших статусом выходных дней, но активно использовавшихся в общественно-политической жизни.

Результатом организации в стране в 1920 году системы агитационно-пропагандистских отделов стало взаимодействие центра и периферии: агитационно-пропагандистский отдел при Центральном комитете ВКП(б) определял характер и задачи праздничных кампаний, которые были отражены в многочисленных делопроизводственных материалах, рассылаемых в регионы.

Плановая организация праздника как на центральном, так и на местном уровнях начиналась с заседаний рабочих коллегий, на которых формировался состав организационных комиссий. В их задачи входило утверждение общего плана мероприятий и его вынесение на расширенное обсуждение с участием представителей различных ведомств и учреждений⁶.

Анализ содержания праздничных мероприятий показывает, что одной из ключевых задач праздничных кампаний являлась организация межведомственного взаимодействия. Представляется необходимым дополнить утверждение М. Рольфа о том, что «разнородный состав праздничных комиссий способствовал активизации коммуникации между учреждениями» [12: 106]. Координация различных организаций и учреждений обеспечивала концентрацию финансо-

вых, материальных и трудовых ресурсов, необходимых для проведения массовых праздников. При этом объемы средств, поступавших от сторонних организаций, многократно превышали ассигнования, выделяемые краевой праздничной комиссией. Так, при подготовке празднования 7-й годовщины Октябрьской революции в Мурманской губернии это соотношение составляло 1900 рублей к 100 рублям соответственно⁷. Помимо финансового участия сторонние организации обеспечивали проведение праздников помещениями, топливом (керосин), оборудованием, а также рабочей силой. В последнем случае активно привлекались комсомольцы, преимущественно для выполнения физически трудоемких задач⁸.

Важным направлением мобилизации ресурсов являлось продовольственное обеспечение праздничных мероприятий. Одним из показательных примеров служит День Красной армии, особенностью празднования которого была организация торжественных обедов. В их обеспечении участвовали как государственные, так и партийные структуры, что, в свою очередь, свидетельствует о комплексном характере мобилизационных практик. Так, по случаю празднования 5-летия Красной армии Мурманским губисполкомом было выделено 15 пудов белой муки для обеда красноармейцев, Муротделением Архвоенторга – 10 пудов белой муки для обеда моряков. Дополнительно к этому со стороны РКСМ, осуществлявшего шефство над моряками, было выделено 8 пудов мяса для вышеуказанного обеда⁹.

С точки зрения мобилизации трудового населения края праздники помогали в решении ключевых хозяйственных задач. Примером подобной мобилизационной практики стал День Интернационала (1 мая) 1920 года – первый общегосударственный праздник, проведенный на Кольском Севере после восстановления здесь большевистской власти. Согласно постановлению Президиума ВЦИК № 40 от 13 апреля 1920 года, празднование ближайшего Первомайского праздника превращалось во Всероссийский субботник «в связи с обращением главных усилий страны на трудовой фронт»¹⁰. На территории Александровского уезда основную массу участников праздничного субботника составляли рабочие и красноармейцы, в том числе члены коммунистических ячеек. В Кольско-Лопарской волости был задействован практически весь состав местной (Кильдинской) коммунистической ячейки – порядка 20 человек, за исключением председателя Кильдинского селькома Чертовикова и секретаря Славковского, которые «не желали выйти на работу»¹¹. Участники занимались

преимущественно разборкой русла для проезда к колодцу. В итоге «разобрали камни длиной 20 сажень, шириной 2 сажени»¹². В Александровске были проведены санитарно-технические работы на траулерах, охватывавшие площадь более 2000 квадратных метров. В числе прочих были очищены два кубрика, сделан бревенчатый плавучий мост для сообщения траулеров с берегом¹³. В Мурманске было задействовано около 3 тысяч человек, мероприятия продолжались с 9 часов утра до 3 часов дня. В административном центре были заложены: двухэтажная школа, дом «Приют-Сад» для детей, постройка под станцию Мурманск. Помимо этого была очищена от снега узкоколейка, отремонтирован паровоз, производилась уборка мусора¹⁴.

В дальнейшем практика мобилизации трудового населения посредством праздников неоднократно использовалась местными властями. В частности, таким образом был реализован проект по созданию первого в Мурманске памятника в рамках празднования 10-летия Октябрьской революции. Процесс сбора носил соревновательный характер. Деньги на строительство памятника вносили как рядовые граждане, так и отдельные учреждения и организации. В их числе – коллектив нового городского универмага ТПО (Транспортно-потребительского общества), открытие которого состоялось в том же году. Незадолго до праздника на общем собрании работников ТПО было решено устроить воскресник для уборки здания универмага. Вырученные деньги планировалось передать Комиссии по постройке памятника¹⁵. Таким образом, созданный за счет добровольных пожертвований населения и трудовых коллективов памятник символически закреплял представление о народном характере революционных преобразований.

Вместе с тем, в отличие от межведомственного взаимодействия, где мобилизационный потенциал праздников реализовывался преимущественно в административно-организационной плоскости, вовлечение населения в праздничный процесс и формирование у него устойчивой мотивации к участию в праздниках подразумевали более широкое использование их функционала.

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ: КОНСТРУИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ТЕЛА ПРАЗДНИКА

Интеграционная функция советских праздников была направлена на конструирование самой праздничной общности. Ее содержание соотносилось с одним из ключевых принципов теории революционных массовых праздников, сфор-

мулированным А. В. Луначарским: «массы сами являются для себя зрелищем» [9: 84].

Продолжая анализ организации Дня Интернационала 1920 года на территории Александровского уезда, следует обратить внимание на ее интеграционную составляющую. Опубликованный накануне праздника план его проведения демонстрирует высокую степень регламентации коллективных действий: участники заранее распределялись по группам, выстраивались в колонны, двигались по заданному маршруту и вновь собирались после завершения работ. За каждой участвующей организацией или учреждением был закреплен свой руководитель, и на каждые 100 человек – один старший, назначенный данной организацией / учреждением заранее. Участники шествия несли знамена, плакаты и флаги. Руководитель держал в руках белый флажок для подачи сигнала в случае остановки¹⁶. Тем самым праздничное пространство превращалось в форму символически организованного коллективного действия¹⁷.

Социальный характер интегративной функции советских праздников также выражался в решении задач, связанных с вовлечением отдельных социальных групп в общественно-политическую деятельность. Примером этого служит празднование Международного женского дня в 1921 году. На праздничном митинге 8 марта в Мурманске было задействовано около 500 женщин из числа работниц, в Кольской волости – около 100¹⁸. На следующий после праздника день была открыта первая беспартийная конференция работниц Александровского уезда. В ней участвовали не только жительницы Мурманска и Колы, но и представительницы отдаленных населенных пунктов. Как отмечалось в циркулярном письме женотдела уездкома, первая уездно-городская беспартийная конференция работниц «дала большой толчок в работе». В частности, четыре участницы конференции были трудоустроены в Собез, Здравотдел, Упродком и женорганизатором в Дровяное¹⁹.

Кульминацией развития публично-массового формата праздничной интеграции на Кольском Севере стала торжественная часть празднования 10-летия Октябрьской революции в Мурманске. В мероприятии были задействованы партийные, профессиональные, комсомольские, общественные организации, в том числе физкультурные, военно-стрелковые и военно-санитарные кружки, пионеры, учащиеся школ. Важной особенностью организации празднования было использование специальных аудиосредств – звуковых сигналов, регулирующих ключевые моменты торжества: сбор участников (10:30), старт шествия

к зданию окружного исполкома для построения колонн (11:00), начало движения демонстрации по маршруту от улицы Ленинградской до площади Жертв Революции (11:30) и открытие митинга (12:30), символизирующего одновременное открытие памятника. Последние сопровождался десятикратным пушечным салютом, произведенным стоящими на рейде военными судами²⁰.

Использование властью мобилизационного и интеграционного потенциала советских праздников давало возможность создавать условия для формирования у населения определенных ценностных ориентиров.

ОРИЕНТАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ: МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ СМЫСЛАМИ

При рассмотрении ориентационной функции советских праздников следует подчеркнуть, что она имела наиболее разветвленные механизмы осуществления. Среди них – героико-нормативный, символично-номинативный, календарно-хронологический и агитационно-пропагандистская работа.

Героико-нормативный механизм выражался в символической маркировке определенных социальных групп в рамках праздников. В первую очередь это относилось к трудовому населению края, точнее, к передовым рабочим, как правило, имеющим значительный трудовой стаж, – так называемым «героям труда». Подобные акции проводились преимущественно в рамках Дней Интернационала и имели публичный характер. Праздничные подарки для рабочих представляли собой наборы, содержащие как продукты, так и непродовольственные товары. Например, подарочный набор для награждения в 1921 году включал 5 фунтов белой муки, 1 фунт сахарного песка, 1,5 аршина ситца на одежду, 1/8 часть табака и кусок мыла²¹. Практика праздничных подарков распространялась и на учащихся школ, имеющих выдающиеся достижения в учебе или общественной работе. Распространенным видом подарков для школьников служили угощения, среди которых особенно популярны были орехи²².

Символично-номинативный механизм выражался в конструировании государством идеологически значимых наименований в рамках тех или иных праздничных дат, посредством которых создавалась конкретная интерпретация исторических событий и их значения для советского общества. Здесь уместно сравнить мурманский опыт (ситуация вокруг вышеупомянутого памятника к 10-летию Октябрьской революции) с петрозаводским. В последнем случае местные власти, приняв решение об установлении в 1922 году

памятника на территории братской могилы коммунистов, погибших на Заонежском фронте, прибегли к практике символического замещения: датой торжественного открытия было выбрано 12 июля – День святых апостолов Петра и Павла, который в дореволюционном Петрозаводске был особо популярным и отмечался как день города. Переименованный праздник в итоге превратился в День труда. При этом название самого праздника было выбрано достаточно обобщенным – «Героям борьбы за свободу трудящихся» [3: 11]. Мурманские власти далеко не сразу определились с тем, какой символический смысл должно выражать название памятника, выбирая между несколькими вариантами: монумент 10-летию Октября, Борцам революции, Жертвам революции, Жертвам интервенции. В конечном итоге выбор был сделан в пользу названия «Жертвам интервенции 1918–1920 гг. Мурманские рабочие и рыбаки в день 10-летия Великого Октября»²³. Окончательный вариант задавал систему символических ориентиров, противопоставляя «своих» («мурманские рабочие и рыбаки») и «чужих» (интервенты), а также указывая на событие, легитимирующее новую политическую реальность, – «10-летие Великого Октября». Таким образом, в случае мурманского памятника имело место уже не советское переозначивание локальной праздничной традиции, а конструирование нового символического пространства, связывавшего региональную историю с общесоветским нарративом Октября.

Укреплению авторитета советской власти способствовал и календарно-хронологический механизм, одно из направлений которого встречается в практике празднования годовщин Октябрьской революции начиная со второй половины 1920-х годов. Согласно Постановлению Президиума ЦИК, с 1927 года оно распространялось уже на два дня – 7 и 8 ноября²⁴. При этом на практике большевики активно задействовали в праздновании годовщин революции и день 6 ноября, именуя его в делопроизводственной отчетности «праздничным». Основная нагрузка возлагалась на учреждения клубного типа с целью проведения в них мероприятий «с торжественной и развлекательной частью»²⁵. Среди них следует особо выделить так называемые «вечера воспоминаний», с приглашением непосредственных участников событий революции и Гражданской войны²⁶. В отношении последних осуществлялась упомянутая выше практика героизации современников. Подобные мемориальные акции были достаточно распространенным явлением в ряде регионов Советской России. Например, в Автономной Карельской ССР (АКССР)

подобные мероприятия имели особое значение в рамках празднования республиканских юбилеев, ключевую роль здесь выполняли встречи с участниками Гражданской войны – красными партизанами, красногвардейцами и др. [14: 42]. На Кольском Севере «вечера воспоминаний» имели свою специфику, которая определялась их связью с конкретным праздником. Так, в рамках празднования годовщин Октябрьской революции на территории Мурманского округа уже к началу 1930-х годов акцент в проведении «вечеров воспоминаний» сместился на жителей отдаленных районов, преимущественно саами. Публикация высказываний этих участников на страницах центральной печати давала возможность получить представление об их настроениях и отношении к происходившим в крае изменениям²⁷. Вместе с тем, поскольку содержание подобных материалов, очевидно, определялось также идеологическим отбором, данный тип «вечеров воспоминаний» следует рассматривать как селективно сформированное публичное представление общественных настроений, соответствующее задачам советской политики. По мнению автора, праздничные мемориальные акции на Кольском Севере имели наибольшее идеологическое значение в рамках проведения Дня Красной армии (23 февраля), локальная специфика которого заключалась в объединении с годовщинами освобождения края от белогвардейской власти (21 февраля). Такое совмещение давало возможность частично нивелировать историческое противоречие, на которое обращают внимание некоторые исследователи, в частности Ш. Плаггенборг, именующий его «искажением истории революции», поскольку на момент смены власти Красной армии не существовало в качестве «сложившейся революционной военной структуры» [11: 299]. Таким образом, объединенный праздник усиливал идеологическое воздействие за счет наложения локального нарратива на общегосударственный праздничный календарь. Следует также отметить тщательный контроль состава приглашенных, которому подвергались даже непосредственные организаторы вооруженного восстания, включая И. И. Александрова²⁸.

Изменение праздничных сроков могло быть направлено и на подрыв праздников, прежде всего православных. В этих случаях применялась практика перенесения праздничных дат с юлианского на новый, григорианский, календарь. Такая мера определялась изданными 30 июля и 14 августа 1923 года Декретами Президиума ВЦИК «О перенесении десяти дней отдыха со старого на новый стиль» и «О разъяснении постановления о перенесении десяти дней от-

дыха на новый стиль»: первый определял возможность перенесения дат православных праздников по юлианскому календарю «на соответствующие числа нового григорианского стиля»²⁹, второй фактически наделял местную власть правом решения о наделении некоторых православных праздников (Преображение, Успение и Рождество Христово) статусом выходных дней³⁰. В Мурманской губернии практика перенесения дней отдыха православных праздников получила развитие менее чем через год после выхода указанных постановлений. Незадолго до пасхального праздника было издано постановление Президиума Мурмугбпрофсовета, согласно которому предусмотренные дни отдыха 26–28 апреля переносились на 2 и 3 мая³¹.

Содержание и задачи праздничной агитационно-пропагандистской работы определялись идеологической функцией конкретного праздника. Так, День Интернационала на Кольском Севере в 1920-е годы активно использовался в качестве плацдарма для антирелигиозной пропаганды. После введения в стране праздничных антирелигиозных мероприятий – «комсомольского рождества» и «комсомольской пасхи» – местные власти неоднократно приурочивали проведение последней к Первомайской агитационно-пропагандистской работе. В отдаленных населенных пунктах и сельской местности неотъемлемой частью антирелигиозной пропаганды было проведение бесед на естественно-научные темы с участием сельских врачей³². Вместе с тем, как показывают исследования, антирелигиозная пропаганда представляла собой наиболее сложное в практическом отношении направление праздничной агитационно-пропагандистской работы в «периферийных» северных регионах Советской России. Например, по данным А. В. Фроловой, на территории Архангельской губернии антирелигиозные постановки в рамках «комсомольской пасхи» 1924 года нередко «вызывали у людей раздражение»³³. На Кольском Севере ситуация была еще более сложной, обуславливаясь, во-первых, социокультурной спецификой края как полиэтнической территории, во-вторых, низким уровнем подготовки агитаторов к работе с местным населением. Так, в протоколе заседания расширенной коллегии агитпропотдела Мурманского губкома РКП(б), подводящего неудовлетворительные итоги первой «комсомольской пасхи» в 1923 году по отдельным волостям Мурманской губернии, приведены обоснования отрицательных результатов. Применительно к Александровску в качестве причин указывались «обывательско-мещанские настроения» среди местного населения, которые, по мнению авторов документа, привели к сры-

ву проведения «комсомольской пасхи»³⁴ [1: 36]. В Тюва-Губе, как населенном пункте с преобладающим иностранным населением (финны), «родители запирали своих детей, чтобы те не шли на собрание». В целом здесь отмечался высокий уровень религиозности населения³⁵. Трудностями политработы авторы отчетов объясняли неудачи антирелигиозной пропаганды и в Ловозерском районе, с формулировкой, что там «народ старого закала и отсталый»³⁶.

В последующие годы ситуация не улучшилась. Например, в отчетах о проведении агитационно-пропагандистской работы в рамках Первомайской кампании 1927 года по Ловозерской ячейке ВКП(б) зафиксировано: «Заинтересованность слабая. Недостаточная самостоятельность. Удовлетворительный уровень проведения. Требования большинства людей сводились к увеличению количества спектаклей»³⁷.

В противоположность Первомайской, массовая политическая работа в рамках празднования годовщин Октябрьской революции открывала пространство для позитивной агитации, которая выражалась в обосновании исторической роли Коммунистической партии и ее ведущих деятелей, в первую очередь В. И. Ленина. По мнению К. В. Годунова, с 1920 года «ресурс празднований окончательно перешел в ведение большевиков» [4: 40]. Это давало власти возможность активно использовать годовщины революции для освещения ключевых изменений как в общегосударственном, так и в краевом масштабе. К примеру, в рамках празднования 7-й годовщины Октябрьской революции на территории Мурманской губернии для публичных выступлений были заявлены следующие темы: «Ленин и Октябрьская революция», «Художественное строительство за 7 лет», «Ленин, Октябрьская революция и национальный вопрос», «Методическое значение Октябрьской революции», «Международное положение к 7-й годовщине Октябрьской революции»³⁸. Во второй половине 1920-х годов в праздничной агитационно-пропагандистской работе активно использовалась оппозиция «отсталое дореволюционное – передовое социалистическое». К примеру, в рамках кампании к 11-й годовщине Октябрьской революции аудитории были представлены доклады на темы «От царизма – к диктатуре пролетариата...», «Народное хозяйство за 11 лет и значение промышленности Мурманского края», «Промышленность СССР за 11 лет и развитие Мурманского края»³⁹.

Таким образом, в 1920-е годы советские праздники превращались в управляемый инструмент внутренней политики, выполняя широкий спектр задач. Анализ праздничных практик 1920-х го-

дов на Кольском Севере дает возможность обратиться к их трансформации в следующем десятилетии.

СОВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ В 1930-е ГОДЫ И НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ

К началу 1930-х годов в развитии регионов Советской России, географически удаленных от центра, наметилась новая тенденция, связанная с задачей преодоления информационной и культурной изоляции. В этих условиях на первый план выходили уже локальные праздники, дающие возможность конструирования и публичной трансляции такого формата, который, с одной стороны, раскрывал уникальные особенности отдельно взятого региона, с другой – демонстрировал их значимость для Советского государства в целом. При этом вышеуказанная задача не предполагала единообразия в выборе конкретного праздника для ее реализации. К примеру, на территории АКСССР ключевое значение имели празднования юбилеев республики. Как отмечает С. Н. Филимончик, организация подобных праздников, с приглашением гостей из других регионов страны и иностранцев, помогала «создавать позитивный образ республики в СССР и мире». Основной акцент делался на демонстрации разного рода достижений – в производстве, культуре и т. д. [14: 41].

На Кольском Севере, в силу специфики административно-территориального положения региона, подобный тип праздников не получил существенного развития. Поиски универсального локального праздника были продиктованы здесь не только решением вышеуказанной задачи, но и необходимостью повышения уровня развития физкультуры и спорта в регионе, который оставался весьма слабым. В частности, на территории края не проводилось физкультурных парадов, являвшихся важной частью некоторых советских праздников. Точкой отсчета в истории будущего праздника стало обращение председателя межсоюзного бюро физкультуры при Мурманском Окружном совете профсоюзов Владимира Емельяновича Ляпкина к председателю совета Павлу Ивановичу Архипову с предложением о проведении межсоюзных лыжных соревнований и выделении на эти цели финансовых средств. Ляпкин был командирован в Ленинград, где встретился с представителями областного совета профсоюзов. В ходе разговора он обосновал приоритет Кольского полуострова как единственной территории в пределах Ленинградской области⁴⁰, где в конце марта сохранялся устойчивый снежный покров. Инициатива получила одобре-

ние: Леноблпрофсовет выделил 5 тысяч рублей, ВЦСПС – 10 тысяч рублей⁴¹.

Ориентационный характер северного физкультурного праздника⁴² отражен в учредительных документах. Согласно Постановлению Президиума Мурманского Окрпрофсовета от 13 марта 1934 года «О проведении зимнего физкультурного праздника в профсоюзах города Мурманска», будущий спортивный праздник создавался «в целях широкой популяризации Советской культуры, внедрения элементов физкультуры (лыжный спорт) в быт народа Севера, развития самостоятельного физкультурного движения в Мурманских профсоюзах на Крайнем Севере»⁴³. Тем самым праздник должен был закрепить в массовом сознании нормативный образ советского – физически развитого, дисциплинированного – человека, противопоставленный «отсталому» быту.

Все участники спортивного праздника освобождались от основной работы в период с 25 марта по 1 апреля. Для стимулирования трудовой активности предусматривались три премии за лучшую подготовку по линии союзов и выполнение контрольных цифр ГТО по лыжам в размере 400, 250 и 100 рублей соответственно⁴⁴. Призовой фонд для победителей соревнований был достаточно разнообразным. Помимо грамот и спортивных статуэток, в числе наград фигурировали велосипед, лыжные костюмы из шелка и шерсти, наручные часы⁴⁵.

Показательно, что первоначальный замысел организаторов придать Празднику Севера международный характер не получил поддержки у советского руководства. На афишах, напечатанных к мероприятию, в числе стран-участников были указаны Финляндия, Швеция и Норвегия. Заместитель председателя Мурманского Окружного совета физкультуры Петр Венедиктович Жигунов был направлен в Москву для согласования вопроса о приглашении иностранных лыжников. На приеме у И. В. Сталина был задан вопрос: «Есть ли у вас уверенность, что у наших лыжников результаты будут не хуже, чем у лыжников этих стран?» Жигунов признал отсутствие такой уверенности, на что получил ответ: «Давайте повременим с приглашением иностранцев, пока не научимся хорошо ходить на лыжах»⁴⁶. Данный эпизод красноречиво свидетельствует о том, что региональные праздники всерьез рассматривались властью в качестве элемента международной репрезентации советской системы.

Особенностью спортивного праздника стало включение в программу соревнований представителей коренных малочисленных народов – оленеводов Мурманского округа. Для них были

предусмотрены наиболее ценные призы – двуствольное охотничье ружье с патронташем, патронами, сумкой и чехлом, патефон с 25 пластинками, а также бронзовая монолитная скульптура оленевода работы Н. И. Либериха⁴⁷. Тем самым власти нашли оптимальный способ их интеграции в советское праздничное пространство.

К середине 1930-х годов ключевой задачей ориентационной функции советских праздников становится активная пропаганда личности И. В. Сталина. На региональном уровне репрезентация власти активно транслировалась через местные праздничные кампании, в особенности посредством оформления городского пространства и агитационно-пропагандистской работы. Образ руководителя Советского государства активно использовался в качестве символа глобальных преобразований, происходивших в крае. Так, при оформлении центра города Мурманска в рамках празднования годовщины Октябрьской революции практически ни одна тематическая зона не обходилась без изображения или, по крайней мере, упоминания И. В. Сталина⁴⁸.

Вместе с тем, как показывают архивные материалы, праздничные кампании, относящиеся к событиям краевой истории (например, 15-летие освобождения края от белогвардейской власти в 1935 году), сохраняли относительную автономность символического содержания. Так, в рамках празднования указанной годовщины, отмечавшейся в разгар сталинской массовой пропаганды, целевая установка мероприятия сводилась к тому, чтобы «показать роль партии, роль Ленина-Сталина-Кирова в борьбе за освобождение Мурманска от интервентов и развитие социалистического строительства на Мурмане»⁴⁹.

В заключение следует обратиться к репортажу Мурманского радио о первомайской демонстрации 1939 года, который показывает высокий уровень взаимодействия многих вышеуказанных механизмов праздничных функций. Центральное место в праздничном пространстве занимал образ руководителя Советского государства: «Кругом портреты творца наших побед – *великого* (здесь и далее курсив наш. – П. Ш.) Сталина и его *любимых верных соратников...*». Данный аспект также раскрывался через участие в празднике детей и привилегированных групп:

«Лучшие отличники школы несут портрет *любимого друга* советской детворы – *великого* Сталина и членов Политбюро ЦК ВКП(б)... Полярники несут... портрет тов. Сталина – *любимого друга* советских полярников».

Подчеркивался интернациональный характер СССР: «Впереди – группа ребят в пестрых наря-

дах одиннадцати союзных республик». Использовалась героизация современников:

«Окруженная детворой, идет лучшая учительница города Лидия Филипповна Антропова, награжденная товарищем Кагановичем золотыми часами “За отличную работу по коммунистическому воспитанию детей железнодорожников”».

Оформление демонстрации обозначало актуальные государственные задачи: «Над второй группой демонстрантов высится лозунг... “В третьей пятилетке полностью освоить и превратить Северный морской путь в нормально действующую водную магистраль”». Подчеркивалась эмоционально приподнятая атмосфера массового единства: «Ребята идут радостные, ликующие и шумные... Идут тысячи веселых и радостных мурманцев»⁵⁰.

Второе советское десятилетие стало периодом окончательного превращения советских праздников, отмечаемых на территории края, в отлаженный управляемый механизм, в рамках которого каждая из функций занимала строго отведенное место и эффективно дополняла другие.

ВЫВОДЫ

Полученные результаты показывают, что в 1920–1930-е годы отличительной особенностью праздничной политики на Кольском Севере было сочетание общегосударственных праздничных стандартов с региональной спецификой. Сравнительный анализ с данными по смежному региону – АКССР показывает более выраженную локальную особенность ориентационной функции на Кольском Севере. Последняя заключалась не только в содержании праздников, но и в способе, которым советская власть производила ориентацию населения через праздник. Механизмы данной функции здесь накладывались на региональную историческую память (освобождение края от белогвардейской власти) и этническую ситуацию. В первом случае это было, скорее, преимуществом, во втором – демонстрировало противоречивые результаты, в особенности в сфере праздничной антирелигиозной пропаганды.

Успех организации на Кольском Севере в начале 1930-х годов нового типа локального праздника, у которого не было аналогов в других «периферийных» регионах Советской России, во многом определялся грамотным сочетанием всех ключевых функций праздничной политики. При этом уровень межведомственного взаимодействия, характерный для 1920-х годов, достиг межрегионального масштаба за счет подключения ресурсов на более высоком уровне власти.

Подобно большинству других регионов РСФСР, на Кольском Севере в 1930-е годы произошла окончательная институционализация праздничного пространства с доминированием культа личности вождя. При этом праздничная политика 1930-х годов сочетала процессы унифи-

кации идеологического пространства с сохранением регионально обусловленных мемориальных сюжетов, в рамках которых культ личности руководителя Советского государства интегрировался в коллективный революционный нарратив, а не полностью подменял его.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Термином «Кольский Север» в данной статье обозначается исторически сформировавшаяся территория, соответствующая современной Мурманской области; административный статус края и его границы в рассматриваемый период неоднократно менялись.
- ² Деканова М. К. Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX – первой трети XX века: центр и провинция: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009.
- ³ Котылева И. Н. Праздничная культура Европейского Северо-Востока России в 1918 г. – начале 1930-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2005; Мордасова М. А. Праздничная культура Южного Урала в 1917–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005; Фролова А. В. Праздники русских Архангельского Севера в XX – начале XXI века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Шаповалов С. Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011; Азарова П. Е. Массовые праздники городского населения Западной Сибири первых послереволюционных десятилетий в контексте актуализации культурного наследия: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2017.
- ⁴ Пивоварова Т. В. Праздник юности // Кировский рабочий. 2017. № 26. С. 7; Пивоварова Т. В. Из истории Первояма // Кировский рабочий. 2022. № 17. С. 13.
- ⁵ Правила СНК от 2 декабря 1918 года «О еженедельном отдыхе и праздничных днях»: прил. к ст. 104 КЗОТ от 10 декабря 1918 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 87–88. Ст. 905.
- ⁶ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 124. Л. 1.
- ⁷ ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 176. Л. 14, 21.
- ⁸ ГАМО. Ф. П-431. Оп. 1. Д. 59. Л. 41.
- ⁹ ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 121. Л. 79.
- ¹⁰ Из истории Гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов. Т. 3. М.: Советская Россия, 1961. С. 57.
- ¹¹ ГАМО. Ф. П-431. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Л. 34.
- ¹⁴ Там же. Л. 49.
- ¹⁵ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 79. Л. 8.
- ¹⁶ Известия Мурманского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1920. 29 апреля. С. 1.
- ¹⁷ Тема «переноса сакральности» с религиозной сферы в политическую прослеживается в целом ряде исследований как отечественных, так и зарубежных авторов. Сам термин введен французским исследователем М. Озуф в работе «Революционный праздник: 1789–1799», посвященной праздникам Великой французской революции. В исследованиях, в частности, отмечается замена дореволюционных символов (иконы, проповеди, крестный ход и др.) революционными (портреты вождей, митинги, демонстрация и др.). См.: Мордасова М. А. Указ. соч. С. 60–61; Ермолин Е. А. Материализация призрака. Тоталитарный театр советских массовых акций 1920–1930-х годов. Ярославль, 1996. С. 30; Сторчак В. М. Советская гражданская религия. М., 2019. С. 40; [15: 590].
- ¹⁸ ГАМО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 78. Л. 13.
- ²¹ ГАМО. Ф. П-431. Оп. 1. Д. 59. Л. 6.
- ²² Там же. Л. 24.
- ²³ Ермолаев Д. В. Неизвестные монументы забытого Мурмана. 2. Стадион, могила, сквер // Мурманский вестник. 2016. № 130, 131. С. 22.
- ²⁴ Постановление Президиума ЦИК СССР от 26 октября 1927 года «О праздничных днях, посвященных годовщине Октябрьской революции, и об особых днях отдыха» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1927. № 60. Ст. 608.
- ²⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р5451. Оп. 10. Д. 494. Л. 28.
- ²⁶ ГАМО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 124. Л. 10.
- ²⁷ Полярная правда. 1933. № 248. С. 3.
- ²⁸ ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 121. Л. 115–116.
- ²⁹ Декрет Президиума ВЦИК от 30 июля 1923 года «О перенесении десяти дней отдыха со старого на новый стиль» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1923. № 70. Ст. 678.

- ³⁰ Декрет Президиума ВЦИК от 14 августа 1923 года «О разъяснении постановления о перенесении десяти дней отдыха на новый стиль» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1923. № 72. Ст. 707.
- ³¹ Полярная правда. 1924. № 21. С. 1.
- ³² ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 371. Л. 9.
- ³³ Фролова А. В. Указ. соч. С. 94.
- ³⁴ ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 121. Л. 51.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Л. 52.
- ³⁷ ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 371. Л. 38–39.
- ³⁸ ГАМО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 176. Л. 13.
- ³⁹ ГАМО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 124. Л. 12.
- ⁴⁰ С 1927 по 1938 год край входил в состав Ленинградской области на правах округа.
- ⁴¹ ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 27. Л. 13.
- ⁴² Одно из первых названий Праздника Севера.
- ⁴³ Мурманский областной краеведческий музей. Научно-вспомогательный фонд (МОМ НВ) 4930/1. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же. Л. 2.
- ⁴⁵ Полярная правда. 1934. № 76. С. 4.
- ⁴⁶ ГАМО. Ф. Р-1279. Оп. 2. Д. 27. Л. 14.
- ⁴⁷ Полярная правда. 1934. № 76. С. 4.
- ⁴⁸ Полярная правда. 1938. № 251. С. 4.
- ⁴⁹ ГАМО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 609. Л. 82.
- ⁵⁰ ГАМО. Ф. Р-947. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардилева Ю. П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века. Мурманск: МГГУ, 2015. 253 с.
2. Барышева Е. В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М.: Изд-во РГГУ, 2020. 193 с.
3. Волохова В. В. Формирование мифа об Октябрьской революции и Гражданской войне средствами монументальной пропаганды (на примере г. Петрозаводска) // CARELICA. 2015. № 1. С. 8–23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://carelica.petsru.ru/2015/VOLOKHNOVA.pdf> (дата обращения 15.05.2026).
4. Годунов К. В. Красная Пасха: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2023. 254 с.
5. Дубницкий М. А. Праздник Севера. Мурманск: Кн. изд-во, 1974. 157 с.
6. Ермолин Е. А. Материализация призрака. Тоталитарный театр советских массовых акций 1920–1930-х годов. Ярославль: ЯГПУ, 1996. 141 с.
7. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 320 с.
8. Коткин К. Я. «Работать еще лучше. Культурно, весело...»: организация и проведение празднования пятилетия г. Кировска в 1934 г. // Мурманская область: история и современность: Материалы круглого стола 15 ноября 2018 года. Мурманск, 2019. С. 22–38.
9. Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде, цирке. М.: Искусство, 1981. 424 с.
10. Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с.
11. Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Литера, 2000. 415 с.
12. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина: РОС-СПЭН, 2009. 439 с.
13. Синцов А. Н. Полярные олимпиады: записки лыжника, участника-очевидца традиционных Праздников Севера. Мурманск: Кн. изд-во, 1961. 140 с.
14. Филимончик С. Н. Праздничная культура Петрозаводска в 1920–1930-е гг. // CARELICA. 2015. № 1. С. 38–45 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://carelica.petsru.ru/2015/PHILIMONCHIK.pdf> (дата обращения 10.05.2026).
15. Binns C. The changing face of power: Revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system: Part I // Man New Series. 1979. № 4 (14). P. 585–606.
16. Geldern J. von. Bolshevik festivals, 1917–1920. Berkeley: University of California Press, 1993. 305 p.
17. Stites R. Revolutionary dreams. Utopian vision and experimental life in the Russian Revolution. New York: Oxford University Press, 1991. 334 p.

Поступила в редакцию 10.06.2026; принята к публикации 14.08.2026; дата публикации 30.09.2026

Pavel P. Shutas, Exhibition and Display Specialist, Murmansk Regional Museum (Murmansk, Russian Federation)
 ORCID 0009-0005-8329-1740; arhaget@gmail.com

SOVIET HOLIDAYS IN THE 1920s AND 1930s AS AN INSTRUMENT OF DOMESTIC POLICY (a case study of the Kola North)

Abstract. The article examines the role of Soviet holidays in the Kola North during the 1920s and 1930s as an instrument of the Soviet state's domestic policy. The relevance of this study is due to the insufficiently studied features of the formation of Soviet holiday culture within this specific region. The study aims to examine Soviet holidays in the Kola North as a controllable instrument for implementing domestic policies during the 1920s and 1930s. To achieve this, the research identifies the main functions of holiday policy, investigates the mechanisms for implementing each of these functions through specific holiday practices, and, through selected examples, traces the evolution of local holiday policy in the 1930s and its relationship with nationwide trends. The novelty of the study lies in its comprehensive systematization and analysis of holiday practices, previously examined only fragmentarily within the Kola North, taking into account their organizational, social, and ideological mechanisms. The study finds that the key objectives of holiday policy in the region during the specified period included securing resources for celebrations, coordinating activities across various departments, engaging the population in regulated forms of collective participation, and promoting ideological directives. The region's dispersed and multi-ethnic population posed certain challenges for organizing holiday events, especially in the context of anti-religious propaganda during the 1920s. Conversely, the region's geographical features were effectively utilized as a basis for organizing a major interregional festival first held in 1934. By the late 1930s, Soviet holidays in the Kola North had evolved into an efficient mechanism of state policy, characterized by the consolidation of Stalin's cult of personality while preserving the region's revolutionary narrative.

Key words: Soviet holidays, Kola North, domestic policy, 1920s, 1930s

For citation: Shutas, P. P. Soviet holidays in the 1920s and 1930s as an instrument of domestic policy (a case study of the Kola North). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):32–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1349

REFERENCES

1. Bardileva, Yu. P. The Russian Orthodox Church in the Kola North during the first half of the XX century. Murmansk, 2015. 253 p. (In Russ.)
2. Barysheva, E. V. "In cheerful rumble, in fires and ringing": the role of Soviet holidays in the social construction of a new society. Moscow, 2020. 193 p. (In Russ.)
3. Volokhova, V. V. Making a myth about the October Revolution of 1917 and the Russian Civil War by means of monumental propaganda (Petrozavodsk, Karelia as an Example). *CARELICA*. 2015;1:8–23. Available at: <http://carelica.petsru.ru/2015/VOLOKHOVA.pdf> (accessed 10.05.2026). (In Russ.)
4. Godunov, K. V. The Red Easter: celebrating the October Revolution anniversaries and the political culture of the Russian Civil War. St. Petersburg, 2023. 254 p. (In Russ.)
5. Dubnitsky, M. A. Festival of the North. Murmansk, 1974. 157 p. (In Russ.)
6. Ermolin, E. A. Materialization of a ghost. Totalitarian theater of Soviet mass actions during the 1920s and 1930s. Yaroslavl, 1996. 141 p. (In Russ.)
7. Kolonitsky, B. I. Symbols of power and the struggle for power: a study of the political culture of the Russian Revolution of 1917. St. Petersburg, 2012. 320 p. (In Russ.)
8. Kotkin, K. Ya. "To work even better. In a cultured manner, cheerfully...": organizing and holding the Kirovsk city's fifth anniversary celebration in 1934. *Murmansk Oblast: history and the present: Proceedings of the round table, 15 November 2018*. Murmansk, 2019. P. 22–38. (In Russ.)
9. Lunacharsky, A. V. About mass celebrations, variety shows, and circus performances. Moscow, 1981. 424 p. (In Russ.)
10. Malysheva, S. Yu. Soviet festive culture in the province: space, symbols, and historical myths (1917–1927). Kazan, 2005. 400 p. (In Russ.)
11. Plaggenborg, S. Revolution and culture: Cultural landmarks in the period between the October Revolution and the era of Stalinism. St. Petersburg, 2000. 415 p. (In Russ.)
12. Rolf, M. Soviet mass festivals. Moscow, 2009. 439 p. (In Russ.)
13. Sintsov, A. N. Polar Olympics: notes of a skier and an eyewitness to the traditional Northern Festivals. Murmansk, 1961. 140 p. (In Russ.)
14. Filimonchik, S. N. Festive culture of Petrozavodsk in 1920s–1930s. *CARELICA*. 2015;1:38–45. Available at: <http://carelica.petsru.ru/2015/PHILIMONCHIK.pdf> (accessed 15.05.2026). (In Russ.)
15. Binns, C. The changing face of power: Revolution and accommodation in the development of the Soviet ceremonial system: Part I. *Man New Series*. 1979;4(14):585–606.
16. Geldern, J. von. Bolshevik festivals, 1917–1920. Berkeley, 1993. 305 p.
17. Stites, R. Revolutionary dreams. Utopian vision and experimental life in the Russian Revolution. New York, 1991. 334 p.

Received: 10 June 2026; accepted: 14 August 2026; published: 30 September 2026

ОЛЬГА ПАВЛОВНА ИЛЮХА

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр
Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1672-5925; ilyukha.olga@mail.ru

СОЗДАНИЕ УЧЕБНОЙ КНИГИ ДЛЯ КАРЕЛОВ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Показано зарождение учебного книгоиздания, ориентированного на обучение карельских детей основам православия, навыкам чтения и письма. Обобщены литературные и архивные сведения о ходе создания учебных книг, обозначена их связь с аналогичными изданиями в других регионах и общенациональными образцами. Рассмотрено содержательное наполнение, структура и оформление учебных изданий, методы обучения чтению. Показана эволюция учебной книги от катехизиса к собственно учебнику, что было связано с расширением информации светского характера и новыми полиграфическими возможностями, привлечением иллюстративного материала. Представлены церковные и общественные институты, а также персоны, участвовавшие в создании учебных пособий. Раскрыта определяющая роль в их подготовке, с одной стороны, православного духовенства и сельского учительства, с другой – просветительских организаций и учреждений. Исследование сосредоточено на проблемах истории учебной литературы для школ, находившихся в пределах современных границ Республики Карелия, спроецированных на карту населенных карелами волостей и уездов Олонецкой и Архангельской губерний.

Ключевые слова: карелы, карельский язык, православие, школьное обучение, книгоиздание, учебная книга

Благодарности . Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН. Тема «Духовные традиции народов Карелии: тексты и контексты» № 125032004283-0.

Для цитирования: Илюха О. П. Создание учебной книги для карелов в контексте православного просветительства XIX – начала XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 43–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1350

ВВЕДЕНИЕ

Развитие начального школьного образования в России в XIX – начале XX века сопровождалось ростом потребности в учебной книге. Создание учебников было тесно связано с самой функцией народной школы, важнейшей задачей которой при постепенном нарастании светской составляющей в обучении оставалось религиозное просвещение. Контроль над содержанием школьных книг и пособий осуществляли Святейший Синод и Министерство народного просвещения (МНП). В процесс подготовки школьных книг были вовлечены интеллектуально-педагогические силы по всей стране, включая образованных представителей многочисленных народов Российской империи.

В современной историографии представлены разнообразные аспекты подготовки печатных

изданий для карелов. Историки рассматривают роль краеведов и служителей церкви в осуществлении переводов на карельский язык [8], вклад православных братств в подготовку изданий на карельском языке [2], русификаторскую подоплеку переводческой работы для целей богослужебной практики [9], [10]. Появился интерес к особенностям содержательного наполнения учебников для карельских школьников, семантике текстов и иллюстраций [3], [4]. Углубляются языковедческие изыскания, которые рассматривают издания XIX – начала XX века в контексте развития письменной традиции¹.

Ход создания учебной книги для карелов, связанной с религиозным просветительством, в научной литературе оказался растворенным в общем потоке переводческой деятельности и книгоиздательской практики. Вместе с тем тре-

буют уточнения вопросы предназначения и фактического использования тех или иных книг для целей школьного образования. В этой связи необходима не только определенная детализация самого процесса создания учебной литературы для карельских учителей и школьников, определение его инициаторов и круга исполнителей, но и выведение проблематики учебной книги из регионального плана в контекст общероссийского просветительства, установление более широкой связи с процессами и инициативами, имевшими общегосударственное значение. Требуется осмысление этих книг с точки зрения уровня развития школьно-учебного книгоиздания как особой формы книжности, их оценка с педагогической и эстетической (оформительской и полиграфической) позиции своего времени, соответствия интересам учащихся как в отношении представленной в них информации, так и ее подачи в вербальном и визуальном планах.

Цель данной статьи, которая является продолжением исследований автора по истории региональных учебников, – представить некоторые результаты наблюдений по кругу обозначенных выше проблем, показать зарождение учебного книгоиздания, ориентированного на приобщение карельских школьников к православной вере и церкви, обучение навыкам чтения и письма, продемонстрировать связь изданий для карелов с образцами общенациональных учебников и учебных пособий, эволюцией подходов к обучению чтению. Ставится задача обобщить литературные и архивные материалы о ходе создания учебников для карельских школ, находившихся в пределах Олонецкой и Архангельской губерний.

КАТЕХИЗИС ДЛЯ КАРЕЛОВ И РУКОПИСНЫЕ УЧЕБНИКИ

Первые официально санкционированные попытки применения в школах печатных текстов на родных языках «инородцев» опирались на упрощенные катехизисы, которые для многих финно-угорских народов, включая карелов, впервые были изданы на рубеже XVIII–XIX веков. Появление печатной книги меняло подходы к их христианизации [12: 264–265]. Православие как надежная опора имперской власти было сердцевинной школьного образования, при этом постоянное внимание привлекали окраины православного мира, в том числе Урало-Поволжский регион и Карелия.

В январе 1803 года Святейший Синод издал указ о необходимости перевода на языки «инородцев» катехизиса и церковных молитв. В 1804 году, наряду с переводами на чувашский

и черемисский (марийский) языки, вышли в свет переводы на «олонецкий» (ливвиковское наречие карельского языка) и «корельский» (собственно карельское наречие) языки. Тиражи катехизисов составляли от 1200 до 2400 экземпляров. Издание на «корельском» языке предназначалось для Тверской Карелии, тогда как «олонецкий» вариант – для жителей южных волостей Олонецкой губернии. Для создания переводов на «инородческие» языки использовался пространственный катехизис Московского митрополита Платона (П. Г. Левшина), который был сокращен составителями².

Интересующий нас вариант, подготовленный для карелов-ливвиков, был напечатан в синодальной типографии и вышел в свет в виде брошюры под названием «Перевод некоторых молитв и сокращенного катихизиса на олонецком языке», ее общий объем составил 49 страниц³. Через священников катехизисы поступали в немногочисленные сельские приходские училища, которые в начале XIX века были основным типом школ для карелов, где предполагалось вести освоение этих книг в целях религиозных и нравственных. Издание катехизиса, совпавшее с созданием в Карельском крае сети приходских школ⁴, знаменовало собой попытку начать просветительскую работу на новой основе, то есть дополнить устное общение с паствой карельских приходов визуальной информацией печатных текстов.

В самом начале катехизиса оговаривалось его назначение – издание адресовалось тем, кто хочет научиться читать Священное Писание. На первых страницах был представлен алфавит, напечатанный, как и вся книга, кириллицей с использованием традиционного церковно-славянского шрифта. Текстовая часть начиналась с благословения – тринитарной формулы «Во имя Отца и Сына и Святого Духа – аминь», за которым следовала молитва перед учением: «Боже, в помощь мою вонми и вразуми мя во учение сие». Далее были представлены буквы церковно-славянского алфавита и «гражданские письмена», первые слоги, а за ними – популярные молитвы. Содержательное ядро собственно катехизиса, включавшего 30 вопросов и ответов на них, составляли десять заповедей Ветхого Завета с параллельными текстами на «русском» и «олонецком» языках. Вопросно-ответная структура катехизиса предусматривала постижение основ православной веры путем заучивания готовых формул, а не самостоятельных размышлений. Предполагалось использование учениками общепринятого в то время и трудного буквослагательного метода, основанного на механическом

запоминании букв и их названий, слогов, слов и, наконец, целых фраз.

Оформление катехизиса выполнено в стиле, характерном для кириллической печати начала XIX века. В нем использованы такие типографские элементы, как орнаментальные заглавные буквы, заставки, концевая виньетка. Низкое качество печати обусловило недостаточную четкость графических изображений. Тем не менее привлекает внимание открывающая книгу орнаментальная заставка с медальоном посередине. В нем угадывается изображение Святой Троицы с чашей в центре композиции, схематически воспроизводящее канонический образец Андрея Рублева.

Прямые свидетельства использования катехизиса в обучении олонецких карелов не обнаружены. Спустя столетие, в начале XX века, издания катехизисов для «инородцев» в целом подверглись критике с педагогической точки зрения как неспособные заинтересовать «младенчаствующего инородца», сухие по форме и содержанию и часто непонятные из-за низкого качества переводов⁵. Тем не менее издание на ливвиковском диалекте стало экспериментальным опытом, послужило отправной точкой в дальнейшем становлении печатной книги для карелов.

Определенный этап экспериментов в истории создания учебных пособий связан с ведением обучения карельскому языку и созданием кафедры карельского языка в Олонецкой духовной семинарии, открывшейся в 1829 году. Здесь практически ежегодно, вплоть до 1872 года в карельский класс поступали 15–20 учеников. Обучение велось на ливвиковском наречии на основе рукописных учебников и пособий, выполненных преподавателями семинарии. Использовались «Азбука», «Грамматика» и «Лексикон», подготовленные в первые годы работы семинарии лектором курса карельского языка Василием Ильинским. Затем начинание подхватил его преемник Григорий Модестов, работавший в семинарии с 1857 по 1872 год. Он внес в тексты учебников исправления, постепенно усовершенствовал их и в результате создал собственный рукописный учебник «Карельская грамматика», который был допущен к использованию. Эти труды остались в рукописях, как и выполненные преподавателями семинарии многочисленные переводы богослужебных книг на карельский язык⁶.

Интерес к переводческой деятельности проявляло Российское библейское общество (1813–1826), по инициативе которого в 1820 году был осуществлен перевод Евангелия от Матфея на карельский (тверской) язык. Периоды подъ-

емов и спадов активности в переводческой работе были связаны с позицией официальной церкви, отношением к делу некоторых высокопоставленных чиновников и духовных лиц, но в целом переводы богослужебной литературы на карельский язык не прекращались вплоть до советского времени [9].

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ КОМИТЕТ ГРАМОТНОСТИ И ДИСКУССИИ О КАРЕЛЬСКОЙ АЗБУКЕ

В период Великих реформ импульсы по созданию учебных книг исходили из Санкт-Петербургского комитета грамотности, созданного в 1861 году при Императорском Вольном экономическом обществе. В целях содействия развитию начального народного образования комитет в своей деятельности опирался на духовенство как грамотный и близкий к народу слой общества. Уже в первые годы своей работы комитет организовал сбор сведений о наличии рукописных азбук и букварей в различных частях Российской империи, призывал записывать образцы карельской речи.

По поводу поступивших в его распоряжение рукописей азбук, созданных для карелов, в документах комитета отмечалось, в частности, несоответствие знаков алфавита звукам карельской речи. В подобных спорах звучали подчас экзотические предложения использовать «близкие и живительные алфавитные знаки, взятые собственно из карельского быта»⁷. Возможно, имелись в виду карельские деревянные резные календари, надписи и обозначения на которых были представлены системой графических знаков, символов и кириллических букв [1]. Вместе с тем в переписке комитета грамотности со специалистами по финно-угорским языкам рассматривалась возможность использования латинского алфавита. В частности, сторонником такого подхода выступал Ф. Фриман – преподаватель финского языка Санкт-Петербургской духовной семинарии, автор переводов православных богослужебных текстов на финский язык⁸. Напротив, С. И. Барановский, профессор русского языка и литературы Гельсингфорсского университета, считал, что «с небольшими переменами и исправлениями можно было бы русскими буквами напечатать для наших карелов разные полезные книги, изданные для финнов». Собрав сведения у торговцев, он свидетельствовал в записке, направленной в комитет грамотности в 1862 году, что «книг, изданных для русских карелов, нет и в Финляндии в продаже»⁹.

Критика поступивших в комитет грамотности рукописей учебных пособий для карелов сопровождалась осмыслением подходов к обучению чтению, что было отражением процесса постепенного накопления знаний в области карельского языка и в педагогической науке. Передовыми педагогами оспаривался архаичный буквослагательный метод обучения чтению в силу его нерациональности и трудоемкости. Протоиерей Новгородской епархии Ф. В. Гиляровский, оценивая собранные из карельских приходов рукописи, писал в комитет грамотности в 1964 году: «Карельские азбуки, вообще до сих пор, за неимением таблиц по методу Золотова, трудноваты»¹⁰. Речь шла о В. А. Золотове, авторе изданной в 1860 году «Русской азбуки для простого народа», стороннике звукового аналитического метода чтения и письма, разработанного в начале XIX века французским педагогом Ж.-Ж. Жакото. Метод был несколько проще буквослагательного, имел развивающий потенциал, поскольку чтение строилось аналитически (предложение – слово – слог), для чего использовались специальные таблички. Однако применение этого передового метода к карельской азбуке в те годы так и не было реализовано.

Деятельность комитета встречала объективные трудности, обусловленные слабой изученностью карельского языка. По этой причине были обречены на неудачу опыты петербургского чиновника Е. И. Тихонова. Происходивший из Приладожской Карелии, он был страстным исследователем языка и культуры своего народа. Е. И. Тихонов был одержим идеей создания общей азбуки для карелов, говоривших на различных диалектах. В 1864 году была готова рукопись учебника, которую автор оценивал как «связующее звено карельского языка с русским», поскольку к некоторым русским буквам он добавил надстрочные знаки «для выражения звуков карельского языка». Текстовая часть азбуки состояла из переводов молитв, рассказов из Священного Писания, фрагментов азбуки, изданной Д. И. Пресновым¹¹, и стихотворения А. С. Пушкина «Птичка божья». Однако рукопись, отправленная рецензентам, получила отрицательные отзывы и не была опубликована. В частности, священник А. Усердов из Ухтинского прихода Архангельской епархии констатировал, что «Азбука не приемлема для карелов Архангельской губернии»¹². Вместе с тем Е. И. Тихонов подготовил и опубликовал в 1870 году в Санкт-Петербурге «Русско-карельский молитвенник», который он рассматривал как учебное пособие, поэтому передал часть тиража в карельские школы и Олонецкую духовную семинарию [8: 275].

МЕТОДИКА ИЛЬМИНСКОГО И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ИЗДАНИЯХ ДЛЯ КАРЕЛОВ

Системно решить задачу разработки методов обучения «инородцев» русскому языку и их религиозно-нравственного воспитания в духе православия удалось востоковеду, педагогу-миссионеру Н. И. Ильминскому (1822–1891), работавшему в Казани, где сложился один из центров русского православного миссионерства. Он предложил вести обучение с использованием родного языка учащихся, постепенно привлекая русский язык, а учителями в школы для нерусских детей направлять лиц, хорошо знающих язык конкретного народа. В системе различных мер, предложенных Н. И. Ильминским в 1860-х годах, было создание для «инородческих» школ комплекса переводной литературы (вероучительной и учебной) на основе православной кириллической графики. При подготовке учебных пособий по методу Ильминского использовался хорошо известный дидактический прием параллельных текстов, расположенных в две колонки. Система обучения получила одобрение МНП и вплоть до советского времени оказывала влияние на школьную работу с нерусскими детьми, хотя отношение властей к ней менялось. В 1860–1880-е годы Н. И. Ильминским и его сподвижниками были подготовлены с использованием кириллицы и изданы десятки богослужебных книг и учебников для тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. К началу 1890-х годов для мордовских школьников на различных диалектах было издано не менее пяти учебников, для марийцев – тринадцать книг, для удмуртов – восемь, для коми – четыре¹³.

Школы для карельских детей в Олонецкой и Архангельской губерниях долгое время оставались без специальных книг для обучения русской грамоте, тогда как для тверских карелов в 1887 году был издан двуязычный учебник «Родное карельское. Карельско-русский букварь для легчайшего обучения грамоте карельских детей». Книга, составленная учительницей народной школы Анастасией Толмачевской, была опубликована в Москве при финансовой поддержке земства. Тексты светского характера с гуманистическим содержанием составительница букваря заимствовала из азбуки Л. Н. Толстого, религиозные материалы взяла из синодального издания катехизиса начала XIX века. Качество переводов страдало из-за использования большого числа русизмов и синтаксических конструкций русского языка [7: 70].

Идеи Н. И. Ильминского уже после его смерти нашли применение в подготовке и издании учеб-

ных книг на карельском языке. В 1894 году такой опыт был осуществлен для беломорских карелов. Инициатором активной работы, направленной на просвещение нерусских народов Архангельской губернии и создание для них специальных учебников, стал епископ Никанор (Н. Т. Каменский) – кандидат богословия, в прошлом ректор Казанской духовной семинарии, председатель совета Братства святителя Гурия, с 1893 по 1896 год – правящий архиерей Архангельской епархии. Даровитый ученик и последователь Ильминского, он за короткое время службы на севере побывал во всех населенных «иногородцами» частях обширной губернии, в первый же год объехал карельские приходы и установил контакты с местными священниками. Подготовленные ими рукописи, лежавшие под спудом, были востребованы в работе переводческой комиссии, организованной в 1894 году в Архангельске при местном комитете Православного миссионерского общества¹⁴.

Наряду с переводами религиозных текстов комиссия ставила задачу создания «образовательных книг» – букварей, азбук для архангельских карелов, как и для некоторых других народов Архангельского Севера. Как ранее комитет грамотности, переводческая комиссия начала свою работу с обращения к священникам и сбора рукописей, подготовленных знатоками карельского языка. В составе комиссии оказался архангельский священник М. А. Усердов, сын упомянутого выше священника Ухтинского прихода Андрея Усердова, который многие годы занимался составлением русско-карельского словаря и в свое время писал отзыв на азбуку Е. И. Тихонова. Благодаря семейной преемственности черновики отца поступили в комиссию и были использованы в ее работе. Среди других рукописей, присланных в комиссию, оказались «Букварь для карелов» и «Краткий русско-карельский словарь», составленные священником Ухтинского прихода Павлом Преображенским, а также перевод на карельский язык «Краткой священной истории Ветхого и Нового завета», выполненный дьяконом Лаговарацкого прихода К. Дьячковым¹⁵.

Священники М. А. Усердов, Н. К. Дьячков и П. А. Преображенский составили с опорой на поступившие рукописи «Азбуку для карелов, живущих в Кемском уезде», которая увидела свет в Архангельске в 1894 году¹⁶. Две тысячи экземпляров 29-страничной брошюры были направлены в церковно-приходские школы карельских приходов.

Авторы карельской азбуки использовали в качестве образцов издания Братства святителя Гурия, следовавшего принципам Ильминского, и воспроизводили традиционное наполнение и лаконичное оформление учебника. Единственное украшение азбуки – наборная типографская рамка с угловым бордюром на титуле – подчеркивало аскетизм издания. В то же время страницы брошюры удерживали взгляд читателя за счет иерархии шрифтов, разбивающих текст на смысловые блоки и четко организуемых материал.

Азбука включала карельский и русский отделы, а также тексты молитв на двух языках. Карельский отдел предусматривал изучение алфавита русской графики с опорой на родной язык. Составители подобрали понятные для детей слова и выражения из крестьянского быта. В рамках минимального словарного набора авторы азбуки смогли раскрыть связь повседневности карельской деревни с православной традицией за счет темы питания, известных детям с раннего возраста особенностей пищи во время поста и в дни праздников, связанных с православным календарем. Среди оттеняющих специфику быта явлений упоминался кофе – популярнейший в Беломорской Карелии напиток. В этом же отделе приводилась подборка лексем из религиозной сферы, а в заключительной части карельского отдела азбуки перечислялись базовые постулаты Православной церкви [3].

В русском отделе лаконично излагались христианские истины. Учащимся предлагался путь молитвы: приводились обращенные к Всевышнему просьбы за себя, близких и государя. В целом для азбуки была характерна попытка ввести ученика в мир православной жизни, представив его основы с помощью родного языка в упорядоченном и сжатом виде. Несвершенство книги в лингвистическом и педагогическом отношениях вызвало критику современников, создавало трудности в ее практическом применении. Возможно, по этой причине азбуки не было в списках использовавшихся в школах Беломорской Карелии книг ни в конце XIX, ни в начале XX века¹⁷.

При преосв. Никаноре в церковно-приходских школах Архангельской епархии было рекомендовано использовать «азбучки Ильминского»¹⁸. Внимание педагогов также привлекала методика, разработанная в 1890-х годах И. В. Оленевым, учителем школы МНП в с. Кимасозеро Кемского уезда. Педагог-новатор предлагал учитывать при обучении детей русскому языку специфику фонетических особенностей карельского

языка¹⁹. Опыты использования карельского языка в Беломорской Карелии осуществлялись вопреки тому, что в последнем десятилетии XIX века на фоне жесткой политики русификации образовательная модель Ильминского подверглась критике консервативных педагогических кругов как подрывающая единство империи. В 1896 году, когда преосв. Никанор был переведен в другую епархию, планомерная переводческая деятельность в Архангельске прекратилась.

Иначе обстояли дела в Олонецкой Карелии, где в школах всех ведомств в конце XIX века официально было запрещено использование родного языка карелов в процессе обучения. Рекомендовался безжалостный к ученикам «немой» («естественный») метод, предполагавший полное погружение в русский язык с первого школьного дня. На фоне жесткой школьной русификации, проводившейся в Олонецкой губернии, действия преосв. Никанора в соседнем регионе, при всех ошибках и недочетах в подготовке учебников, выглядели прогрессивными с точки зрения педагогической практики и либеральными в плане учета языковых и культурных запросов «инородцев».

УЧЕБНОЕ КНИГОИЗДАНИЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

В годы Первой русской революции в Российской Карелии активизировалась деятельность финских лютеранских миссионеров. В условиях либерализации общественной жизни формировалось карельское национальное движение, одним из требований которого было использование карельского языка в школьном обучении [6: 122, 126]. Созданный в Финляндии Союз беломорских карел выпустил в 1907 году букварь для обучения карельских детей чтению и письму на близкородственном севернокарельскому наречию финском языке²⁰. Финский букварь стал вызовом, который послужил активизации работы российских властей по созданию словарей и учебников [4]. Этот процесс был связан с усилением деятельности православной миссии в разных частях административно разобщенной Карелии. С инициативами подготовки литературы для карелов, в первую очередь для нужд церкви и школы, выступало Карельское православное братство. Его отделения, действовавшие в Архангельской и Олонецкой епархиях, в новых политических условиях обратились к системе Ильминского [2: 177–178]. Активный член Карельского православного братства, епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ в Олонецкой губернии протоирей Григорий (Н. К. Чуков) подготовил в сотрудничестве с миссионером и переводчиком братства, знатоком «олонецкого наречия» карельского языка В. М. Никольским брошюру

«Краткая Священная история и молитвы на русском и карельском языках». Тираж, напечатанный на средства братства в 1908 году в Выборге, был направлен в школы в качестве руководства для учителей Закона Божьего. Книга была иллюстрирована гравюрами, которые учитель мог показывать ученикам при отсутствии в школе специального иллюстративного материала. Помещенные здесь рассказы из Священной истории были заимствованы из синодального издания русского букваря В. А. Лебедева «Учение – свет»²¹, что стало очередным свидетельством единства процесса развития российской школьной книги.

В ходе работы над пособием В. М. Никольский приобрел опыт, который потребовался ему при выполнении другого поручения Карельского православного братства – создания букваря для обучения русскому языку карельских детей. Работа над букварем продолжалась несколько лет. После того как рукопись была одобрена Ученым комитетом МНП, она вышла в свет в Петрограде в 1915 году с подзаголовком «Первый опыт обучения инородцев по природно-звуковому методу русской грамоте»²². В условиях финансовых проблем военного времени автор оплатил значительную часть расходов на издание из собственных средств. Составляя букварь, В. М. Никольский взял на вооружение опыт авторов русских букварей, использовал комбинацию религиозных мотивов с бытовыми зарисовками, элементарными сведениями по естествознанию и т. д. С другой стороны, он отчасти воспроизвел подходы составителей учебников для нерусских народов, созданных по системе Ильминского. Здесь, как и в «Азбуке для карелов», но в меньшем объеме, приводились слова и выражения бытового характера на карельском и русском языках, параллельно были размещены тексты популярных православных молитв, небольшие нравоучительные рассказы христианского содержания, заповеди. Важно, что автор учитывал особенности фонетики карельского языка, специфику ударений в словах, особое внимание уделил различению рода, употреблению предлогов – темам, особенно трудным для карелов. В. М. Никольский старался учесть особенности развития душевных сил ребенка и возрастного восприятия книги. Рецензенты отмечали, что благодаря авторским подходам обучение русской грамоте становится для школьника «сознательной работой, а потому и более занимательной»²³.

Карельский миссионер был вынужден учитывать происходивший в России процесс расширения рациональных норм в жизни людей, опыт

создания книг светского характера для обучения чтению. Из таких изданий для букваря были заимствованы многочисленные рисунки предметов и картин быта, в результате чего книга приобрела вид современного учебника. При этом автор, активно публиковавший материалы по карельской этнографии и фольклору в «Олонецких епархиальных ведомостях», не считал нужным отразить в учебном издании этнические особенности карельской повседневности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рассматриваемый период учебная книга для карелов Олонецкой и Архангельской губерний прошла путь экспериментов от православного катехизиса, знаменовавшего новый этап христианизации, до букваря, сочетавшего информацию религиозного и светского характера, имевшего вид собственно учебника. Инициативы, исходившие от духовного ведомства и МНП, сопровождались поддержкой общественных организаций и были связаны с осуществлением государственной политики интеграции нерусских народов в империю. Основными средствами достижения этой цели рассматривались освоение русского языка и постижение основ православной веры. Издание книг требовало значительных ресурсов, как правило, такая деятельность осуществлялась при поддержке Святейшего Синода, Санкт-Петербургского комитета грамотности, миссионерских обществ, Карельского православного братства, земства и др. Организации, прямо или косвенно связан-

ные с Русской православной церковью, внесли определяющий вклад в становление учебной книги для карелов. Деятельность властных структур и организаций, заинтересованных в издании литературы на карельском языке, как правило, начиналась с обращения к приходским священникам и учителям, преподавателям различных учебных заведений с целью выявления и сбора составленных ими рукописей. С одной стороны, это говорит об отсутствии должной ответственности в деятельности таких организаций, что определялось меняющейся национальной политикой и ведомственной разобщенностью. С другой стороны, данный факт указывает на то, что на местах была острая потребность в учебных пособиях, которую сельские учителя и священники пытались удовлетворить самостоятельно, создавая рукописные тексты. Хранителями рукописей становились династии сельских священников или профессиональные корпорации, такие как Олонецкая духовная семинария.

В судьбе регионального учебника отражались характерные для всей страны процессы развития народной школы, имперской образовательной политики, эволюции дидактических и методических подходов к обучению «иностранцев» русскому языку. В ходе становления учебной книги для карелов не только апробировались инициативы, родившиеся в крупных культурных центрах страны, но и осуществлялись собственные, не всегда удачные эксперименты, аккумулировавшие опыт составителей как «иностранцев», так и русских букварей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В исследование памятников карельской письменности рассматриваемого периода внесли вклад А. П. Баранцев, Г. Н. Макаров, В. Д. Рягоев, С. В. Нагурная, И. П. Новак, А. П. Родионова.

² Прокопьев К. Переводы христианских книг на иностранные языки в первой половине XIX в. (исторический очерк). Казань, 1904. С. 7–8.

³ Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на олонецком языке. СПб.: Синод. тип., 1804. 49 с. Цифровые копии этого и других изданий учебной литературы для карелов XIX – начала XX века размещены в подкорпусе «Памятники письменности» на платформе ВепКар (открытый корпус вепского и карельского языков), <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru>.

⁴ В марте 1804 года Святейший Синод принял решение об участии священно- и церковнослужителей в создании таких школ и их содержании. Преподаванием также занимались священники, диаконы и причетники, иногда их грамотные родственники [5: 88–89].

⁵ Прокопьев К. Переводы христианских книг... С. 8.

⁶ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 46. Л. 13, 17.

⁷ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 46. Л. 4.

⁸ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 46. Л. 7.

⁹ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 46. Л. 8–10.

¹⁰ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 46. Л. 7.

¹¹ Речь идет о московском издателе и книготорговце Д. И. Преснове, выпустившем во второй половине XIX века ряд русских азбук.

¹² РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 46. Л. 17, 26.

¹³ Подсчитано по библиографическим данным [11].

¹⁴ Базанов А. Г., Казанский Н. Р. Миссионеры и миссионерские школы на Архангельском Севере: Исторические очерки. Архангельск, 1936. С. 45–47.

- ¹⁵ О деятельности переводческой комиссии, учрежденной при Архангельском комитете Православного миссионерского общества (1894–1895). Архангельск, 1895. С. 4–5.
- ¹⁶ Азбука для кореллов [карелов], живущих в Кемском уезде Архангельской губернии. Архангельск: Типо-литография В. Черепанова, 1894. 29 с.
- ¹⁷ ГААО. Ф. 28. Оп. 2. Д. 29. Л. 15–16.
- ¹⁸ От Архангельского епархиального училищного совета – уездным его отделениям // АЕВ. 1895. № 7. С. 119–120.
- ¹⁹ Оленев И. В. Заметки по обучению грамоте и русскому языку в инородческих школах // Русский начальный учитель. 1899. Апрель. С. 1–10.
- ²⁰ Pieni Alku-opastaja Vienan Karjalaisille. Porvoo: WSOY, 1907. 60 s.
- ²¹ Лебедев В. Ученье – свет: Русский букварь: Чтение и письмо. 6-е изд. М.: Синод. тип., 1906. 128 с.
- ²² Никольский В. М. Букварь для обучения русской грамоте карельских детей. Первый опыт обучения инородцев по природно-звуковому методу русской грамоте. Петроград: Синодальная типография, 1915. 74 с.
- ²³ Новый Букварь // Олонецкие епархиальные ведомости. 1916. № 12. С. 220–222.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова О. Г. Карельские деревянные резные календари из собрания Российского этнографического музея // Рябининские чтения-2019: Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2019. С. 16–20.
2. Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки; СПб.: Норма, 2006. 384 с.
3. Илюха О. П. Реконструкция образа православия в его «учебном изводе» (на основе книг для обучения чтению карельских школьников рубежей XIX–XX и XX–XXI веков) // Вестник угроведения. 2025. Т. 15, № 3 (62). С. 518–528.
4. Илюха О. П., Шикалов Ю. Г. «Финский след» в букваристике Карелии конца XIX – начала XX вв. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 4. С. 40–59.
5. Калинина Е. А. Закон Божий в русской школе первой половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 85–97.
6. Корблев Н. А. Создание и деятельность Православного Карельского братства на территории Российской Карелии // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 121–171.
7. Нагурная С. В. Карельская письменность // Народы Карелии. Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 65–77.
8. Пашков А. М. Карельские просветители и краеведы XIX – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 446 с.
9. Пулькин М. В. Переводы евангелия на карельский язык в XIX – начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. III: Филология. 2010. Вып. 4 (22). С. 123–131.
10. Пулькин М. В. Переводческая комиссия Архангельского комитета православного миссионерского общества (конец XIX в.) // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона: Сб. статей. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. С. 97–101.
11. Сводный каталог книг на финно-угорских языках, изданных до 1917 года. СПб.: Российская национальная библиотека, 1997. 84 с.
12. Таймасов Л. А. Миссионерское просветительство в Казанском крае в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Регионоведение. 2003. № 3 (44). С. 259–273.

Поступила в редакцию 09.07.2026; принята к публикации 14.08.2026; дата публикации 30.09.2026

Original article

Olga P. Ilyukha, Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation).
ORCID 0000-0002-1672-5925; ilyukha.olga@mail.ru

CREATION OF STUDY BOOKS FOR KARELIANS IN THE CONTEXT OF ORTHODOX ENLIGHTENMENT OF THE XIX AND EARLY XX CENTURIES

Abstract. The article traces the origins of educational book publishing, with a focus on teaching Karelian children the basics of the Orthodox faith, as well as reading and writing skills. Drawing on literary and archival sources, the

study summarizes the development of educational books, highlighting their connections to similar publications in other regions and national contexts. The study examines the content, structure, and design of these textbooks, as well as methods used to teach reading. It traces the evolution of educational materials from catechisms to standalone textbooks, a shift driven by the expansion of secular knowledge, advances in printing technology, and the incorporation of illustrative elements. The article also identifies church and public institutions, as well as individuals involved in creating these books. It emphasizes the significant influence of Orthodox clergy and rural teachers in their development, on the one hand, and the contributions of educational organizations and institutions, on the other hand. The research specifically addresses the history of educational literature for schools located within the modern borders of the Republic of Karelia, projected onto a map of Karelian-populated volosts and uyezds of the Olonets and Arkhangelsk provinces.

Key words: Karelians, Karelian language, Orthodoxy, school education, book publishing, educational books

Acknowledgements. The article was written as part of the state research task No 125032004283-0 (“Spiritual Traditions of the Peoples of Karelia: Texts and Contexts”) assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Ilyukha, O. P. Creation of study books for Karelians in the context of Orthodox enlightenment of the XIX and early XX centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):43–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1350

REFERENCES

1. Baranova, O. G. Karelian wooden carved calendars from the collection of the Russian Museum of Ethnography. *The Ryabinin Readings-2019: Proceedings of the VIII Conference on the Study and Updating of Traditional Northern Culture*. Petrozavodsk, 2019. P. 16–20. (In Russ.)
2. Vitukhnovskaya, M. A. Russian Karelia and the Karelians in Russia’s imperial policy, 1905–1917. Helsinki; St. Petersburg, 2006. 384 p. (In Russ.)
3. Ilyukha, O. P. Reconstruction of the image of Orthodoxy in its “educational edition” (based on books for teaching reading to Karelian schoolchildren at the turn of the XIX–XX and XX–XXI centuries). *Bulletin of Ugriic Studies*. 2025;15(3-62):518–528. (In Russ.)
4. Ilyukha, O. P., Shikalov, Yu. G. “Finnish trace” in research on ABC-books in Karelia of the late XIX – early XX centuries. *Domestic and Foreign Pedagogy*. 2012;4:40–59. (In Russ.)
5. Kalinina, E. A. The Law of God in Russian school at the first half of the XIXth century. *St. Tikhon’s University Review*. Series II: History. 2014;4(59):85–97. (In Russ.)
6. Korablyov, N. A. Creation and activities of the Karelian Orthodox Brotherhood on the territory of Russian Karelia. *Karelians of the Russian-Finnish borderland in the XIX and XX centuries*. Petrozavodsk, 2013. P. 121–171. (In Russ.)
7. Nagurnaya, S. V. The Karelian written language. *Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays*. Petrozavodsk, 2019. P. 65–77. (In Russ.)
8. Pashkov, A. M. Karelian educators and local historians of the XIX and early XX centuries. Petrozavodsk, 2010. 446 p. (In Russ.)
9. Pulkina, M. V. Translations of the Gospel into Karelian in the 19th – early 20th century. *St. Tikhon’s University Review*. Series III: Philology. 2010;4(22):123–131. (In Russ.)
10. Pulkina, M. V. Translation Commission of the Arkhangelsk Committee of the Orthodox Missionary Society (late XIX century). *Intercultural interactions in the multiethnic space of the border region: Collection of articles*. Petrozavodsk, 2005. P. 97–101. (In Russ.)
11. Consolidated catalog of books in Finno-Ugriic languages published before 1917. St. Petersburg, 1997. 84 p. (In Russ.)
12. Taimasov, L. A. Missionary education in the Kazan region in the late XVIII and the first half of the XIX centuries. *Russian Journal of Regional Studies*. 2003;3(44):259–273. (In Russ.)

Received: 9 July 2026; accepted: 14 August 2026; published: 30 September 2026

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ВАВУЛИНСКАЯ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-6404-7551; ludvav@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ В СЕРЕДИНЕ 1940-х – 1960-е ГОДЫ

А н н о т а ц и я . Повышение роли РПЦ в общественной и политической жизни России в последние десятилетия обуславливает актуальность исследований истории локальных православных сообществ, форм религиозной обрядности населения. На первый план выдвигаются ранее не исследованные сюжеты соотношения «советского» и «православного» в жизни верующих граждан, применения различных стратегий выживания православных традиций в условиях атеистического общества. В статье на основе введения в научный оборот новых архивных материалов освещено бытование православных практик в жизни населения Карелии в послевоенные десятилетия, которое не было ранее предметом специального изучения. В ходе работы использовались историко-аналитический, историко-генетический и историко-статистический методы. Исследование показало, что, несмотря на запреты и ограничения деятельности Православной церкви, значительная часть населения республики сохранила религиозные праздничные обычаи, традиции крещения и отпевания, активно участвовала в ходатайствах об открытии храмов и посещении священнослужителями отдаленных местностей, не имевших церкви. Нашли применение и такие религиозные практики, как исполнение обрядов в закрытых часовнях, выезд для принятия крещения в другие регионы. При этом верующие жители нередко совмещали советскую и православную идентичность, участвуя как в церковных, так и советских праздниках, посещая службы в храмах и агитационные мероприятия в клубах. О приверженности населения религиозным традициям свидетельствовал и рост доходов церкви в 1950–1960-е годы.
К л ю ч е в ы е с л о в а : православная культура, религиозные обряды, советская и православная идентичность
Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН, № 124022000029-0.
Д л я ц и т и р о в а н и я : Вавулинская Л. И. Религиозная обрядность православного населения Карелии в середине 1940-х – 1960-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 52–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1351

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы наблюдается рост интереса к религии. Православная церковь принимает активное участие в общественной жизни страны и играет важную роль в формировании русской ментальности и культуры, в единении нации, укреплении государственности и патриотизма. Соединение традиционных религиозных практик и новаций в современном православии обуславливает популярность «религиозной» проблематики, большое количество трудов по церковной истории, в том числе XX века (М. В. Шкаровский, И. А. Курляндский, А. В. Апанасенко, С. Л. Фирсов, Ж. В. Кормина, О. Б. Молодов, О. Ю. Васильева, А. А. Федотов, А. А. Панченко,

Ю. В. Гераськин, Л. В. Тюрина, А. А. Федотов, Т. А. Чумаченко, Д. В. Поспеловский и др.). Большинство исследований посвящено государственно-церковным отношениям, однако в последнее десятилетие появился ряд работ, основанных на введении в научный оборот новых источников, которые существенно обогатили наши представления о деятельности Православной церкви, особенно в советский период, и показали сохранение религиозных практик, несмотря на жесткие репрессивные и административные меры власти против церкви. Поиски новых детерминант и концептуальных трактовок в новейшей истории православия нашли отражение в ряде историографических статей [7], [9], [17].

В рамках осуществленного на базе Регионального открытого социального института (г. Курск) научно-исследовательского проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е – 1980-е гг.» были опубликованы одноименная монография [19] и серия статей, раскрывающих различные, ранее не освещавшиеся сюжеты повседневной религиозной жизни советских граждан [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7]. В них нашли отражение масштабы и формы вовлечения представителей разных профессиональных и половозрастных групп советских граждан в традиционные конфессиональные практики в СССР в целом и в отдельных его регионах, данные о специфике восприятия православных традиций представителями разных социальных групп на протяжении советского периода, формы и методы приспособления религиозной традиции к государственным запретам и ограничениям. Авторы всесторонне изучили пути влияния православной культуры на жизненный уклад советских граждан, проанализировали особенности практического сочетания верующими конфессиональной и советской идентичности.

Проблемы соотношения «советского» («социалистического») и «православного» в жизни верующих граждан поднимаются в статьях, подготовленных на региональных материалах [10], [14], [16], [17], [18], [21]. Исследователи делают вывод, что

«сам факт религиозной принадлежности не становился основанием для выпадения из социалистической культуры и не мешал проявлению характерных для нее стереотипов и стратегий социального поведения» [16: 56].

Отдельные сюжеты религиозной жизни советских граждан затронуты в исследованиях зарубежных ученых. Так, в статьях С. Такахаси [22] и У. Хун [24] рассматриваются факты массового паломничества православных верующих, свидетельствующие о сохранении относительно высокой религиозности населения в эпоху позднего социализма.

Вопросы истории Православной церкви в советский период затрагивались и в местной исторической литературе [8], [13], [15], однако бытование православных практик в жизни населения Карелии не являлось предметом специального изучения.

Автор поставил задачу на основе введения в научный оборот документов Национального архива Республики Карелия, располагающих ценным информационным ресурсом, выявить наиболее популярные формы участия верующих

в официальных православных обрядах – крещения, венчания и отпевания, определить степень устойчивости этих форм в условиях прессинга со стороны государства. Избранный хронологический период (вторая половина 1940-х – 1960-е годы) позволяет выявить динамику стратегий религиозного поведения верующих в годы относительной стабильности в отношениях между государством и верующими (вторая половина 1940-х – конец 1950-х годов) и нового наступления на церковь, развертывания массовой антирелигиозной пропаганды (1960-е годы). В ходе работы использовались историко-аналитический, историко-генетический и историко-статистический методы.

* * *

Патриотическая позиция большинства религиозных организаций в период Великой Отечественной войны, а также дипломатические соображения стали важнейшими факторами повышения лояльности советского руководства к религии в первые послевоенные годы. Кратковременные послабления в религиозной политике нашли отражение в регистрации и открытии новых храмов. К концу 1946 года в Карелии были зарегистрированы шесть церквей: Крестовоздвиженская и Екатерининская в г. Петрозаводске, Никольская в г. Сортавала, Успенский собор в Олонце, Ладвинская и Шелтозерская церкви. Остальные храмы хотя и действовали, но юридически не были оформлены. В большинстве из них не имелось служителей культа, а религиозное служение выполняли монашки и лица из числа верующих. Так, например, в с. Великая Губа Заонежского района в церкви служила благочинная, бывшая монашка Клименецкого монастыря, в дер. Тихоништа Шелтозерского района – чернорабочий железнодорожной станции, местный житель Зайцев. В с. Соломенное служение в церкви исполняла 80-летняя жительница Васкина [12: 125]. В дер. Горка Горского сельсовета Кондопожского района в нелегально функционировавшей церкви обязанности священника выполнял житель деревни Т. А. Востряков, 1873 года рождения. В дер. Белая Гора Сележского сельсовета службы в часовне производились 70-летней местной жительницей Е. Д. Ивановой¹. Нередко молитвенные собрания проходили в частных домах.

В церквях не хватало богослужебных книг, свечей, лампад, облачений, муки для просфор, подсвечников (вместо последних нередко использовали гильзы, консервные банки). В Карелии не было епархиальных лавок и епархиальных свечных заведений².

После освобождения территории Карелии хатайства верующих об открытии церквей были возбуждены в Беломорском, Кемском, Кондопожском и других районах. В докладной записке министра государственной безопасности КФСР полковника Кузнецова секретарю ЦК КП(б) КФСР Г. Н. Куприянову о состоянии церквей и деятельности духовенства (25 июля 1947 года) сообщалось, что

«значительно повысилась посещаемость церквей, среди некоторой части населения наблюдалось крещение детей и исполнение религиозных треб на домах с приглашением священнослужителей. Во время пасхального богослужения 12 апреля 1947 года в Крестовоздвиженской церкви присутствовало около 1500 человек и в Екатерининской церкви примерно столько же. Ежедневно в церквях г. Петрозаводска производится крещение детей в количестве от 7 до 20 человек, причем имеются факты крещения детей 5, 7, 10 и даже 19 лет. Установлены 4 случая церковного бракосочетания под венцом»³.

Посещаемость храмов в главные христианские праздники, а также неоднократные факты крещения детей являлись вполне очевидными свидетельствами народной религиозности, что вызывало беспокойство партийного и советского руководства. Местная администрация видела в церкви конкурирующий властный институт со своими собственными действенными формами контроля над гражданами и нередко проявляла чрезвычайную бдительность в отношении священнослужителей. Так, 4 февраля 1948 года от руководства исполкома Соломенского поселкового совета депутатов трудящихся Уполномоченному Совету по делам церкви при Совете Министров КФСР Демидову поступило сообщение, что священником Соломенской церкви 19 января был организован крестный ход с выходом на озеро. Исполком совета просил провести инструктаж об осуществлении контроля за деятельностью священника, на что был получен ответ, что крестные ходы в праздники «Крещения» и «Препоновения Пятидесятницы»⁴ разрешены, а вмешиваться во внутренние дела церкви запрещалось, следовало лишь следить за тем, чтобы не нарушались законы советской власти⁵.

Иногда сигналы о «неправомерном поведении» священнослужителей поступали со стороны рабочих и служащих. Так, в письме Первому секретарю ЦК КП(б) КФСР Г. Н. Куприянову от группы рабочих г. Петрозаводска 18 ноября 1948 года говорилось:

«Тов. Куприянов, Вы знаете – о новом архиепископе Венидиктине, который заставил всех служить в субботу до 10 часов вечера, чтобы народ – рабочие

и служащие – не попали вечером на торжественное собрание, а в самый праздник Революции заставил служить с 10 часов утра, чтобы не шли на демонстрацию... По-нашему, он сделал какой-то политический поступок, вызов... он пошел против нашего государственного праздника. Такого архиерея надо привлечь к ответственности»⁶.

Данный факт особенно наглядно свидетельствует о конфликте и пересечении советской и православной идентичностей в жизни верующих граждан, попытке их совмещения, участия и в религиозных, и в советских практиках. Жительница Петрозаводска М. Постникова вспоминала: «В церковь мы ходили часто. Посещали и все мероприятия – концерты, фильмы, беседы, которые проводились на агитпункте, располагавшемся в строительном техникуме»⁷.

Современные исследователи отмечают, что в 1940–1970-х годах для большинства населения страны была характерна сформированная советская идентичность. Соответственно, можно говорить о бытовании православного обряда именно в советской культурной среде [6: 415].

Примечательно, что отправление религиозных обрядов было характерно для некоторых партийных, советских, комсомольских кадров, работников средств массовой информации, которые были призваны бороться с «религиозными предрассудками» населения. В докладной записке Уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Карело-Финской ССР В. Клишко о религиозности населения и состоянии РПЦ (март 1950 года) отмечались многочисленные факты крещения детей партийных и советских работников в 1948–1949 годах. Эти факты крещения детей без ведома и согласия их родителей были названы Уполномоченным «наглой, бесцеремонной вылазкой церковников против ряда руководящих партийных и советских работников (направленной на “избиение” их и отстранение кое-кого из них от работы!)»⁸. Однако заведенное уголовное дело против служителей культа, которые крестили детей, в 1950 году было прекращено, так как оно проводилось с согласия близких родственников (бабушек)⁹.

Подобные факты крещения детей, по мнению партийных органов, требовали строгой оценки. В справке зав. сектором информации ЦК КП(б) КФ ССР В. Чечулина в качестве недостатка в проведении пленума Прионежского райкома партии приводился тот факт, что в его решениях не было дано политической оценки религиозным обрядам в семьях коммунистов и не определены меры по усилению антирелигиозной пропаганды¹⁰. Выявленные факты примиренческого отношения

отдельных работников к религии и церковным организациям и даже прямого содействия этим организациям нередко имели следствием увольнение с работы, исключение из партии или выговор.

Тревогу властей вызывал тот факт, что, по оценке управляющего делами Совета Министров Карелии П. Семенова, церковь посещали не только старики и старухи, но и люди среднего возраста и даже молодежь и дети:

«В пасхальную ночь (9 апреля 1950 года) все церкви города Петрозаводска были переполнены народом, причем такое же количество людей, какое вмещают эти храмы, было и около храмов. Крестовоздвиженский собор посетили около 2 тыс. человек, Екатерининскую церковь – 1600, Соломенскую – около 600 человек. Правда, среди них было процентов 30 неверующих (любопытных), но и без них количество посетителей церквей все же большое»¹¹.

Участие молодежи в богослужениях свидетельствовало о серьезных изъянах в атеистическом воспитании, поэтому партийные и государственные структуры уделяли этому вопросу особое внимание. В отчетах местного уполномоченного, как правило, фиксировались сведения о присутствии молодых людей на церковных службах. Анализируя причины сохранения народной религиозности в послевоенные годы, современные исследователи подчеркивают значительную роль полупатриархального уклада во многих советских семьях, традиции религиозного воспитания в семье [2: 213–214].

Активизацию деятельности церкви партийные органы объясняли слабостью работы отдельных партийных организаций и культурно-просветительных учреждений, в результате чего «некоторые из церковников нагლეют». Например, священник Соломенской церкви после опубликования постановления ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» вызвал на соревнование дом культуры лесозавода – «кто из них будет оказывать большее влияние на население и лучше доходить до каждого жителя»¹².

В 1950 году в церквях республики работали 15 служителей культа, из них священников – 11, диаконов – 3, псаломщик – 1. По социальному происхождению: из рабочих – 2, из крестьян – 5, из семей духовенства – 8. По национальности: русские – 13, вепс – 1, украинец – 1. Были прежде служителями культа, а до Великой Отечественной войны – советскими работниками и снова стали после войны служителями культа 7 человек. Были до Великой Отечественной войны советскими работниками, а после войны стали служителями культа 8 человек¹³.

Интересен состав членов церковных советов и ревизионных комиссий, насчитывавших 51 человека. Мужчин – 21, женщин – 30. По социальному положению: 20 рабочих, 16 крестьян, 5 служащих, 10 домохозяек. Среди церковного актива: 7 пенсионеров, 4 бухгалтера и счетовода, 1 бывший учитель. По грамотности: со средним образованием – 1, неполным средним – 3, низшим – 39, малограмотных – 7, неграмотных – 1. По возрасту: старше 60 лет было 30 человек, от 37 до 50 лет – 10, от 50 до 60 лет – 11¹⁴.

В справке Комитета госбезопасности Карелии в ЦК Компартии республики «О враждебной антисоветской деятельности церковников и сектантов на территории Карело-Финской ССР» от 25 августа 1954 года подчеркивалось, что из-за слабой постановки атеистической пропаганды

«общественность некоторых предприятий и учреждений, зная об активной религиозной деятельности членов своих коллективов, относится к этому безразлично, чем, по существу, способствует этой деятельности. Так, например, председателем ревизионной комиссии и членом “двадцатки” собора (Зарецкой церкви) является Т. – бухгалтер Книготорга. Членом ревизионной комиссии того же собора является Б. – зав. базой универмага на ул. Дзержинского, до марта 1954 года она являлась председателем местного комитета профсоюза универмага. Членом “двадцатки” и казначеем церкви в пос. Соломенное длительное время является К., работавший до весны 1951 года бойцом пожарной команды Соломенского лесозавода» [12: 208].

Несмотря на принимаемые властями ограничительные меры, доходы церкви возрастали. Если до Великой Отечественной войны годовой приход каждой петрозаводской церкви составлял в среднем около 50 тыс. руб., то в 1950 году он возрос до 300–400 тыс. руб. За одну предпасхальную неделю только в Крестовоздвиженском соборе было продано свечей на сумму около 30 тыс. руб.¹⁵ Доходность же других приходов в республике, за исключением петрозаводских и Сортавальской церквей, была небольшой.

Об активной позиции верующих свидетельствовали многочисленные ходатайства об открытии церквей. Только за период с 1 января 1947 года по 17 сентября 1949 года поступило 29 соответствующих ходатайств, но удовлетворены были только три. От верующих Беломорска было собрано более 500 подписей, Великой Губы – 198, Пудожя – 119, Выгозерского сельсовета Олонецкого района – 105¹⁶. В 1957 году ходатайства об открытии церквей подписали: в Кондопоге – 80 человек, Пудожя – 285, в с. Паданы – 97, а в Беломорске – свыше 1 тыс. человек¹⁷. Эти ходатайства отклонялись под разными предлогами: ветхость зданий, от-

сутствие священника или средств для ремонта. При рассмотрении ходатайств местная власть нередко получала от уполномоченного такую рекомендацию: «добиться отказа граждан, подписавших заявление», что не оставляет сомнений в нажиме на верующих. В результате жесткой позиции властей в северной части Карелии вплоть до 1980-х годов не было ни одной действующей церкви, несмотря на неоднократные обращения верующих.

Нередко местные гражданские власти чинили всяческие препятствия открытию церквей. Так, по поручению митрополита Ленинградского и Новгородского Григория протоиерей Владимир Савойский посетил с. Шокша на предмет осмотра храма, об открытии которого ходатайствовали верующие. По словам Уполномоченного по делам РПЦ по КФССР, церковь была разорена и в ней ничего не было. Однако председатели районного и сельского советов не допустили протоиерея к осмотру храма, и Уполномоченный совет по КФССР не оказал в этом деле помощи¹⁸.

Большие трудности возникали и при попытках верующих пригласить священника в приходы, в которых не было церквей. В 1959 году от управляющего делами Совета Министров КАССР П. Семенова председателю Беломорского РИКа Зелянину было направлено заявление группы граждан Беломорска по вопросу разрешения священнику выехать из Петрозаводска в Беломорск для совершения треб верующих и рекомендовано в индивидуальных беседах выявить организатора подачи заявления и добиться отказа граждан, подписавших заявление, от вызова священника¹⁹.

Результатом подобной политики была бесконтрольная деятельность, особенно в отдаленных районах, самочинных требоисправителей, которые, по выражению благочинного Высокоостровского, из-за дальности расстояния были недостижимы²⁰. В 1953 году в дер. Пизьмагуба Калевальского района КФССР в помещении бывшего клуба работающим водомером гидрометеорологической станции Л. систематически организовывались нелегальные моления, которые посещали жители дер. Юшкозеро Калевальского района и деревень Чирка-Кемь, Хеуда и Тикша Ругозерского района. Имело место посещение верующими закрытых часовен в Олонецком, Прионежском, Пудожском и других районах²¹. В начале 1960-х годов в селах республики насчитывалось 9 незарегистрированных православных обществ²². Подобным образом верующие приспосабливались к советским социально-политическим реалиям.

В 1962 году были сняты с регистрации две церкви – в с. Ладва, отданная под детскую музыкальную школу, и пос. Соломенное для размещения детских яслей. В течение двух десятков последующих лет богослужения совершались лишь в четырех храмах республики – в двух в Петрозаводске, в Сортавале и в Олонце. Действия властей по ограничению деятельности церкви вызвали протест верующих. Так, в 1960-е годы представители местной власти попытались закрыть Успенский храм в г. Олонце, но прихожане написали заявление против закрытия церкви, под которым прихожанка Наталья Лобская, впоследствии монахиня Варвара, собрала подписи верующих горожан и отправилась с ними в Москву. Прихожане спилили замок на дверях храма и продолжали молиться, а когда церковь осталась без священника, срочно вызвали из Ленинграда нового священника, и богослужения продолжались. Так храм удалось защитить [23].

Преобладающее количество религиозных обрядов совершалось в церквях Петрозаводска. Из проведенных в 1959 году 1122 крещений и 555 отпеваний 88 % были совершены в столице республики. Из общего числа родившихся в Карелии детей были крещены 5,5 %, причем в Петрозаводске, включая Соломенное, было окрещено 32 % детей. Отпевания были проведены в 11,3 % случаев. Что касается венчаний, то они были редкими: в 1959 году – 4 случая, и все в Петрозаводске²³. В 1961 году в Петрозаводске захоронено с отпеванием 45,6 % умерших, окрещено 22,2 % родившихся детей²⁴. В сведениях о крещении детей подчеркивалось, что во время проведения обряда священники оказывали в известной степени влияние на родителей, таким образом, в Петрозаводске за 1965 год и в 1966 году было крещено 10 взрослых²⁵.

На основе анализа религиозных треб за 1964 год управляющий делами Совета Министров КАССР П. Семенов сделал вывод, что

«действующие 4 церкви, особенно Петрозаводские, начинают приобретать не только местное, но и республиканское значение, поскольку их деятельность охватывает верующих тех районов, где нет церквей. Например, от общего количества окрещенных детей в республике жителями г. Петрозаводска окрещено 41,8 %, районов республики – 45,4 % и соседних областей – 4,8 %. Венчаний в республике было 3»²⁶.

В церквях Петрозаводска ежедневно совершалось по две литургии (обедни), утренние и вечерние службы. В Олонецкой и Сортавальской церквях службы проходили по воскресеньям, субботам и большим церковным праздникам. Посещаемость церквей была крайне неравномерной: в обычные дни в Петрозаводске она составляла

10–15 человек в каждой церкви, в воскресные дни несколько увеличивалась, в праздники же церкви не вмещали всех верующих²⁷.

В 1965–1966 годах лабораторией социально-педагогических исследований Карельского педагогического института была проведена работа по изучению религиозности путем выборочного анкетного опроса взрослого населения 67 населенных пунктов республики. Было опрошено 8650 человек методом закрытого анкетирования. Обработка данных показала, что среди взрослого населения республики верующие составляли 19,5 %. Среди них люди старше 60 лет – 38 %, от 51 до 60 лет – 30 %, от 30 до 50 лет – 29 %, до 30 лет – 3 %²⁸. Приведенная цифра немного выше данных по религиозности населения СССР: по данным социологических исследований, проводившихся государственными учреждениями в середине 1960-х годов, в стране верующими были 15 % [20: 301]. При этом следует учитывать, что широко распространенная трудовая дискриминация по отношению к верующим побуждала их скрывать действительное отношение к церкви.

Об уровне религиозности населения республики свидетельствовал рост доходов Православной церкви в Карелии. За 1950–1958 годы по шести действовавшим церквям республики доходы выросли с 652,5 тыс. руб. до 1105,9 тыс. руб.²⁹ Рост доходов продолжился в 1960-е годы. Они увеличились с 98,3 тыс. руб. в 1960 году до 159,6 тыс. руб. в 1970 году³⁰. В значительной степени на повышение суммы доходов церквей оказал влияние и такой фактор, как улучшение материального положения населения во второй половине 1950-х – 1960-е годы. Денежные доходы на душу населения в Карелии за 1955–1969 годы выросли в два раза – с 466 до 949 руб.³¹

Существенное влияние на трансформацию форм религиозной жизни в послевоенные десятилетия оказывали происходившие в стране и республике социальные изменения. Активные миграционные процессы, быстрый рост городского населения, вовлечение незанятых граждан, особенно женщин, в разные сферы производства, развитие форм среднего и высшего образования, в том числе вечернего и заочного, различных курсов и кружков повышения квалификации сужали возможности для отправления религиозных обрядов. В быт людей внедрялись новые гражданские обряды, призванные вытеснить церковные таинства. Проводились торжественная регистрация браков и новорожденных, вручение первых паспортов, посвящения в рабочий класс, проводы в Советскую армию. Больше внимания

стало уделяться индивидуальной работе с верующими.

При горкомах и райкомах партии, поселковых и сельских советах работали комиссии по контролю за соблюдением законодательства о культах, которые выявляли факты участия несовершеннолетних в богослужении, отправления религиозных обрядов членами коллективов. Информация об участии в церковных обрядах служила причиной преследования людей по месту работы или учебы. В отдельных учреждениях и на предприятиях в 1960-е годы даже состоялись товарищеские суды над верующими.

Несмотря на ужесточение контроля над совершением религиозных обрядов, в 1960-е годы они продолжали бытовать в республике; хотя случаи крещений значительно сократились, в то же время увеличилось число отпеваний, особенно заочных, что видно из таблицы

Сведения об исполнении основных религиозных обрядов
Information on the performance of main religious rites

РПЦ	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969
Крещение	935	932	631	569	314	255	212	230	181	178
Венчание	3	7	—	6	4	—	3	—	1	3
Очные отпевания	11	22	26	21	24	30	39	41	40	34
Заочные отпевания	511	551	539	810	1153	1277	1105	1287	1308	1409

По сравнению с северными епархиями (Вологодская и Архангельская) в немногочисленных церквях Карелии число крещений и отпеваний, к примеру, в 1962 году, было меньше: крещения – 631, отпевания – 565, в то время как в Вологодской епархии крещения – 8036, отпевания – 964, а в Архангельской – 3259 и 674 соответственно [11: 141].

Поскольку в республике осуществлялся строгий контроль над совершением обрядов, местные жители нередко находили выход из положения, совершая их в других регионах. При этом уполномоченные этих регионов незамедлительно информировали уполномоченного по Карельской АССР о проведении обрядов. Так, 23 января 1970 года уполномоченному В. С. Ракчееву от уполномоченного по Витебской области поступило сообщение о совершении в 1969 году жителями Карелии в церквях Витебской области 19 крещений, в том числе от 3 до 7 лет – 1, от 7 до 18 лет – 1. Из них православных – 13 (до трех лет – 12, до 18 – 1), католиков – 6 (до трех лет – 5, до 18 – 1)³².

Партийные и советские органы пресекали попытки верующих граждан поступить в монастырь или на учебу в духовные учреждения. Так, 21 декабря 1965 года уполномочен-

ному Совету при Совете Министров КАССР от уполномоченного Совета при Совете Министров СССР по Латвийской ССР поступило сообщение о попытке уйти в Рижский женский монастырь жительницы Петрозаводска Е. Г., 1910 года рождения. Незамедлительно зам. председателя Петрозаводского горисполкома Н. А. Креплякову поступило предписание от управляющего делами Совета Министров Карелии П. Семенова о необходимости выяснить причины ее желания и принять меры к предотвращению поступления³³.

Аналогичным образом решались вопросы о поступлении граждан в высшие учебные духовные заведения. 15 июня 1966 года уполномоченный Совета по г. Ленинграду и Ленинградской области Г. Жаринов сообщил уполномоченному Совету по делам религий при Совете Министров СССР по Карельской АССР о запросе жителя Карелии врача В. Д. о правилах приема в Ленинградскую духовную семинарию и предложил принять необходимые меры по предотвращению его приема³⁴.

В 1970 году в религиозной общине РПЦ на базе Крестовоздвиженского собора насчитывалось более 200 верующих – постоянных прихожан. В обычные дни собор посещали, как правило, менее 100 человек, а в религиозные праздники желающие присутствовать на молитве едва вмещались в соборе (до 600 человек). В отчете председателя комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о культах при исполкоме Петрозаводского горсовета В. Поршнякова отмечалась тенденция роста посещений соборов в религиозные праздники (Пасху) со стороны молодежи, как правило, в порядке любопытства, а также некоторое увеличение посещений собора женщинами в возрасте

35–45 лет³⁵. В составе «двадцатки» собора было шесть рабочих, остальные – пенсионеры. Религиозная община РПЦ на базе Екатерининской церкви насчитывала 150–200 верующих из числа постоянных прихожан. Посещали церковь в будние дни 30–50 человек, в праздники – в пределах 200 человек. Православные церкви республики насчитывали 164 члена «двадцаток»³⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, несмотря на жесткие ограничения, малое число действующих храмов и зарегистрированных духовных лиц в Карелии, церковь в 1950–1960-е годы смогла выстоять, о чем свидетельствовали массовые прошения об открытии церквей, высокая посещаемость храмов в дни религиозных праздников и рост их доходов. Приобщенность к православию, сохранение религиозных праздничных обычаев были свойственны представителям практически всех слоев советского общества, в том числе партийной и советской элиты. Попытки сохранить религиозные традиции на местах, особенно в отдаленных районах, включали деятельность самочинных требоисправителей, посещение верующими закрытых часовен, выезд для принятия обрядов в другие регионы.

Существенное влияние на трансформацию форм религиозной жизни в послевоенные десятилетия оказывали происходившие в стране и республике политические и социальные изменения. Несмотря на усиление атеистической пропаганды в 1960-е годы, внедрение в быт людей новых гражданских обрядов, преследование людей по месту работы или учебы в случае их участия в церковных таинствах, религиозная жизнь оставалась заметной составляющей общественного бытия вплоть до конца советского периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 211/2448. Л. 14–15.

² НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 1/12. Л. 2, 10, 14.

³ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 211/2448. Л. 10–11.

⁴ Преполовление Пятидесятницы – православный праздник, который наступает на 25-й день после Пасхи. Это середина пути от Воскресения Христова до Троицы. В документе ошибочно: «переплавной».

⁵ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 89–90.

⁶ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 105.

⁷ Воспоминания Маргариты Николаевны Постниковой (27.07.2012 г.). Родилась 7 февраля 1932 г. в г. Петрозаводске, русская (личный архив автора).

⁸ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/19. Л. 3.

⁹ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 100.

¹⁰ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 4759. Л. 4.

¹¹ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 3/22. Л. 20.

¹² НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/44. Л. 56.

¹³ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 3/22. Л. 2–3.

¹⁴ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 85–87.

- ¹⁵ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 3/22. Л. 20.
- ¹⁶ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 1/12. Л. 171–172.
- ¹⁷ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/41. Л. 49.
- ¹⁸ НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 7. Д. 84/536. Л. 175–176.
- ¹⁹ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/43. Л. 189.
- ²⁰ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/44. Л. 32.
- ²¹ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 4/47. Л. 139.
- ²² НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/45. Л. 109.
- ²³ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/44. Л. 33.
- ²⁴ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/45. Л. 139.
- ²⁵ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 5/51. Л. 2.
- ²⁶ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 4/49. Л. 6.
- ²⁷ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 4/49. Л. 2.
- ²⁸ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 14. Л. 32–33.
- ²⁹ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 3/44. Л. 28–29.
- ³⁰ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 3/16. Л. 147; Д. 3/17. Л. 11–12.
- ³¹ НА РК. Ф. Р-659. Оп. 11. Д. 5672. Л. 36; Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 794. Л. 284.
- ³² НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 5/55. Л. 53.
- ³³ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 5/51. Л. 174.
- ³⁴ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 5/51. Л. 179.
- ³⁵ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 5/55. Л. 20.
- ³⁶ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2. Д. 3/16. Л. 5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апанасенок А. В. Верующие колхозники и «попы-коммунисты»: к вопросу о сосуществовании православной и «социалистической» культур в жизни советского села позднесталинского и хрущевского периодов // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 1018–1034. DOI: 10.21638/spbu24.2022.412
2. Апанасенок А. В. «Господи, помоги мне сдать экзамен»: православные практики советских учащихся в 1940–1960-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 205–216.
3. Апанасенок А. В. «Мы одновременно верили в бога и коммунизм»: феномен «советских верующих» в СССР 1940-х – 1980-х гг. // Церковный историк. 2022. № 3 (9). С. 174–186. DOI: 10.31802/CH.2022.9.3.011
4. Апанасенок А. В. «Пенсионеры, домохозяйки и другие граждане»: к вопросу о социальном составе православных верующих в СССР 1940–1970-х гг. // Via in tempore. История. Политология. 2023. Т. 50, № 3. С. 746–757. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-746-757
5. Апанасенок А. В., Бубнов А. Ю. Православные практики в структуре повседневной жизни граждан СССР 1940-х – 1950-х гг. // Вопросы истории. 2021. № 12-3. С. 204–214.
6. Апанасенок А. В., Пудякова И. С. Практика православного крещения в СССР в зеркале статистики и оценках исследователей 1940-х – 1970-х гг. // Via in tempore. История. Политология. 2022. Т. 49, № 2. С. 413–424. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-413-424
7. Апанасенок А. В., Пудякова И. С. Функционирование традиционной православной культуры в СССР 1940–1980-х годов как историографическая проблема: ключевые вопросы и возможные пути их решения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 189–200.
8. Детчурев Б. Ф., Макуров В. Г. Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990 гг.). Петрозаводск: ООО «СДВ-ОПТИМА», 1999. 208 с.
9. Каиль М. В. Православие в России 1914–1964 годов: опыт изучения и общественная память в дискурсе репрессий и поиске альтернативных познавательных подходов // Новый исторический вестник. 2021. № 3 (69). С. 74–86. DOI: 10.54770/20729286-2021-3-74
10. Леонтьева Т. Г. О воцерковленности населения Калининской области в 1930–1950 гг. (по воспоминаниям «детей войны») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2021. № 3 (59). С. 40–61. DOI: 10.26456/vthistory/2021.3.040–061
11. Молодов О. Б. Северные русские епархии в 1960–1980-е годы // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: Материалы науч. конф. (5–6 февраля 2004 г.). Вологда: Вологодский ин-т права и экономики, 2005. С. 137–142.
12. Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. Петрозаводск: СДВ-ОПТИМА, 1999. 308 с.
13. Олонецкая епархия: Страницы истории / Сост.: Н. А. Басова и др. Петрозаводск, 2001. 253 с.
14. Попова К. Ю. Религиозная обрядность православного населения Южного Урала в 1960–1980-е гг. // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 2 (4). С. 380–388.

15. Ружинская И. Н. Виктор Клишко как уполномоченный совета по делам Русской православной церкви // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.417
16. Рязанова С. В. Официальная религиозная жизнь православного Прикамья в документах фонда уполномоченного по делам религий // Технолого. 2022. № 1. С. 48–62. DOI: 10.15593/perm.kipf/2022.1.04
17. Рязанова С. В. Профессиональный дискурс религиоведческих исследований в России: на перекрестках высказываний и смыслов // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2021. № 1. С. 95–112. DOI: 10.35231/18186653_2021_1_95
18. Рязанова С. В., Зубарева Е. А. Православный верующий Прикамья: XX–XXI вв. // Научный результат. 2014. № 1. С. 5–16.
19. Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940–1980-е гг. / Под ред. А. В. Апанасенка. Курск: Региональный открытый социальный институт, 2022. 321 с.
20. Такахаши С. Два типа религиозности времен позднего социализма: православные верующие Владимирской области // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 328–348.
21. Тенденции социокультурного развития России. 1960–1990-е гг.: Сборник / Отв. ред.: И. А. Бутенко, К. Э. Разлогов. М.: Фирма «ПАИМС», 1996. 507 с.
22. Успенскому храму г. Олонца – 220 лет // Православие в Карелии. Информационный портал Петрозаводской и Карельской епархии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eparhia.karelia.ru/olon8.htm?ysclid=mi8of5jnxz556436355> (дата обращения 21.11.2025).
23. Хун У. С иконами и песнопениями, или Епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 232–256.
24. Шлихта Н. «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е – начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 82–107.

Поступила в редакцию 27.05.2026; принята к публикации 14.08.2026; дата публикации 30.09.2026

Original article

Lyudmila I. Vavulinskaya, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-6404-7551; ludvav@mail.ru

RELIGIOUS RITUALISM OF THE ORTHODOX POPULATION OF KARELIA BETWEEN THE MID-1940s AND 1960s

Abstract. As the role of the Russian Orthodox Church in the public and political life of the country has been rising over the past decades, research on the history of local Orthodox communities and forms of people's religious ritualism is gaining relevance. Previously unstudied topics, such as marrying “the Soviet” and “the Orthodox” in the lives of religious citizens, or the various strategies for preserving Orthodox traditions in an atheist society, come to the foreground. Introducing new archival materials into scholarly discourse, the article throws light upon the functioning of Orthodox practices among people of the Republic of Karelia in post-WWII decades, which has not been specifically addressed before. The author applied the historical-analytical, historical-evolutionary, and historical-statistical methods. The study revealed that despite the prohibitions and restrictions imposed on the Orthodox Church, a substantial part of the republic's population maintained the religious holiday customs, baptism and funeral service traditions, and actively participated in solicitation of commissioning of churches and sending clergymen to remote areas lacking a church. Other religious practices in use were performing rituals in closed chapels or traveling to other regions to be baptized. Often, religious people combined both the Soviet and the Orthodox elements of their identity, participating in both Church and Soviet holidays or attending church services as well as propagandist events. The fact that people remained faithful to religious traditions was evidenced also by growing church revenues in the 1950s and 1960s.

Key words: Orthodox culture, religious rituals, Soviet and Orthodox identity

Acknowledgements. The article was written as part of the state research task No 124022000029-0 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Vavulinskaya, L. I. Religious ritualism of the Orthodox population of Karelia between the mid-1940s and 1960s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):52–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1351

REFERENCES

1. Apanasenok, A. V. Faithful collective farmers and “communist priests”: coexistence of Orthodox and “socialist” cultures in the life of the Soviet village in the late Stalin and Khrushchev periods. *Modern History of Russia*. 2022;12(4):1018–1034. DOI: 10.21638/spbu24.2022.412 (In Russ.)

2. Apanasenok, A. V. “Lord, help me to pass the exam”: Orthodox practices of Soviet pupils in the 1940s–1960s. *Proceedings of Southwest State University*. Series: History and Law. 2021;11(5):205–216. (In Russ.)
3. Apanasenok, A. V. “We believed in God and Communism at the same time”: the phenomenon of “Soviet believers” in the USSR of the 1940s–1980s. *Church Historian*. 2022;3(9):174–186. DOI: 10.31802/CH.2022.9.3.011 (In Russ.)
4. Apanasenok, A. V. Pensioners, housewives and other citizens: to the question of the Orthodox believers’ social composition in the USSR of the 1940–1970s. *Via in Tempore*. History and Political Science. 2023;50(3):746–757. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-746-757 (In Russ.)
5. Apanasenok, A. V., Bubnov, A. Yu. Orthodox practices in the structure of everyday life of Soviet citizens in the 1940s–1950s. *Voprosy istorii*. 2021;12-3:204–214. (In Russ.)
6. Apanasenok, A. V., Pudyakova, I. S. The practice of Orthodox baptism in the USSR in the mirror of statistics and researchers estimates of the 1940s–1970s. *Via in Tempore*. History and Political Science. 2022;49(2):413–424. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-413-424 (In Russ.)
7. Apanasenok, A. V., Pudyakova, I. S. Functioning of traditional Orthodox culture in the USSR of the 1940–1980s as a historiographic problem: key issues and possible solutions. *Proceedings of Southwest State University*. Series: History and Law. 2021;11(3):189–200. (In Russ.)
8. Detchuyev, B. F., Makurov, V. G. State-church relations in Karelia (1917–1990). Petrozavodsk, 1999. 208 p. (In Russ.)
9. Kail, M. V. Orthodoxy in Russia, 1914–1964: an attempt at studying and public memory in the discourse of repression and the search for alternative cognitive approaches. *The New Historical Bulletin*. 2021;3(69):74–86. DOI: 10.54770/20729286-2021-3-74 (In Russ.)
10. Leont’eva, T. G. On the churchness of the population of the Kalinin region in 1930–1950 (from memories of “children of war”). *Vestnik TvGU. Seriya “Istoriya”*. 2021;3(59):40–61. DOI: 10.26456/vthistory/2021.3.040–061 (In Russ.)
11. Molodov, O. B. Northern Russian eparchies in the 1960s–1980s. *European North in the fate of Russia: general and specific in historical process: Proceedings of the research conference (5–6 February 2004)*. Vologda, 2005. P. 137–142. (In Russ.)
12. Unknown Karelia. Documents from special agencies on life in the republic. 1941–1956. Petrozavodsk, 1999. 308 p. (In Russ.)
13. The Olonets Eparchy: Pages of history. Petrozavodsk, 2001. 253 p. (In Russ.)
14. Popova, K. Yu. Religious rites of the Orthodox population of the Southern Urals in the 1960s–1980s. *Bulletin of the Orenburg Theological Seminary*. 2015;2(4):380–388. (In Russ.)
15. Ruzhinskaya, I. N. Viktor Klishko as the Commissioner of the Council for the Russian Orthodox Church Affairs. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;8(185):85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.417 (In Russ.)
16. Ryazanova, S. V. The official religious life of the Orthodox Kama region in the documents of the fund of the Commissioner for Religious Affairs. *Technologos*. 2022;1:48–62. DOI: 10.15593/perm.kipf/2022.1.04 (In Russ.)
17. Ryazanova, S. V. Professional discourse of religious studies in Russia: at the crossroads of utterances and meanings. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2021;1:95–112. DOI: 10.35231/18186653_2021_1_95 (In Russ.)
18. Ryazanova, S. V., Zubareva, E. A. Orthodox believer of the Kama Region: XX–XXI centuries. *Research Result*. 2014;1:5–16. (In Russ.)
19. Soviet identity and problems of religiosity: Orthodox practices in the everyday life of citizens of the USSR in the 1940s–1980s. Kursk, 2022. 321 p. (In Russ.)
20. Takahashi, S. Two types of religiosity in the times of the late socialism: Eastern Orthodox believers in Vladimir Region. *State, Religion, and Church in Russia and Worldwide*. 2012;3–4(30):328–348. (In Russ.)
21. Trends in sociocultural development of Russia. 1960s–1990s: Collection of research papers. (I. A. Butenko, K. E. Razlogov, Eds.). Moscow, 1996. 507 p. (In Russ.)
22. Celebrating the 220th anniversary of the Dormition Church in Olonets. *Orthodoxy in Karelia. Information portal of the Petrozavodsk and Karelian Eparchy*. Available at: <http://eparhia.karelia.ru/olon8.htm?ysclid=mi8of5jnxz556436355> (accessed 21.11.2025). (In Russ.)
23. Huhn, U. With icons and psalms, or a bishop in flight from his flock. Mass pilgrimages in Russia in the times of Stalin and Khrushchev. *State, Religion, and Church in Russia and Worldwide*. 2012;3–4(30):232–256. (In Russ.)
24. Shlikhta, N. Orthodox” and “Soviet”: on the identity of Soviet believers (1940s – early 1970s). *Forum for Anthropology and Culture*. 2014;23:82–107. (In Russ.)

Received: 27 May 2026; accepted: 14 August 2026; published: 30 September 2026

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ДУБРОВСКАЯ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-1893-7873; ldubrovskaya@inbox.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПЕРЕМЕН НАЧАЛА XX ВЕКА В ПОГРАНИЧНОЙ КАРЕЛИИ

А н н о т а ц и я . Статья посвящена эго-документам православных священников начала XX века, прежде всего дневниковым записям, появившимся в 1908 году в «Олонецких губернских ведомостях», и публикациям 1916 года в журнале «Карельские известия», которые принадлежат перу помощника карельского синодального миссионера иеромонаха (первоначально иеродьякона) Валаамского монастыря Исаакия (Ивана Романовича Трофимова). Подчеркнуто значение опубликованных текстов как важного элемента региональной культуры карельско-финляндского приграничья, вписанного в общий большой пласт памятников культурного наследия и отразивших региональную специфику территорий по обе стороны границы под влиянием религиозного и национального факторов. Несмотря на многочисленные исследования по вопросам религиозной жизни в карельских селениях начала XX столетия, ранее не проводился подробный содержательный анализ этнографических наблюдений миссионера и его размышлений над особенностями духовного мира карельского крестьянина на основе впечатлений от посещения конкретных населенных пунктов Салминского уезда. Источники позволяют выявить территориальные аспекты взаимодействия двух основных конфессиональных пространств Пограничной Карелии – православного и лютеранского вероисповеданий – на заключительном этапе имперского периода российской истории. Впервые вводится в научный оборот обнаруженное в Национальном архиве Финляндии обращение священников Михайловых из с. Шуйстамо к Выборгскому совету рабочих и солдатских депутатов в начале Февральской революции. Анализируемое «письмо во власть» примечательно свидетельствами очевидцев о последствиях взаимного провоцирования противоборствующих сторон в «сражениях за душу карелов». Сделан вывод, что исследование приходской жизни в рамках отдельных приграничных территорий, основанное на прежде не привлекавшихся эго-документах православных священников, является жизнеспособным подходом к изучению роли религиозного фактора в социальной истории Пограничной Карелии рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Пограничная Карелия, православные священники, иеромонах Исаакий, травелог, «письма во власть», предреволюционное десятилетие, 1917 год

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН, № 124022000029-0.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дубровская Е. Ю. Религиозный фактор в контексте общественных перемен начала XX века в Пограничной Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 62–72. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1352

ВВЕДЕНИЕ

В годы Первой мировой войны до предела обострились противоречия между российской политической элитой и национальным движением Финляндии, сохранявшей до 1917 года статус автономного Великого княжества в составе Российской империи. Продолжался конфликт между финскими националистическими мыслителя-

ми, которые воспринимали населенную карелами территорию, в том числе и Российскую Карелию, как часть общефинляндского «идеального Отечества», с одной стороны, и имперской светской и духовной властью на пограничных территориях – с другой [3: 336]. Проследив историю создания и деятельности Православного карельского братства в Российской Карелии, известный петрозаводский ученый Н. А. Кораблев показал,

что источником конфликта оставалось не различие своей и карельской культуры, но стремление каждой из противоборствующих групп смягчить эти различия, унифицировать культурное пространство [8].

Объявление войны в августе 1914 года закономерно повысило интерес к публикациям в периодической печати как со стороны читательской аудитории в карельско-финляндском приграничье и в православных приходах Финляндии, так и со стороны имперской власти и губернского руководства по обе стороны границы. Если публикации, появлявшиеся в автономном Великом княжестве накануне Первой мировой войны, ставили целью отыскать истоки «золотого века» финской истории, национальной культуры и идентичности в Российской Карелии, воспринимавшейся как хранилище древних традиций, то публицистическая деятельность служившего здесь православного духовенства во многом способствовала формированию у читателей стереотипизированного восприятия «коварной и неблагодарной Финляндии» и предостерегала от влияния так называемой «панфинской пропаганды» [12: 85–91, 105–109], [19: 7–13, 63–67]. Эти проблемы подробно рассмотрены М. А. Витухновской – автором монографического исследования о Российской Карелии в имперской политике России 1907–1917 годов [3].

Как отмечают исследователи, Русская православная церковь, институт основного государственного вероисповедания, особенно в синодальный период ее истории, была интегрирована в такие сферы российской национальной государственности, как социально-политическая, внешнеполитическая и культурно-просветительская. Вот почему

«без учета церковного фактора не может быть полным, объективным и исторически адекватным» исследование развития «межэтнических, этнорелигиозных, межконфессиональных отношений во внутренних регионах России и за ее пределами», а также «в зонах российских геостратегических интересов и влияния, где национальные задачи, как правило, с неизбежностью входят в соприкосновение с интересами других держав» [9: 70–71].

Крупнейший специалист по истории Великой российской революции 1917 года петербургский историк Н. Н. Смирнов, рассмотрев дискуссионные проблемы, возникающие при определении «религиозного фактора» в историографии, подчеркнул, что в современной светской науке отсутствует его однозначное толкование, поскольку нет общего для политологической, философской и социологической наук понимания термина «религия».

Основываясь на результатах коллективного исследования ведущих специалистов, касающихся роли и значимости религиозного фактора в годы Гражданской войны в России [13], Н. Н. Смирнов предложил рассматривать религиозный фактор как совокупность множества составляющих, которые воздействуют на социальную, общественно-политическую, духовную, культурную и национальную жизнь общества, определяя «порядок функционирования религии и ее институтов в системе отношений государства и общества», а также влияние религии как социального института на нерелигиозные формы общественной жизни [15: 316].

В центре научных изысканий, стремящихся определить черты той или иной эпохи, все чаще оказывается время, которое отражает специфику давно минувшего или не совсем отдаленного прошлого и может быть узнаваемо через судьбы людей, оставивших в нем свой след. Увидели свет работы, посвященные подвижническому труду деятелей Церкви, чье служение было связано как с карельско-финляндским пограничьем начала XX века, так и с православными приходами Великого княжества Финляндского¹. Среди них – статья Н. А. Басовой, изучившей связанный с Карелией период жизни священномученика Уара (о. Петра Шмарина) [2]. В течение шести лет он был настоятелем Крестовоздвиженской церкви на о. Матсинсаари в Северном Приладожье и являлся одним из создателей и редактором периодического издания Финляндской и Выборгской епархии «Карельские известия». Этот журнал с 1913 года первоначально издавался машинописным способом силами участников православного кружка в с. Салми, а с началом Первой мировой войны и до весны 1917 года выпуск «Карельских известий» взяло на себя Главное (Финляндское) отделение Православного карельского братства в Выборге [11].

Борьба российских властей за «прорусскую» идентичность карелов против попыток «других» соседей присваивать и воспроизводить элементы карельской культурной традиции стала характерной чертой периода, предшествовавшего началу Первой мировой войны и особенно военному времени. Значительная роль в этой борьбе отводилась публикациям на страницах православных периодических изданий, которые призваны были влиять на общественные настроения жителей карельско-финляндского приграничья и формировать позитивное отношение к центральной российской власти в условиях имперских трансформаций этого периода.

По наблюдениям исследователей, в годы Первой мировой войны периодическая печать стала весьма важным элементом публичной сферы, в рамках которой шло формирование общественного мнения, тем более что в переходные периоды общественного развития значение печати в социальных процессах неизмеримо возрастало. В военное время в этой сфере происходили особенно значительные изменения [1: 8, 10].

Одним из авторов «Карельских известий» стал иеромонах Валаамского монастыря Исаакий (Иван Романович Трофимов) (1872–1952), помощник карельского синодального миссионера². Его хорошо знали в Приладожской и Олонецкой Карелии как катехизатора при Православном Карельском братстве, с 1910 года исполнявшего должность псаломщика в Полвиярвской церкви прихода в Тайпале³. Выходец из ингерманландской семьи крестьян Петербургской губернии, Исаакий, свободно владевший финским и карельским языками, неизменно участвовал в миссионерских поездках с проповеднической целью по обе стороны границы автономного Финляндского княжества.

В журнале публиковались подробные описания более десяти миссионерских поездок по приходам с карельским населением Архангельской, Олонецкой и Выборгской губерний. Их совершили возглавлявшие миссию епископ Киприан (в миру Алексей Яковлевич Шнитников), который вошел в историографию с именем «апостола Карелии», а после его кончины в июне 1914 года – преемник Киприана на посту епископа Сердобольского, викария Финляндского и главы карельской миссии Владыка Серафим (Александр Лукьянов)⁴ [10: 253–255, 304–308].

Иногда такие путешествия православного духовенства сопровождалась чтениями с «туманными картинками» (прообраз современных средств визуализации) и распространением «назидательной литературы» на русском, финском и карельском языках. Поездки епископа-миссионера Киприана в Беломорскую Карелию, в которых на протяжении шести лет неизменно участвовал иеромонах Исаакий, подробно описаны О. И. Ходаковской [17]. Московская исследовательница Т. И. Шевченко, старший научный сотрудник Отдела новейшей истории РПЦ Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, проследила историю Валаамского Спасо-Преображенского монастыря в период становления Финляндской православной церкви (1917–1957)⁵.

Публикациям «Дневника карельского миссионера» иеромонаха Исаакия 1914–1916 годов и его

путевым наблюдениям, сделанным во время поездок по Беломорской и Олонецкой Карелии, прежде было уделено достаточное внимание⁶ [4: 241–248]. Однако практически неисследованным остается источник, который свидетельствует о первом опыте ведения путевых записей в дни его путешествий по Северному Приладожью и подготовки их к публикации, приобретенном Исаакием в начале XX века, в период сотрудничества с петрозаводским журналом «Олонецкие епархиальные ведомости».

При изучении такого аспекта воздействия религиозного фактора на общественную жизнь населения приграничья, как миссионерские поездки православного духовенства епархии на сопредельные территории по обе стороны российско-финляндской границы, особый интерес представляют ранние наблюдения Исаакия, отразившиеся в его «Дневнике катехизатора»⁷. Он, тогда еще иеродьякон, вел дневник во время двухнедельной поездки по Северному Приладожью в июне 1908 года и в том же году опубликовал путевые заметки в четырех номерах епархиальных «Ведомостей». К началу Первой мировой войны описание миссионерских путешествий сформировалось в качестве самостоятельного жанра, востребованного журналом «Карельские известия».

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на конкретном материале травелога иеродьякона Исаакия и его более поздних журнальных публикаций 1916 года, а также обращения «во власть» шуйстамских священников Михайловых, относящегося к марту 1917 года, проследить, как в рассматриваемых текстах отразилась региональная специфика описываемых территорий, обусловленная воздействием религиозного и национального факторов. Привлеченные источники обозначаются вслед за екатеринбургской исследовательницей Н. В. Суржиковой «зонтичным» термином «эго-документы» [20] и объединяют, в частности, дневниковые записи, травеложные тексты, «письма во власть» и др. Непременным свойством таких источников является автобиографичность – очевидная или скрытая [16: 25].

Автор исходит из того, что изучение субъективных аспектов исторических процессов, человека и социальных групп в истории, их самочувствия, устроения, эмоций – всего того, чем занимаются, в частности, «интеллектуальная история» и историческая антропология, невозможно без обращения к культурным, прежде всего словесным феноменам не просто как к «ис-

точникам», но как к предмету исследования, что методологически важно.

ФИНСКАЯ КАРЕЛИЯ И РУССКАЯ КАРЕЛИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ: УЗНАВАНИЕ, ОПИСАНИЕ, ПОТЯСЕНИЯ

Предваряя публикацию «Дневника катехизатора», редакция «Олонецких епархиальных ведомостей» подчеркивала, что он «печатается для ознакомления местных деятелей карельской миссии и всех, интересующихся ее делом, с духовным состоянием» карелов и «условиями миссионерско-просветительской деятельности» среди них⁸.

Иеродьякону Исаакию, выехавшему с острова Валаам на пароходе «Карьяла» 10 июня 1908 года, предстояло посетить села и деревни Приладожской и Олонецкой Карелии, побывать в населенных пунктах Салми, Кязняжи, Оружъярви, Колатсельга, Палоярви и в самом отдаленном уголке Салминского прихода – деревне Хюрсюля. Уроженец Ингерманландии, общавшийся с карельскими крестьянами без языкового барьера и стремившийся, по его словам, «подробно ознакомиться с жизненным бытом карел», он, в отличие от многих, мог описывать жизнь прихожан «напрямую». Как отмечает О. П. Илюха, рассмотревшая вопрос о репрезентации «племен» и «народов» на страницах «Олонецких епархиальных ведомостей», путевые заметки Исаакия отражают детали повседневной жизни населения приграничья, описывают бытовое поведение, суеверие и специфику карельского православия, особенности путей сообщения и культуру путешествия. Если в статьях сельских священников описания их приходов, как правило, даются без внимания к этнографическим особенностям, то исследуемые дневниковые записи выигрышно отличаются в этом отношении [5: 22].

Приладожская Карелия входила в состав Салминского и Сортавальского уездов Выборгской губернии. Здесь вдоль границы с Олонецкой губернией проживали православные карелы, говорившие на ливвиковском диалекте, находились многолюдные православные общины и действовали храмы в Сердоболе (апостолов Петра и Павла), Суйстамо (Шуйстамо) (святителя Николая Чудотворца), Салми (святителя Николая Чудотворца), Киделе (архангела Михаила), Корписельге (святителя Николая Чудотворца), Суоярви (Святой Троицы). И в Северном Приладожье, и в Олонецкой епархии, где, по наблюдениям Ю. Н. Кожевниковой, паломнические пути к монастырям были нелегкими, возникавшие

перед путешественниками препятствия придавали особый смысл самому паломничеству. Чтобы достигнуть монастырской святыни, требовалось преодолеть немалые трудности на протяжении десятков верст [6: 239].

Рассказывая об обычаях жителей деревни Хюрсюля, где насчитывалось не более 40 дворов, иеродьякон Исаакий обратил внимание на то, что «посты у них соблюдаются строго, кроме Петрова», который иные нарушают, называя «бабьим постом». Праздник Святой Пасхи «встречается и проводится торжественно», на второй день Пасхи опять ходят в часовню «Спуассуа каймама», то есть «Спасителя обнимать». Празднование памяти святителя Николая Чудотворца, покровителя часовни, в Хюрсюля совершалось в первое воскресенье после праздника Покрова: оно «проходит в два дня и совершается весьма шумно». В этот день из с. Вешкелицы на русской стороне сюда приезжал священник, совершал торжественное богослужение в часовне и обходил все дома деревни⁹. Из «Дневника» читатели журнала узнавали, что в деревне Оружъярви часовенный праздник Николая Чудотворца совершался в первое воскресенье после Петрова дня, поскольку в находившейся неподалеку женской обители, дотла разоренной во время давнего шведского нашествия, этот престольный праздник отмечался именно так¹⁰.

Общечтимые в православном мире праздники – Петров день, Иванов день, Св. Пророка Божия Илии и др. – жители Хюрсюля соблюдали строго, но «о Господских и Богородичных праздниках говорить не остается», сокрушался миссионер¹¹. По словам Исаакия, «поминование усопших в установленные церковью дни тоже совершается, хотя и не во все», в Радоницу и Дмитриевскую субботу

«ходят на кладбище с испеченными пирогами и лепешками, помолившись, помянув родителей и сродников, возвращаются домой и все вместе обедают, а до возвращения с кладбища никто из домашних не вкушает пищи»¹².

Путешественник отметил, что хюрсюльцы «о крещенской и святой воде понятия мало имеют, многие совсем не берут ее и не употребляют в течение года»¹³, также «не имеют понятия» и о чтении Псалтири. Описывая похоронный обряд, он рассказал о языческих магических действиях, связанных с железным предметом – кочергой, положенной на то место, где усопший в течение трех дней лежал в избе на лавке в погребальной одежде. Есть дневниковая запись о том, что во время движения похоронной процессии на кладбище и на поминальном обеде покойни-

ка оплакивают – «(голосят) с причитыванием», а на сороковой день и годину проводят большие поминки, по-карельски называемые «мустажи».

«Мустажи» в Салминском приходе «бывают грандиозные», перед их совершением

«за месяц или более ходят по деревням и приглашают родственников, знакомых и незнакомых, и от всех приглашенных лиц собираются списки имен знакомых, так что иногда собирают до тысячи имен. В означенный день все званные собираются в церковь, если она близко, или же в часовню для молитвы, заказывают Литургию, на которой все имена поминаются»,

а затем батюшку приглашают отслужить панихиду на могиле усопшего и зовут всех собравшихся на поминальный обед¹⁴.

Не менее интересны наблюдения Исаакия над свадебным обрядом жителей приграничья. Он с сожалением пишет о том, что молодые «женятся и выходят замуж большей частью без родительского благословения» и даже без ведома старших, когда жених увозит к себе невесту, а «затем только исполняется документальный обрядовый порядок для вступления в законный брак». Известно было, что перед венцом многие ходят к ворожеям и знахарям «для противодействия заколдовываниям».

«По возвращении от венца, помолившись Богу, жениха и невесту сажают на печку и там они обедают, а другие свадебные гости в это время кушают за столом. Когда я спрашивал, для чего их на печку сажают, то ответ получил такой: “они озябли дорогой и их нужно согреть”. Далее я спросил: “а если это теплое летнее время?”, но на это разъяснения не последовало»,

– отметил Исаакий. «Дневник» сохранил описание еще одного варианта проведения обряда перехода, призванного обеспечить благополучное, сытое и счастливое будущее новой семьи, о котором иеродьякон услышал во время путешествия:

«Мне говорили, что при въезде новобрачных на сарай, когда они сойдут с саней или телеги, встречает их один из родственников». «Одевшись в шубу шерстью вверх», тот «сеет из лукошка на новобрачных рожь или ячмень», а они идут и «держат руки так, чтобы уловить хотя несколько зерен, которые и хранят всю жизнь»¹⁵.

Православного миссионера озадачили неизвестные ему этнографические особенности описанных обрядов, однако об их значении «никто не мог рассказать мне», – посетовал автор «Дневника». По-видимому, карелы умышленно отказывались пояснять православному священнослужителю магический смысл упомянутой обрядовой деятельности.

Описывая «быт и нравы» населения деревни Кязняжи, включавшей 55 дворов, иеродьякон Исаакий подчеркнул, что «форма построек»,

а также внутренняя обстановка домов «более подходит на финский, чем на карельский лад». На вопрос, собираются ли жители деревни в праздники, чтобы помолиться в часовне, он получил утвердительный ответ: в эти дни «грамотные читают там молитвы по-русски и по-фински». Как и в Оружъярви, люди здесь «к благословению священника не приучены», однако «здороваться обычным способом любят, даже дети подходят, подают ручку и говорят “терве”, по-русски значит “здравствуй”»¹⁶. По свидетельству миссионера, в Кязняжи была церковно-приходская библиотека, но когда ее заведующая – учительница передвижной школы – в летнее время уезжала на родину, «библиотека бездействует, почему и не достигает своей цели». Исаакий предложил кому-либо из жителей взять на себя заведование библиотекой под началом Православного Карельского братства, в случае если бы удалось получить разрешение на ее открытие. По его словам, такое предложение было встречено сочувственно, однако инициатива осталась нерализованной. В заметках о посещении деревни Кязняжи он объяснил это неподготовленностью населения к подобного рода занятиям, ведь «наш приезд, проповедь и служба» были здесь первым явлением: «таких поездок не сохранилось в памяти даже самых ветхих стариков»¹⁷.

«Карелы любят молиться», хотя на чужом языке «слов не понимают», «вера в них крепка, хотя и много в них суеверия. Они, не зная теории веры, во многом проявляют ее в жизни», – записывал Исаакий. По его наблюдениям, отправляясь в далекие паломнические путешествия, приладожские карелы «оставляют не ради лени, а ради благочестия свои обычные занятия», большей частью совершают их пешком, «подвергают себя разным лишениям и затруднениям»¹⁸. Во время поездки он оказался свидетелем того, как «народ массами проходил через Оружъярви, следуя на Валаам», в эти дни «приближались наши Валаамские праздники, свято чтимые местными карелами»¹⁹. Миссионер с удовольствием отметил, что на Валаам ходят, хотя и средства скудные, и идут издалека, «некоторые по 5–6 дней идут пешком от Салмы»²⁰. Многие бывали в Соловецком монастыре, добираясь туда через Русскую Карелию.

Вместе с настоятелем Салминской церкви, который во время совместной поездки должен был посетить самые отдаленные края своего прихода, Исаакий участвовал в богослужениях, по-карельски обращался к крестьянам с проповедью и распространял «назидательную литературу» на русском и финском языках, а также переводы

на карельский, сделанные священником Виктором Никольским и выпущенные в свет издательской комиссией при Православном Карельском братстве [3: 204–205]. По словам автора «Дневника», переведенные тексты «проверяются и исправляются таким путем при помощи народа».

«Да, эта нива требует трудов неустанных, отеческих, надо пробуждать народ от долгого крепкого сна, надо указать ему цель жизни, развить вкус к слушанию живого слова евангельского. Его следует беречь, как младенца, от всякого иноверного духа, теперь облегчающего православную Карелию, надо разгонять в их сердцах густой мрак неведения, суеверия и невежества»,

– наставлял Исаакий своих читателей. Примечательны используемые для этого образы несмышленного ребенка и терпеливой матери:

«Надо будить его, не ногою толкая в бок или жезлом власти грозно стучать, а надо взять его за руку и будить его подобно нежной заботливой матери, если и оттолкнет он по неведению заботливую руку, но паки и паки трудиться на ниве трудовой, проливая пот»²¹.

Политическая ситуация требовала от православных публицистов описания конкретного положения дел в приходах и настроений самих прихожан – карельского населения, ставшего объектом пристального внимания лютеранских миссионеров, которые зачастую сочетали собственные задачи с предвыборной агитационной деятельностью в пользу кандидата от какой-либо из партий на выборах в финляндский парламент (сейм). С 1906 года сеймовые выборы были всеобщими для подданных Великого княжества. С этим Исаакию пришлось столкнуться в православной деревне Каунасельгя, находившейся на финской стороне на самой границе с Олонецкой епархией²².

Позже, уже как автор многочисленных путевых заметок о посещении Беломорской, Олонецкой и Приладожской Карелии, иеромонах Исаакий внимательно следил за подобными публикациями в финляндской и центральной печати, в частности на страницах общественно-политической и литературной газеты «Новое время», которая выходила в российской столице до 1917 года. В марте 1916 года в «Карельских известиях» появилась его заметка «Дверь в Европу», в которой он высоко оценил талантливое перо «г-на Ренникова», красноречиво описавшего поездку «на первом пассажирском поезде по новой железной дороге на Север России» – строящейся Мурманской магистрали.

По словам миссионера, в ряде статей для «Нового времени» журналист сумел «картинно изобразить» природные богатства и «чудеса север-

ной природы» – водопады, металлы и минералы, зверей, птиц, рыбу, девственные леса.

«Прочитав эти ценные статьи, нельзя не быть благодарным» за описание «столь дорогих богатств нашего родного, близкого и доселе забытого нами нашего северного края, нельзя не порадоваться, что, наконец, мы, русские, проложили дорогу на Кемь и идем дальше, к незамерзающим берегам океана. Новая железнодорожная линия Петроград – Кемь, в некоторых местах соприкасаясь с Карелией, имеет для последней первостепенное значение»²³,

– пишет Исаакий. Автор заметок в газете «Новое время», повествующих о строительстве магистрали, упомянут Исаакием и в следующем номере «Карельских известий» в связи с рассказом журналиста о жителях села Сорока, которое считалось «центром сельдяного промысла на Поморском берегу». Летом все мужчины уходили оттуда на судах в море, «к морю тянутся на рыбную ловлю и окрестные карелы», – писал Ренников, но способы традиционной рыбной ловли поморов он назвал «самыми примитивными». По его словам, «когда идет сельдь, ее прибытие определяют даже чересчур грубо: спускают в воду шесты и пробуют на ощупь, есть ли сопротивление или нет»²⁴. Описывая природные богатства северного края, журналист столичной газеты был поражен тем, что «поморы иногда сами не знают, что им делать с рыбой, которая идет целыми стаями и охотно лезет в сети без числа и перерыва»²⁵. Однако его замечание, что рыбакам даже «иногда приходится отказаться от дальнейшей работы из-за обилия улова», осталось не разъясненным читателю. За годы войны соль, необходимая для обработки и хранения рыбы, значительно возросла в цене и далеко не всем была доступна в необходимом количестве.

В целом же, с удовлетворением перечислив публикации Ренникова, Исаакий отметил, что они «дают читателю основательное представление о нашем северном крае, о том, чем последний изобилует и в чем нуждается». Свою «рецензию» карельский миссионер завершил следующим заключением:

«Для Карелии новая железная дорога имеет жизненное значение, но нельзя не пожелать, чтобы от проектов скорее перешли к делу, как можно скорее связали главные карельские селения грунтовыми дорогами с железной дорогой. Тогда не страшно будет панфинское влияние в Беломорской Карелии, так как русская жизненная артерия на севере будет питать Карелию русскою жизнью, насаждая русскую православную культуру и укрепляя расшатанные лютерано-финским влиянием нервы карела»²⁶.

В этой заметке более чем вековой давности нашли отражение истоки современных представлений массового сознания. По наблюдениям этнолога Ю. П. Шабая, в нем, как и в сознании российской интеллектуальной элиты, север России

«нередко представляется не только единой исторической провинцией, именуемой “Русский Север”, но и сугубо “русским регионом”, культурное наследие которого существенно значимо для формирования русской ментальности и русской культуры».

Исследователь справедливо подчеркивает, что

«культурный миф о “Русском Севере”, очевидно, был важен для формирования общерусской идентичности. Однако Север никогда не был сугубо “русским”, а был и остается полиэтническим регионом, где исторически проживают карелы, саамы, вепсы, ненцы, коми», хотя русские «безусловно, доминируют в северных субъектах Российской Федерации, являясь и этническим большинством, и культурно доминирующей группой» [18].

Более столетия назад, как и сейчас, страна оставалась не только многонациональной, но и многоконфессиональной. Религиозный фактор, который в начале XX столетия объединял карельское и русское православное население российско-финляндского приграничья и ярко проявлял себя в деятельности православного духовенства, непримиримого к приверженцам лютеранского вероисповедания, в период революционных потрясений 1917 года и после обретения Финляндией независимости часто становился причиной конфликтных ситуаций между бывшими подданными Российской империи и приводил к гонениям на православных мирян и особенно на духовенство [7: 228–230].

Одной из иллюстраций глубокого раскола, возникшего в приходах на приграничных территориях, служит мартовское обращение православных священников из Шуйстамо Иоанна и Архипа Михайловых²⁷ в Солдатский комитет Выборгского гарнизона, который возник в первые дни Февральской революции 1917 года. Добиваясь восстановления справедливости, священнослужители, кому «с объявлением свобод пришлось испытать противоположное», просили поддержки Выборгского совета рабочих и солдатских депутатов в урегулировании конфликта с жителями с. Шуйстамо. Накануне здесь

«носились всевозможные ужасные слухи, вплоть до того, что учителя русских школ и духовенство будут изгнаны без имущества: последние должны были, по этим слухам, подвергнуться разграблению»²⁸.

Народное собрание, состоявшееся 8 марта в здании финской народной школы (на нем при-

сутствовало меньше половины православных прихожан села), избрало комиссию с целью немедленно закрыть местную приходскую русскую школу, предложило учителям в 24 часа сдать школьное имущество и освободить занимаемые квартиры. После собрания началось шествие толпы в несколько сотен человек, впереди двигались воспитанники финской народной школы. Демонстранты направились к домам духовенства и выдвинули требование, чтобы приходские священники в трехдневный срок подали архиепископу прошение об увольнении и в течение двух недель также освободили казенные квартиры. Священников Михайловых обвиняли в «русифильской деятельности и провокаторстве», хотя, по их свидетельству, они не проводили «какой-либо пропаганды среди населения и не оказывали давления на него в пользу русских школ», а богослужение, требоисправление и проповеди вели на финском языке²⁹. Священники были уверены, что «кроме пользы населению прихода русские школы не могут ничего принести», ведь значительное количество финнов и карелов «проживает в Петрограде и остальной России, всем им русский язык нужен». По их заявлению, такая обстановка сложилась не только у них: «...закрыты русские школы и в других приходах и изгнаны некоторые священники». Михайловы вынуждены были уехать в Выборг, остались без крыши над головой и без средств к существованию. Они просили депутатов Совета до истечения назначенного двухнедельного срока оказать им содействие в разрешении конфликта, первую скрипку в котором сыграли «пришлые люди, а не местные православные». Священники пояснили, что могут рассчитывать на помощь начальства в переводе их в другие приходы, но понимают, что не будут «ничем гарантированы от подобного и там», да и удастся ли найти частные квартиры «при таком настроении народа». Завершая свое обращение к депутатам Совета, Михайловы напомнили, что в создавшемся положении «православные люди Карелии могут оказаться совсем без священников», поскольку среди местных жителей «сейчас не найдется достаточного количества подготовленных к сему званию лиц». Что и произошло в Шуйстамском приходе, разбросанном на большие расстояния от церкви, где «некоторые деревни находятся за 30 верст», а более 7 тысяч человек «оставлены совершенно без священника»³⁰.

Материалы дела, отложившиеся в коллекции «Русские военные бумаги» Национального архива Финляндии, не позволяют ответить на вопрос, чем разрешился конфликт в данном случае.

Однако, учитывая массовый характер острых ситуаций подобного рода в обстановке, когда, выражаясь языком приведенного документа, «“свобода” в глазах некоторых провинциальных деятелей получила такое широкое толкование», безусловно, следует согласиться с утверждением Н. Н. Смирнова о том, что исследователю невозможно отделять церковь от гражданской истории [14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Публикации путевых заметок отца Исаакия о поездках по Северному Приладожью в начале XX столетия представляют собой необычайно интересный источник, который дает возможность сопоставить приведенные в нем наблюдения над различными сторонами общественной жизни православного карельского населения российско-финляндского приграничья. «Дневники» миссионера, появившиеся на страницах «Олонецких епархиальных ведомостей», и заметки в журнале «Карельские известия» позволяют проследить, как с помощью русской православной публицистики начала XX века складывались представления читательской аудитории об экономическом и социально-культурном состоянии приграничных территорий, о жителях карельских сел и деревень по обе стороны границы с автономным Финляндским княжеством.

В эго-документах нашли отражение этнографические наблюдения путешественника и его размышления относительно истории христианизации края, репрезентации религиоз-

ных традиций у карелов, обозначены проблемы Православной церкви в Карелии в контексте общественных перемен последнего предреволюционного десятилетия российской истории. Автобиографичность источников такого типа особенно наглядно проявилась в описании конфликтной ситуации между православными священниками и жителями с. Шуйстамо, относящейся к весне 1917 года. Письмо священников Михайловых, адресованное депутатам Выборгского совета и сохранившее напряженную атмосферу первых революционных дней с ее стихийными шествиями и распространявшимися тревожными слухами, свидетельствует о социальной дифференциации населения приграничья, его социальной и культурно-ценностной разобщенности. Источник повествует о суровых последствиях яростного противостояния приверженцев православного и лютеранского вероисповеданий в «сражениях за душу карелов», которое в предшествующие годы зачастую носило характер взаимного провоцирования.

В заключение можно отметить, что исследование приходской жизни в рамках отдельных приграничных территорий, основанное на прежде не рассматривавшихся эго-документах православных священников, является жизнеспособным подходом к изучению роли религиозного фактора в социальной истории Пограничной Карелии и позволяет реконструировать более полную картину межэтнического и межконфессионального взаимодействия в период революционных потрясений переломного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Баданов В. Г. Н. К. Чуков – выдающийся земский деятель Олонецкого края // 1917–2017 годы: уроки столетия для Карелии: Материалы науч. конф. (24 ноября 2016 года, г. Петрозаводск) / Отв. ред. А. М. Пашков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 133–142; Нагурная С. В. Священники Леликовского прихода: забытые имена // 1917–2017 годы... С. 106–114; Погребов С. Жизнь священномученика // Воспоминания о Гельсингфорсе: Историко-литературный очерк. Helsinki: LitratuS, 2011. С. 94–102; Православие в Карелии: Материалы IV науч. конф., посвящ. 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархий (25–26 ноября 2015 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 206–263; Сорокин В., протоиерей. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб.: Князь-Владимирский собор, 2005. 736 с. и др.
- ² Биографические сведения о Синодальном миссионере Выборгской епархии иеромонахе Исаакии (Трофимове) см.: Шевченко Т. И. Письма Нового Валаама: труд иноков // Альфа и Омега. 2008. № 3. С. 241.
- ³ Из епархиальной жизни // Православный Финляндский сборник. 1910. № 1. С. 81; Из епархиальной жизни // Там же. 1911. № 1. С. 105.
- ⁴ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 198–199.
- ⁵ Шевченко Т. И. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). М.: ПСТГУ, 2013; Она же. Валаамские иноки в эпоху гонений. Московское подворье Валаамского монастыря и его насельники после революции 1917 г. М.: ПСТГУ, 2018; Она же. Игумен Харитон. М.: Валаамский монастырь: У Никитских ворот, 2011. 544 с.
- ⁶ Дубровская Е. Ю. Валаамский иеромонах Исаакий (Трофимов): личность и время (Синодальный миссионер Выборгской епархии в карельском приграничье накануне и в годы Первой мировой войны) // VII Валаамские образовательные чтения «Богоизбранная обитель»: к 30-летию возрождения монашеской жизни на Валааме: Материалы междунар. конф. (17–19 мая 2019 г., Валаам) / Валаамский монастырь; ПКПЦ «Свет Валаама». М.: Перо, 2020. С. 67–73; Она же. Валаамский иеромонах Исаакий (Трофимов): Синодальный миссионер

Выборгской епархии в изменяющемся историко-культурном пространстве российско-финляндского приграничья начала XX в. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2022. Вып. 23 (1-2). С. 9–19; Она же. Карельское приграничье в провинциальной православной публицистике периода Первой мировой войны и в публицистических материалах национального движения северных карелов 1920 г. // Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней / Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 134–150.

- ⁷ Исаакий. Дневник катехизатора // Олонецкие епархиальные ведомости (ОЕВ). 1910. № 19. С. 434–439; № 20. С. 457–464; № 21. С. 489–499; № 22. С. 521–528.
- ⁸ Там же. № 19. С. 434.
- ⁹ Там же. № 20. С. 462.
- ¹⁰ Там же. № 19. С. 435.
- ¹¹ Там же. № 20. С. 462.
- ¹² Там же. № 20. С. 463.
- ¹³ Там же. С. 464.
- ¹⁴ Там же. С. 463.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. № 19. С. 438.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. № 22. С. 525.
- ¹⁹ Там же. С. 527.
- ²⁰ Там же. С. 525.
- ²¹ Там же. С. 528.
- ²² Там же. С. 522.
- ²³ Исаакий, иеромонах. Дверь в Европу // Карельские известия. 1916. № 8. С. 3.
- ²⁴ Цит. по: Исаакий, иеромонах. Дверь в Европу // Карельские известия. 1916. № 9. С. 7.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. № 9. С. 7–8.
- ²⁷ Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии), коллекция «Русские военные бумаги». Д. 3167. Разрозненные бумаги. Л. 1–4.
- ²⁸ Там же. Л. 1.
- ²⁹ Там же. Л. 3.
- ³⁰ Там же. Л. 3–4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антюхова Е. А., Блохин В. Ф. Трансформация публичной сферы в годы Первой мировой войны: отношение к войне и миру // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 1. С. 6–19. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.1.1
2. Басова Н. А. Служение мученика Уара (Шмарина) на острове Матсинсаари (1910–1916 годы) // Православие в Карелии: Материалы IV науч. конф., посвящ. 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии (25–26 ноября 2015 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 243–252.
3. Витусновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки; СПб.: Норма, 2006. 384 с.
4. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
5. Илюха О. П. Репрезентация «племен» и «народов» в «Олонецких епархиальных ведомостях» // Олонецкие епархиальные ведомости (1898–1918): Библиографический указатель / Сост., вступ. ст. Н. Г. Урванцева. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. С. 13–24.
6. Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск: Изд-во Свято-Кижского Патриаршего Подворья, 2009. 304 с.
7. Коллиандер С., протоиерей. О причислении двух подвижников веры и благочестия с именем «Иоанн» к лику святых Финляндской Православной Церкви: пр. Иоанн Валаамский и мч. и исп. Иоанн из Иломантси // VII Валаамские образовательные чтения «Богоизбранная обитель»: к 30-летию возрождения монашеской жизни на Валааме: Материалы междунар. конф. (17–19 мая 2019 г., Валаам) / Валаамский монастырь; ПКПЦ «Свет Валаама». М.: Перо, 2020. С. 220–232.
8. Кораблев Н. А. Создание и деятельность Православного Карельского братства на территории Российской Карелии // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 121–171.
9. Лисовой Н. Н., Назаренко А. В., Мельникова Л. В., Смирнова И. Ю. Империя и церковь в истории России: духовные основы политики, национальной безопасности и русского присутствия в мире (XVIII – начало XX в.) // Историческая память и российская идентичность / Под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 70–97.
10. Мусатов В. И. Между Западом и Востоком: Православие в автономной и независимой Финляндии (1890-е – 1930-е гг.). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 538 с.

11. Нетужилов К. Е. Православные периодические издания в Великом княжестве Финляндском // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во РХГА, 2004. С. 230–236.
12. Н и л о в В. М. Орган местной гласности. Роль периодической печати Олонецкой губернии в развитии общественного сознания: В 2 ч. Ч. 2. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 127 с.
13. Религиозный фактор в годы гражданской войны в России: феномен, значение, региональная специфика / Под ред. А. С. Пученкова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2024. 572 с.
14. С м и р н о в Н. Н. «Нельзя отделять церковь от гражданской истории...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 57–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-57-64
15. С м и р н о в Н. Н. Религиозный фактор: проблемы дефиниции и практики // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 18–19 окт. 2023 г.) / Отв. ред. Д. И. Петин. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 308–318.
16. С у р ж и к о в а Н. В. Россия 1917 года в отечественных и зарубежных эго-документах // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. С. 25–34.
17. Х о д а к о в с к а я О. И. Дело жизни епископа Киприана (Шнитникова) (1879–1914) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. № 4 (33). С. 26–50.
18. Ш а б а е в Ю. П. Народы Европейского Севера России: положение, специфика, идентичности // Социологические исследования. 2011. № 2 (322). С. 54–63.
19. Ш и к а л о в Ю. Г. Язычники, православные, сектанты, лютеране? Религиозная ситуация в Беломорской Карелии (вторая половина XIX – начало XX века). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 99 с.
20. Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / Под ред. М. А. Литовской и Н. В. Суржиковой; Институт истории и археологии УрО РАН. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 408 с.

Поступила в редакцию 07.07.2026; принята к публикации 14.08.2026; дата публикации 30.09.2026

Original article

Elena Yu. Dubrovskaya, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1893-7873; ldubrovskaya@inbox.ru

THE RELIGIOUS FACTOR WITHIN THE CONTEXT OF SOCIAL CHANGES IN BORDER KARELIA DURING THE EARLY XX CENTURY

Abstract. This article examines ego-documents of Orthodox priests from the early XX century, focusing primarily on diary entries published in 1908 in the *Olonetskiye Gubernskkiye Vedomosti* (*Olonets Province Gazette*) and in 1916 in *Karelskiye Izvestia* (*Karelian Announcements*). These texts were authored by Hieromonk (originally Hierodeacon) Isaac (Ivan Romanovich Trofimov) of the Valaam Monastery, an assistant to the Karelian Synodal Missionary. The significance of these documents lies in their role as a vital component of the regional culture of the Karelian-Finnish border area, being a part of an extensive shared cultural heritage and at the same time reflecting the regional specificities of the bordering territories influenced by religious and national factors on both sides of the border. Despite numerous studies on religious life in Karelian villages in the early XX century, a detailed content analysis of the missionary's ethnographic notes and his reflections on the spiritual world of the Karelian peasantry, based on his visits to specific settlements in the Salmi Uyezd, has not been undertaken. The sources enable to identify the territorial aspects of the interaction between the two dominant confessional spaces in Border Karelia – the Orthodox and Lutheran faiths – during the final period of the Russian Empire. Additionally, this study introduces, for the first time, an appeal from the Mikhailov priests from the village of Suistamo to the Vyborg Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies, preserved in the National Archives of Finland. Dated at the onset of the February Revolution of 1917, this "Letter to Power" offers a firsthand account of the consequences of mutual provocations between warring parties in "battles for the soul of the Karelians". The research concludes that studying parish life in specific border regions through previously unexamined ego-documents authored by Orthodox priests provides a viable approach to understanding the role of the religious factor in the social history of Border Karelia during this period.

Keywords: Border Karelia, Orthodox priests, hieromonk Isaac, travelogue, "Letters to Power", pre-revolutionary decade, 1917

Acknowledgements. The article was written as part of the state research task No 124022000029-0 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Dubrovskaya, E. Yu. The religious factor within the context of social changes in Border Karelia during the early XX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):62–72. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1352

REFERENCES

1. Antyuhova, E. A., Blokhin, V. F. Transformation of the public sphere during World War I: attitude to war and peace. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2022;27(1):6–19. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.1.1 (In Russ.)
2. Basova, N. A. The mission of Martyr Warus (Shmarin) on Mantsinsaari Island (1910–1916). *Orthodoxy in Karelia: Proceedings of the IV Research Conference Dedicated to the 25th Anniversary of the Revival of the Petrozavodsk and Karelian Eparchy (25–26 November 2015, Petrozavodsk)*. Petrozavodsk, 2016. P. 243–252. (In Russ.)
3. Vitukhnovskaya, M. A. Russian Karelia and the Karelians in the imperial policy of Russia, 1905–1917. Helsinki; St. Petersburg, 2006. 384 p. (In Russ.)
4. Dubrovskaya, E. Yu., Korablev, N. A. Karelia during World War I: 1914–1918. St. Petersburg, 2017. 432 p. (In Russ.)
5. Ilyukha, O. P. Representation of “tribes” and “peoples” in the *Olonetskiye Eparkhialniye Vedomosti (Olonets Eparchy Gazette)*. *Olonetskiye Eparkhialniye Vedomosti (1898–1918): Bibliographic index*. (N. G. Urvantseva, Ed.). Petrozavodsk, 2018. P. 13–24. (In Russ.)
6. Kozhevnikova, Yu. N. Monasteries and monasticism of the Olonets Eparchy in the second half of the XVIII – early XX centuries. Petrozavodsk, 2009. 304 p. (In Russ.)
7. Kolliander, S., Archpriest. On canonization of two devotees of faith and piety named “John” by the Orthodox Church of Finland: St. John of Valaam and Holy Martyr and Confessor Johannes of Ilomantsi. *The VII Valaam Educational Readings “The God-Chosen Monastery”: celebrating the 30th anniversary of the revival of monastic life on Valaam: Proceedings of international conference (17–19 May 2019, Valaam)*. Moscow, 2020. P. 220–232. (In Russ.)
8. Korablev, N. A. Establishment and activity of the Karelian Orthodox Brotherhood in the territory of Russian Karelia. *Karelians of the Russian-Finnish borderland in the XIX and XX centuries*. Petrozavodsk, 2013. P. 121–171. (In Russ.)
9. Lisovoy, N. N., Nazarenko, A. V., Melnikova, L.V., Smirnova, I. Yu. The Empire and the Church in the history of Russia: spiritual foundations of politics, national security, and Russian presence in the world (XVIII – early XX centuries). *Historical memory and Russian identity*. (V. A. Tishkov, E. A. Pivneva, Eds.). Moscow, 2018. P. 70–97. (In Russ.)
10. Musaev, V. I. Between West and East: Orthodoxy in autonomous and independent Finland (1890s–1930s). St. Petersburg, 2014. 538 p. (In Russ.)
11. Netuzhilov, K. E. Orthodox periodicals in the Grand Duchy of Finland. *St. Petersburg and Nordic countries: Proceedings of annual international scientific conference*. St. Petersburg, 2004. P. 230–236. (In Russ.)
12. Nilov, V. M. The organ of local publicity. The role of the periodical press of the Olonets Province in the development of public consciousness: In 2 parts. Part 1. Petrozavodsk, 2017. 127 p. (In Russ.)
13. The religious factor during the Civil War in Russia: phenomenon, significance, regional specifics. (A. S. Puchenkov, Ed.). St. Petersburg, 2024. 572 p. (In Russ.)
14. Smirnov, N. N. “The Church cannot be separated from civil history...” *Omsk Scientific Bulletin. Series “Society. History. Modernity”*. 2022;7(2):57–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-57-64 (In Russ.)
15. Smirnov, N. N. The religious factor: problems of definition and practice. *The Civil War in Eastern Russia: a look through the documentary legacy: Proceedings of the V international scientific and practical conference (Omsk, 18–19 October 2023)*. (D. I. Petin, Ed.). Omsk, 2023. P. 308–318. (In Russ.)
16. Surzhikova, N. V. Russia of 1917 in national and foreign ego-documents. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*. 2017;4:25–34. (In Russ.)
17. Hodakovskaja, O. I. The cause of the life of Bishop Cyprian (Shnitnikov) (1879–1914). *St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History*. 2009;4(33):26–50. (In Russ.)
18. Shabaev, Yu. P. Peoples of the European North of Russia: position, specifics, identities. *Sociological Studies*. 2011;2(322):54–63. (In Russ.)
19. Shikalov, Yu. G. Pagans, Orthodox, sectarians, Lutherans? The religious situation in the White Sea Karelia (the second half of the XIX and early XX centuries). Petrozavodsk, 2014. 99 p. (In Russ.)
20. Ego-documents: Russia of the first half of the XX century in inter-source dialogues. (M. A. Litovskaya, N. V. Surzhikova, Eds.). Moscow; Ekaterinburg, 2021. 408 p. (In Russ.)

Received: 7 July 2026; accepted: 14 August 2026; published: 30 September 2026

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ КОНККА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-6837-5656; konkka49@mail.ru

ЗАМЕТКИ О КАРЕЛЬСКОМ НАРОДНОМ ПРАВОСЛАВИИ: ПОКЛОННЫЕ КРЕСТЫ БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ

А н н о т а ц и я . Рассматривается одно из проявлений карельского народного православия – поклонные кресты, их топография и функции на территории проживания карел в Беломорской Карелии. Выбор региона обусловлен наличием собственных материалов автора и сведениями по данной тематике в изданных сборниках текстов по Северной Карелии. Специальных исследований по карельским поклонным крестам не проводилось, задачей же этой работы является обзор полевых, архивных и литературных сведений и предварительный анализ имеющихся материалов. Вопрос топографии (расположения на местности) особенно рельефно выступает в случае возведения крестов на определенных расстояниях друг от друга на выделяющихся на местности точках пути по воде. Кресты могли быть обетными (поставленными по обещанию в затруднительной жизненной ситуации), возведенными в благодарность за избавление от эпидемии или эпизоотии, которые, раз поставленные, продолжали охранять поселение от опасности извне. Кресты стояли на местах гибели людей или ставились в память о каком-нибудь из ряда вон выходящем событии (информативная функция), но также играли коммуникативную роль места собрания рода или общины в определенный календарный праздник, причем традиция могла восходить к языческим временам. Кресты на севере могли стоять на почитаемых местах, связанных с промыслом, «совмещать» или «замещать» дохристианские деревья-карсикко. Однако кресты могли вырезать также и на самих карсикко. В любом случае, изначально поклонный крест маркировал точку на местности, где происходила коммуникация с супранормальными силами вне зависимости от того, была она мирная или опасная для человека.

К л ю ч е в ы е с л о в а : народное православие, поклонные кресты, их топография и функции, пожертвования, деревья-карсикко

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (№ 124022000029-0, 2024–2026 гг.).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Конкка А. П. Заметки о карельском народном православии: поклонные кресты Беломорской Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 73–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1353

ВВЕДЕНИЕ

Крещение карел считается состоявшимся в 1227 году, когда отец Александра Невского, князь Ярослав Всеволодович, «послав крести множество корел». Однако потребовались усилия многих поколений ревнителей веры, прежде чем народные массы восприняли православие и включили его в систему своих дохристианских представлений [6]. Что говорить о первых веках христианства на Севере, если еще в XVI веке новгородский архиепископ Макарий в своей широко цитируемой грамоте в Водскую пятину и Корельские уезды об искоренении

языческих обрядов (1534) писал о том, что жители вышеобозначенных мест молятся «скверным своим молбищом древесом и камению», а в Послании того же года будущему царю Ивану IV Грозному (тогда еще малолетнему) раскрыл свой тезис так:

«Суть же скверные молбища их лес, и камение, и реки, и блата, источники, и горы, и холми, солнце, и месяц, и звезды, и езера, и проста рещи всей твари поклоняхуся яко богу, и чтяху и жертву приношаху кровную бесом, волы и овцы, и всяк скот и птицы»¹.

Таким образом, перед нами образец веры в одушевленность природы (анимизм), пери-

од развития мировоззрения, который проходили едва ли не все известные народы и который порождал явление, называемое многобожием, или политеизмом.

Некоторые формы дохристианских культов, о которых идет речь в Послании (родовые жертвенные деревья, жертвоприношения животных), в своей основе дожили в отдельных районах Карелии и сопредельных местностях до конца XIX, а порой и до первых десятилетий XX века. То же можно сказать и о вере в духов-хозяев природных стихий и определенных локусов. Что же касается почитаемых источников и других «святых» мест, то паломничество к ним не иссякает и сегодня. Впрочем, большая часть этих сведений – общеизвестные факты, по крайней мере, для историков. Несколько иначе обстоит дело, уже в силу специфичности и сложности самого явления, со всем комплексом народного православия, «бытовым православием» или «двоеверием», как его называли в среде гуманитариев еще в 1980-е годы. Яркими представителями такого религиозного синкретизма являлись поклонные кресты и деревенские часовни – истинно народные произведения материального наследия, к которым официальная церковь зачастую имела лишь опосредованное отношение.

Цель данной статьи – представить карельский материал о поклонных крестах с точки зрения этнографии², то есть выявить топографию и выделить основные функции поклонных крестов, из которых главенствующей была функция медиатора, связующего звена между мирами – человеческим и потусторонним, проявлявшегося как в вербальном (молитва), так и в акциональном (пожертвование) плане. Обращение к потусторонним силам (богам, святым, умершим родственникам, предкам), как правило, было связано с просьбой о помощи, что сопровождалось обещанием жертвы. Обет, в свою очередь, неукоснительно исполнялся.

Из общих положений следует отметить преобладание в народном сознании крестов и деревьев-знаков, а также эволюцию от крестов к часовням, ведь многие из последних своим существованием обязаны крестам (то есть построены на месте их или рядом с ними), кроме того, крест часто был предшественником часовни и в конструктивном плане: многие часовни возникли в процессе огораживания поклонного креста и постройки вокруг него стен и возведения навеса [5: 73–76].

Автору неизвестны специальные работы по карельским поклонным крестам, где материалы – устные рассказы об истории их возникновения, их расположении на местности, функциях и т. д. были бы собраны воедино и проанализи-

рованы. Имеются лишь разрозненные сведения, да два-три тематических раздела в региональных сборниках текстов. В связи с этим автор решил свести вместе подобные рассказы и классифицировать их, чтобы сократить имеющийся пробел, а заодно познакомить читателя с малоизвестными финскими источниками. Из разделов в сборниках текстов прежде всего стоит назвать книгу академика Пертти Виртаранта «Беломорские карелы вспоминают» [13], которая вкупе с вышедшей на 20 лет позднее «По деревням Беломорской Карелии» [14] представляет собой целую энциклопедию жизни населения в основном Северо-Западной Карелии. В ней имеется небольшой раздел «О карсикко и (поклонных) крестах», составленный из рассказов десятка информантов, родившихся во второй половине XIX века. Несколько рассказов о том, где и почему стояли кресты в деревнях тунгудских карел (на востоке Беломорской Карелии), встречаем в сборнике А. С. Степановой «Устная поэзия тунгудских карел» [10], а также шесть текстов по нашей теме обнаруживаются в сборнике М. В. Кундозеровой «Прозаический фольклор карелов Кестеньгского края» [8]. Данные сведения дополняются экспедиционными материалами автора начиная с 1970-х годов прошлого века.

Рис. 1. Старый поклонный крест на пороге Ниска в районе Пяозера. Фото И. К. Инха, 1894 год. Из книги Инха И. К. В краю калевальских песен. Петрозаводск: Периодика: Юминеко, 2019. С. 202

Figure 1. Old worship cross on the Niska threshold in the Pяaozero area. Photo by I. K. Inha, 1894. Source: Inha, I. K. From the song-lands of the Kalevala. Petrozavodsk, 2019. P. 202

ПОКЛОННЫЕ КРЕСТЫ: ТОПОГРАФИЯ, ФУНКЦИИ И ПОЖЕРТВОВАНИЯ

«Крест – основной религиозный символ христианства, обладавший в представлениях верующих магической спасительной силой, – пишет академик В. П. Орфинский, – одновременно это универсальный сакральный знак, допускающий как антропоморфную (уподобление богу-человеку), так и фитоморфную его трактовку (уподобление его мировому дереву – объекту языческого поклонения). Двойственность семантики креста способствовала его популярности в переходный период от язычества к христианству...» [5: 73].

Таким образом, крест уже по своей сути подразумевает двойственность или амбивалентность смыслов, которые он несет: врезанный в дерево медный складень или вырезанный в дереве крест – неслучайные комбинации. Важно это и для выявления их предшественников, то есть генезиса крестов как явления. Дело в том, что во многих случаях на Севере доподлинно известно, что именно находилось (или находится до сих пор) на месте до установки креста. Это дерево-знак, особым образом отмеченное дерево-карсикко (от кар. *karsia*, ср. севернорус. *карзать* – ‘обрубать ветки’) – древняя форма обозначения особенной, сакральной точки на местности или события, там происходившего [1]. На таком дереве вырубались топором или вырезались ножом определенные знаки, обрубалась вершина или ветки. Имеются примеры, по которым теоретически можно проследить цепочку карсикко – крест – часовня (или начальная ее форма), то есть генезис форм маркировки определенного почитаемого или, наоборот, опасного места (например, места смерти или захоронения). Таковыми могли быть, с одной стороны, священные рощи, а с другой – кладбища, то есть территории, в пределах которых происходил контакт с потусторонними силами. Следует также заметить, что изначальной функцией всех трех рассматриваемых форм, независимо от их религиозной направленности, была охранительная, то есть поклонные кресты в этом смысле продолжали играть защитную роль карсикко. Так происходило во всей Фенноскандии и на севере Европейской части России, где карсикко стоят и поныне [2].

«Кресты – это уникальные источники по многообразию возможных в их изучении моментов», – отмечает А. Б. Пермиловская [7: 17]. В Карелии еще в начале XX века на многих местах – вдоль водных путей, у труднопроходимых речных порогов; на промысловых местах; в память о гибели людей и о повальных эпидемиях и эпизоотиях; на определенных этапах сухопутного пути, на перекрестках и развилках дорог; на околицах и посредине деревень; где «чудилось», пугало (в ме-

стах, связанных с появлением нечистой силы, неуспокоенных душ) или в память о значимых исторических событиях [3: 250–251] и т. д. – устанавливались православные, как правило, восьмиконечные или шестиконечные кресты под крышей или без.

Знание топографии крестов, то есть мест, где их ставили, важно не только для выяснения их семантики и функций, но и для выстраивания системы, своего рода сакральной карты, по Т. Б. Щепанской – «кризисной сети» почитаемых мест, куда относили обеты или ставили обетный крест [11]. Как давно уже было замечено, «функции поклонного креста тесно связаны с понятием пути», который традиционно в представлениях разных народов ассоциировался не столько с расстоянием, сколько с неопределенностью при преодолении пространства и опасностью, которая может ожидать путешествующих³. Здесь, вероятно, проявлялась охранительная функция «освящения пути», то есть оберега путников от разного рода стихийных природных сил, недаром у крестов при погоде, препятствующей

Рис. 2. Мыс Крестовый на Верхнем Куйто. На кресте висят белые пелены с вышитыми крестами, в основании креста – куча камней, справа – последняя из трех сосен-карсикко.

Фото И. К. Инха, 1894 год. Из книги Инха И. К.

В краю калевальских песен.

Петрозаводск: Периодика: Юминкеко, 2019. С. 354

Figure 2. Cape Krestovy on the Upper Kuyto, hung with white veils adorned with embroidered crosses, with a pile of stones at the base of the cross and the last of three karsikko pine trees on the right. Photo by I. K. Inha, 1894. Source: Inha, I. K. From the song-lands of the Kalevala. Petrozavodsk, 2019. P. 354

продолжению пути, молились тому святому, которому посвящен крест, и приносили ему жертвоприношения. На севере, где особенно много двигались по воде, путников должны были охранять и способствовать удачному переходу кресты, которые, например, на Верхнем Куйтто (часть системы озер Куйтто, общей длиной около 130 км) по пути из Вокнаволока в Ухту (55 км), были расположены на длинных, далеко выдающихся в озеро мысах на расстоянии примерно 10 км друг от друга.

Самый знаменитый крест на Верхнем Куйтто находится в 10 км от Вокнаволока и стоит на мысу Крестовом (Ristiniemi), являясь ярким примером перехода от древних культов к христианской традиции. По преданию, здесь сначала находилась почитаемая сосна с костяным наконечником копья на вершине, который в 1920-х годах снял знаменитый в округе знахарь Смёткун Риико. Согласно легендам, записанным в соседней деревне Пирттигуба, первый крест здесь появился очень давно – на могиле предводителя отряда копьеносцев, причем основание креста имело форму копья [14: 116]. Позже на этом месте был установлен деревянный крест под крышей, недалеко от которого всегда останавливались и устраивали чаепитие. На приводимой здесь фотографии И. К. Инха 1894 года запечатлен момент «крещения глаз» у креста, под кровлей которого видны висят на поперечинах креста «пелены» (в том числе с вышитыми на них крестами), а у основания его – куча принесенных с берега камней. Справа от креста – одна из трех бывших здесь ранее сосен-карсикко. Жительница Пирттигубы Мария Каллио рассказывала, что к кресту, как в часовню, приходили молиться на праздники, при этом кресту необходимо было что-то принести. Дети, отправляясь к кресту, собирали на берегу «красивые белые камни» [14: 116]. Финский собиратель Самули Паулахарью записал в д. Войница в 1915 году:

«Когда по пути на озере начинался сильный ветер и приходилось сидеть на мысу Крестовом в ожидании тихой погоды, то клали на поперечину креста мелкие монеты по 10, 15 копеек, даже по 20 копеек, а кто и серебряную монету положит, или ставили свечку, говорили: “Боже, утихомирь ветер, чтобы мы через озеро переправились, а мы тебе подарим монету!”»⁴.

Следующий крест стоял на мысу Петяяниemi («Сосновый мыс»):

«На конце мыса Петяяниemi, – рассказывала Насто Каллио из Пирттилакши, – стоял большой крест, к подножию которого каждый путник относил камень, чтобы Бог помог преодолеть водное пространство... На Петяяниemi были срублены бревна для строительства Вокнаволоцкой церкви⁵. Когда бревна собрали в плот,

то рубщики дали обещание сделать св. Илье крест, если Илья даст попутный ветер до Вокнаволока. Так появился крест на Петяяниemi»⁶.

Такой же обет был дан сплавщиками в начале XX века на самом большом в Беломорской Карелии озере Топозере, когда сильный ветер разбил о скалу сплавляемый по озеру плот из бревен. Волны не давали его вновь собрать, тогда обратились к Спасу, пообещав ему поставить крест, если он утихомирит погоду. Так и произошло, судя по тому, что на мысу Куёвуара появился большой деревянный крест [8: 356].

Далее в сторону Среднего Куйтто, на выдающемся в озеро мысу Матканиemi («Путевой мыс»), путников встречал крест св. Николая. Рыбаки, отправляясь на промысел, заключали с ним договор, давали обет: «Если, святой Никола, нам поможешь и дашь рыбы, то мы на обратном пути тебе принесем камней»⁷. Этот ритуал «каменной жертвы» был распространен повсеместно – каждый проходящий добавлял свой камень к подножию, укрепляя тем самым магическую связь с почитаемым местом. Известный финский этнограф и религиовед Уно Холмберг (Харва) так описывает приношения крестам и деревьям в Беломорской Карелии:

«Некоторые привешивают на находящиеся здесь кресты и деревья ленты, лоскутки материи, так называемые “ветровые платки” (tuulipaikat)⁸, другие просовывают в мелкие трещины монеты. “Иди и поклонись “Спасу” того или иного мыса, может, он даст тебе попутный ветер”. Рыболов, опять же, надеясь на хороший улов, когда приносит к корням дерева камень в жертву, говорит: “Святой Петр, вот тебе камень в подарок”. Хотя ныне и говорят о святых, в самих обычаях тем не менее скрываются древние языческие черты» [12: 52].

Под «языческими чертами» Холмберг имел в виду в том числе карсикко. «В Вокнаволоке каждый знал карсикко на мысу Рауванкорко (букв. “Железная луда”), у которого выходящие на лодках на Большое Куйтто путники просили тихой погоды», – писал уроженец тех мест Пекка Пертту. Это была возвышающаяся на береговой гряде одинокая сосна. Под деревом находилась большая груда камней, принесенных сюда путниками. Нижние ветки сосны были обрублены, помимо одной со стороны воды, которая была оставлена нетронутой. Некоторые комли отрубленных веток имели длину более метра⁹. Также, например, в Костомукше, по рассказам информантов Пертти Виртаранта, «обычно, когда проходили (на лодках. – А. К.) мимо карсикко на берегу, то относили под него камень или летом бросали сорванный рядом цветок». Собственно, то же происходило и с крестами.

Хоури Павлов(а), которая родилась в Ухте (Калевале) в 1879 году, рассказывала:

«У креста останавливались всегда. Если проезжали мимо, то выходили на берег и шли к кресту: относили камень, могли ветровой платок привязать или цветок положить, например, иван-чай, крестили глаза и произносили молитву. Если так не делали, то могли быть худые последствия: начинался шторм или по пути случались другие затруднения» [13: 735].

На больших северных озерах в пределах Карелии можно было встретить (возможно, как наследие предыдущих насельников – саамов) места, которые имели отношение к промыслу, так как они назывались «рыбными богами» – это мог быть большой камень или выдающийся в озеро длинный мыс, который рыбаки не могли игнорировать: следовало попросить у него удачи в рыбной ловле и дать обет принести жертву, а если удача не отворачивалась от них, то выполнить обещание – отправиться к кресту и возложить к его подножию приношение. Таков был крест Кормушниеми на Среднем Куйтто: крест и ближайший берег называли Kalajumala («Рыбный бог»). Путники и рыбаки привязывали к кресту белые «ветровые платки». На поперечину креста было принято ставить свечи и зажигать их [14: 87]. Путешествовавший в 1917 году по Беломорской Карелии журналист и собиратель древностей Юха Луккаринен об этом кресте оставил следующую запись:

«“Рыбный бог” на мысу Кормушниеми – это очень большой и старый деревянный крест на самом берегу, на конце мыса. У подножия креста – огромная куча круглых камней, объемом в несколько кубических метров. Она, по рассказам, образовалась от того, что рыбаки обещают в случае хорошего улова привезти с того места камень в жертву. Часто рыбная тоня оказывается за много километров отсюда, но это не должно мешать принесению жертвы хозяину мыса Кормушниеми. И рыбное богатство Куйтто обеспечило то, что жертв здесь собраны тысячи. Кроме этих незатейливых подношений, рыбаки в жертву приносят и другое – пироги, одежду, недавно кто-то принес божеству курительную трубку в качестве подарка (водяной вообще любитель табака. – А. К.) за благополучно прошедшую поездку в город»¹⁰.

Такие ритуальные практики показывают, что в народном сознании кресты воспринимались как своеобразные «часовни под открытым небом», места, где можно было обратиться за помощью к потусторонним силам.

«Каменная жертва» интересна тем, что круглые камни к крестам и деревьям-карсикко приносят с берега, с кромки воды. Такие же камни с берега иногда использовали для обкладки могил, в частности, так было сделано по завещанию Архиппы Перттунена, крупнейшего карельско-

го рунопевца, похороненного на о. Калмосуари, на кладбище дер. Ладвозеро. Прямых сведений об адресате жертвоприношения камней, помимо собственно крестов или карсикко, практически нет, однако известно, что когда летом сплавляют лошадей пастись на острова, то по дороге туда и обратно водяной может утянуть лошадь на глубину и утопить. Когда замечают, что лошадь начинает тяжелеть, уходить под воду больше обычного, то бросают в круп лошади и в воду вокруг специально припасенные для этого случая мелкие камни. Это делается для того, чтобы водяной не утопил лошадь [13: 736]. Таким образом, возможно, что этот обычай – своеобразная жертва водяному.

Но кое-где на просторах северных озер подобные вышеописанному кресту на Кормушниеми существуют до сих пор. На оконечности одного из протяженных мысов Топозера в 2020 году автор наблюдал два больших креста, сделанных из толстого бруса. Один из них был около 2,5 метра высотой и стоял недалеко от кромки берега. Второй, поменьше, находился в дощатом сарайчике с двускатной крышей, специально сколоченном для этой цели. На центральной поперечине креста было вырезано объемное распятие. Под ним впритык к кресту и на всю ширину его была установлена доска в виде полки, на которой лежали приношения: монеты, печенье, баранки, конфеты, а также несколько патронов и большое количество разной формы и времени изготовления блесен, воблеров и приманок. Крест с распятием, по рассказам рыбаков, был из бывшей деревенской церкви и установлен уже в советское время.

По берегам стояли и такие кресты, которые извещали о произошедшем здесь несчастье. Недалеко от д. Ювялакша (на перешейке между Верхним и Средним Куйтто), на мысу Иваччу (Ivačšuniemi) еще в 1940-е годы стоял крест под кровлей. Крест был поставлен напротив того места, где утонули двое братьев из богатого дома в Энонсуу. Во время осенней распутицы они отправились на вечеринку в Ювялакшу на коньках, лед не выдержал, и парни утонули [14: 160].

Как уже говорилось, кресты ставились также в память об избавлении от эпидемий и скотьего мора. Однако интересно то, что, например, в Кестеньгской волости, на относительно небольшом озере Тухкальском, такие кресты, в отличие от обычного их места – на выезде из деревни, стояли на таких же мысах, что и путевые кресты на Куйтто, как бы охраняя местность от злых духов болезней. Так, на мысу Крестовом Тух-

кальского озера еще до революции поставили крест, чтобы противостоять оспе, свирепствовавшей в соседней волости. Во время эпидемии краснухи (дизентерии) на одном из мысов установили крест после того, как одна женщина увидела сон: на мысу дом, в нем два деда – охраняют уже 30 лет от болезней, просят повязать ветровые платки на крест, «чтобы вытирать слезы». На крест на острове Ристишуари (Крестовый остров) вешали ветровые платки, укрепляли на нем иконки (скорее всего, медные складни), кадили ладаном для того, чтобы «большие болезни проходили мимо» [8: 346].

На сухопутных маршрутах кресты также отмечали ключевые точки пути. На Суолавуаре («Соляной горе») – высшей точке почтовой дороги из Вокнаволока в Костомукшу путники отдыхали у креста, принося ему цветы иван-чая или камни. Неподалеку находились знаменитые Крестовые сосны (Ristihongat) – два столба с крестами, раскрашенные в черно-белую полоску, где можно было отдохнуть на большом камне и взять воду из родника для чая [14: 263]. На развилке дорог у деревни Мунанкилахти, между Кондокой и Бабьей Губой, стоял поклонный крест, где каждый путник обязан был совершить определенные действия: перекреститься, привязать лоскут или оставить другое приношение. Местные жители верили, что пренебрежение к поклонному кресту может вызвать болезни, особенно зубную боль.

Во многих поселениях, где не было храмов, центральным сакральным объектом становился деревенский крест. Например, в Кокорине (Поньгомская вол.), Рувозере (Олангская вол.) и Софьянге (Кестеньгская вол.) стояли двухметровые кресты, некоторые – под защитными крышами. В Алозере (Ухтинская вол.) в начале XX века на месте сгоревшей часовни установили двухметровый крест с деревянной крышей. Это место стало центром коллективных молений – прохожие обязательно крестились, привязывали «ветровые платки», а на Пасху все селение собиралось здесь для трапезы «сыром» (siiroa – высушенный в печи творог). Вскоре вокруг креста появилась бревенчатая часовня-крест [13: 742].

Похожий крест, установленный еще в середине XVIII века, стоял посередине деревни Виикатеярви (Тунгудская вол.). Пожилые люди тщательно ухаживали за ним, смолили основание креста, а в Страстную пятницу украшали белой пелёной, которая оставалась на нем шесть недель. Перед крестом был большой плоский камень, на котором обычно сидели старики, собираясь на свою беседу [13: 742]. Из района Вокнаволока (Беломорская Карелия) имеются свидетель-

Рис. 3. Поклонный крест в бывшей деревне Тикша. Фото Х. Рюткёля, А. П. Конкка, 1989 год. Из личного архива А. П. Конкка

Figure 3. Worship cross in the former village of Tiksha. Photo by H. Rytkölä and A. P. Konkka, 1989. Source: A. P. Konkka's personal archive

ства о посещении в летние праздники населением близлежащих деревень-хуторов почитаемого священного места, находившегося на перекрестке лесных дорог вблизи известной в округе горы Крестовая. В старой сосновой рощице с явными следами карсикко был установлен большой крест, обнесенный загородкой на столбах (у сооружения не было передней стены) с двускатной крышей. Сооружение напоминало небольшую часовенку. Внутри вокруг креста были навалены камни, а сам он завешан лоскутами материи. Полоски ткани висели и на деревьях рощицы. Окружающие хутора не имели своего кладбища, и поэтому, по рассказам местных жителей, они (еще в 1920–1930-е годы) приходили сюда поминать умерших родственников, принося с собой самовары и стряпню для импровизированного стола (ПМА, 1979). Таким образом, спецификой данного места, как и, скорее всего, мыса Крестового на Верхнем Куйтто, был культ предков.

Как отмечает А. С. Степанова, по краям тунгудских деревень обязательно стояли кресты – историю многих из них забыли уже давно, например, в Машезере существовало предание о кресте, принесенном медведем [10: 260, 263]. Особый культ сложился вокруг места гибели старообрядцев-«сожженцев» в Койвуниemi

(Тунгудский приход), где верующие, спасаясь от преследований, сожгли себя вместе с домом. Сначала на месте сгоревшего дома стоял поклонный крест, а позже построили часовню, куда приходили молиться при зубной боли – существовал даже обычай кусать перенесенный в часовню крест. Паломники приносили различные дары – от лоскутов до целых сарафанов [10: 252–253].

Однако кресты делались не только из дерева, но и в дереве. Как правило, «носителем» их была сосна, в стволе которой вырезали ножом или вырубали топором кресты разной формы и величины на развилках и перекрестьях дорог. Вокруг д. Карельская Масельга в Сегозерье на опушках леса и при входе на деревенское кладбище на другом берегу залива Сегозера стояло несколько старых сосен, в коре которых были вырезаны кресты в человеческий рост. Местные жители рассказывали о старике, который время от времени обновлял кресты-зарубки, объясняя это тем, что они «охраняли деревню» [1: 89]. Сходная ситуация была в севернокарельском селе Панозере и других местах. Такие же кресты вырезались на рыбных тонях, у лесных избышек, на кладбищах. На Карельском перешейке и в Приладожье были специальные «крестовые деревья» за околицей деревни, у которых во время похорон процессия с гробом останавливалась, на дереве вырезали очередной крест или прибавляли дощечку с крестом и годом смерти покойного, которые были одной из форм карсикко умершего [1: 121–135].

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Из всех многочисленных смыслов и эволюционных линий, которые на протяжении истории оказывались в зоне притяжения древнейшего символа креста¹¹, на карельском материале наиболее явно предстают генетические связи креста с деревом и растительностью. Причем не только в теоретическом, но и в чисто практическом, визуальном смысле: поклонный крест во многих случаях оказывается рядом с деревом-знаком карсикко, со временем заменяя его, заставляя дерево уходить на второй план, но зачастую лишь временно, ибо при разрушении креста и невозможности, по разным причинам, его восстановления дерево вновь берет на себя его миссию, как произошло, например, на «святом острове» Махосоори в Сегозерье, где в советское время были уничтожены стоящие здесь кресты и часовни. Тем не менее в течение нескольких десятилетий на остров привозили и оставляли под корнями большой сосны (вероятно, остатка бывшей священной рощи) платки, деньги и свечи [4: 222].

Поклонные кресты, как выясняется, выполняли одновременно несколько функций. Помимо общей охранительной роли, доставшейся крестам в том числе от дерева-карсикко, путевые кресты являлись ориентирами на местности, маркировали половину пути или более короткие отрезки, тем самым выполняя функцию освоения пространства наподобие верстовых столбов, а также, возможно, определяя границы / центры территории конкретных природных духов (а позднее – православных святых). В теории сверхзадачи установки креста на дохристианском священном месте было превратить объект «языческого» поклонения в христианский (ср. на мысу крест такого-то святого), как бы «перевернуть» мировоззрение, сменить минус на плюс. Однако данное действо, судя по всему, стало лишь изменением внешней формы (ср. крест у карсикко), а сам крест превратился в указатель священного места. Последнее касается прежде всего перенесения на кресты обозначения дохристианских святилищ, доставшихся карелам по наследству от прежних насельников¹². Косвенно о бывших почитаемых местах говорит «кодекс поведения», связанный с крестами: обязательные остановки у крестов, почтительное отношение, «крещение глаз», как и приносимые им жертвы. Невыполнение этих условий грозило болезнями, природными катаклизмами и негативными происшествиями. Характерен также эпизод с явлением во сне «двух дедов» – хозяев определенного мыса на озере с требованием жертвы, которые просят установить крест и повязать на него «ветровые платки». Контакт с представителями иного мира довольно часто происходил именно посредством сновидений.

Какие-то из крестов могли быть обетными, воздвигнутыми по обещанию в момент грозной опасности. Места гибели людей на воде или, например, в случае внезапной смерти в лесу были опасными локусами и обозначались крестами, несущими как информативную, так и защитную (отвращающую калму – смертную силу) функцию. То же можно сказать и о поклонных крестах на мысах озер, поставленных для продуцирующей защиты от эпидемий и эпизоотий, причем кресты указывали направление, откуда ожидался их возможный приход.

Интересно, что крест, поставленный на месте массовой гибели людей (самосожженцев), маркируя связанное со смертью из ряда вон выходящее событие, со временем, после водворения в построенную для него часовню, превратился в инструмент лечебной магии. Особенно это касалось зубной боли, с которой боролись, грызя

Рис. 4. Поклонный крест в Никольской часовне деревни Летняя Река на берегу Белого моря.
Фото А. П. Конкка, 2023 год. Из личного архива А. П. Конкка

Figure 4. Worship cross in St. Nicholas Chapel in the village of Letnyaya Reka on the shore of the White Sea. Photo by A. P. Konkka, 2023. Source: A. P. Konkka's personal archive

крест. Объяснение этой метаморфозы, вероятнее всего, лежит в плоскости поверий, связанных с лечебными заговорами, – тексты заговоров от зубной боли чаще всего апеллируют к покойнику, используя сравнение с мертвым телом, у которого «зубы не болят».

В материалах о карельских поклонных крестах имеются сведения о взаимозаменяемости крестов и часовен: многие часовни строились на месте поклонных крестов, а на местах уничтоженных часовен или церквей (ср. памятные поклонные кресты на местах бывших деревень) ставились православные кресты, которые, как в случае со сгоревшей часовней в Алозере, продолжали иметь коммуникативную функцию: население деревни собиралось у креста на Пасху,

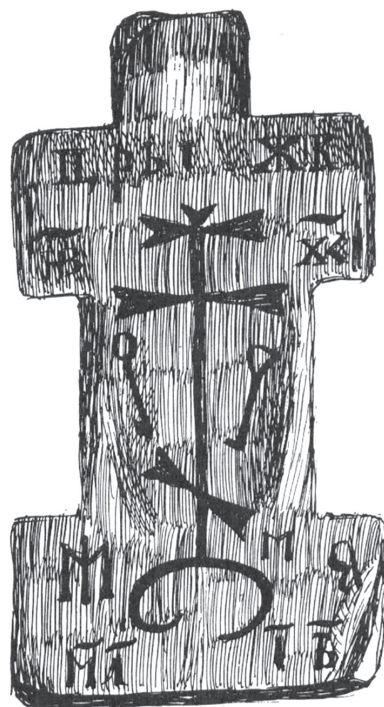

Рис. 5. Деревянный резной «голгофский» крест-иконка, который салминские карелы держали в доме и использовали в качестве амулета, оберегающего от болезней. Фото из книги Suomen kirjallisuus I. Krjoittamaton kirjallisuus. Toim. Matti Kuusi. SKS. Keuruu: Kustannusosakeyhtiö Otavan kirjapaino, 1963. S. 283

Figure 5. Carved wooden “Golgotha” icon cross that Salmi Karelians kept in their homes and used as an apotropaic object protecting them against diseases.

Source: Suomen kirjallisuus I. Krjoittamaton kirjallisuus. (Matti Kuusi, Toim.). Keuruu, 1963. S. 283

где вкушало ритуальную пищу – творожные кабуши [3: 270–271]. Роль часовни крест играл также и в тех деревнях, где она отсутствовала изначально.

Множественность свойств, ролей и функций креста, вероятнее всего, связана с его изначальной амбивалентностью и многозначностью, которые он приобрел еще в дохристианские времена, в качестве же христианского символа новые смыслы, связанные с крестом¹³, лишь сложились в зависимости от ситуации, в которой его хотели использовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грамота новгородского архиепископа Макария в Вотскую пятину, в Чудь, в Ижору, в Корельский и др. уезды об искоренении языческих обрядов (1534 г. марта 25.) // Материалы по истории Карелии XII–XVI веков / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. С. 127–131.

² Во второй статье «Заметок о народном православии» будет представлен материал о некоторых функциях часовен и жертвоприношениях им.

³ Трифонова М. Н. Поклонный крест из д. Чуйнаволоок. Электронная библиотека музея-заповедника «Киж» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://site.kizhi.karelia.ru/library/traditsionnaya-kultura-russkih-zaonezhya-dopolnitelnyie-materialyi/802.html> (дата обращения 25.05.2026).

⁴ Suomalaisen kirjallisuuden seura, Paulaharju S. 18900. Vuonninen. 1915.

- ⁵ Вокнаволоцкая Ильинская церковь была возведена в начале XIX века на месте ветхой, перестроенной в XVIII веке в церковь, часовни.
- ⁶ Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. К5/257, записал В. Кауконен.
- ⁷ Suomalaisen kirjallisuuden seura, Paulaharju S. 18985–8989. Vuonninen.
- ⁸ «Ветровые платки» представляли собой примерно 30–40-сантиметровую полосу белой ткани, шириной около 10 см и меньше. Укреплялись на кресте за один конец, поэтому развевались на ветру. Такие же туулипайкат привешивали на надгробные кресты.
- ⁹ Perttu P. Vainämöisen venehen jälki. Petroskoi, 1978. S. 220.
- ¹⁰ Lukkarinen J. Vienan Karjalassa. Karisto; Helsinki, 1918. S. 68–69.
- ¹¹ Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1980. 719 с.
- ¹² Примером подобной ситуации является мыс Бесов Нос на восточном берегу Онежского озера. Вырубленный в скале на оконечности мыса крест перекрывает часть петроглифа «беса» – пляшущего антропоморфного существа, примерно того же плана, что встречается на традиционных вышивках карел и вепсов. Интересно также то, что выбившие православный крест как бы в левой руке «беса» вовсе не предприняли попытки избавиться от него самого, сбив фигуру с камня полностью, но оставили ее практически нетронутой.
- ¹³ Здесь показателен текст карельско-вепского охотничьего заговора от порчи (Олонецкий сборник, XVIII век), в основе которого была популярная в заговорах коллизия: возведение волшебной железной ограды (тына) «от земли до неба» (варианты: железная стена, гора) вокруг заговаривающего, которая в данном «новаторском» тексте заменяется крестом, используя его защитные свойства: «Впереди и сзади опусти железный крест от земли до неба и от неба до земли, спереди меня и позади меня от недобрых слов и недобрых мыслей для моей опоры, моей защиты, моего берега и в помощь мне» [9: 110].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конкка А. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 286 с.
2. Конкка А. П. Феномен карсикко-залази на Русском Севере // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 22–34. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/22-34
3. Логвиненко Е. С. Умные вещи карельской деревни: Этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2021. 289 с.
4. Народы Карелии: Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. 752 с.
5. Орфинский В. П. Часовни в традиционной культуре карел // Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. С. 73–122.
6. Пашков А. М. Новгородская земля и христианизация карел в XIII–XV веках // VIII Валаамские образовательные чтения 28–30 мая 2021 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://valaam.ru/history/stati-i-vospominaniya/novgorodskaya-zemlya-i-khristianizatsiya-karel-v-xiii-xv-veках/?ysclid=mp8skq307o678446454#42> (дата обращения 16.05.2026).
7. Пермиловская А. Б. Культовая традиционная архитектура как фактор адаптивного механизма при освоении Русской Арктики // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 7–21. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/7-21
8. Прозаический фольклор карелов Кестеньгского края / Сост.: М. В. Кундозерова. Петрозаводск; Ульяновск: АО «Областная типография «Печатный двор», 2023. 456 с.
9. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. 830 с.
10. Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск: Периодика, 2000. 384 с.
11. Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–176.
12. Holmberg U. Suomalaisen karsikoista // Kalevalaseuran vuosikirja. 1924. № 4. P. 7–82.
13. Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1958. 804 p.
14. Virtaranta P. Vienan kyllä kiertämässä. Helsinki: Kirjayhtymä, 1978. 287 p.

Поступила в редакцию 12.08.2026; принята к публикации 04.09.2026; дата публикации 30.09.2026

Review article

Aleksi P. Konkka, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-6837-5656; konkka49@mail.ru

NOTES ON KARELIAN FOLK ORTHODOXY: WORSHIP CROSSES OF THE WHITE SEA KARELIA

Abstract. This article explores one of the manifestations of Karelian folk Orthodoxy – crosses of worship, their topography and functions in the territory inhabited by Karelians in the White Sea Karelia. The choice of the region is

determined by the availability of the author's own materials and information on this topic in the published collections of texts on North Karelia. No special research has been conducted on Karelian crosses of worship, but the purpose of this work is to bring together and review the scattered information and conduct a preliminary analysis of the available materials. The issue of topography (location on the ground) is particularly prominent in the case of the construction of crosses at certain distances from each other at prominent points along water paths. Crosses could be votive (placed according to a promise in a difficult life situation), erected in gratitude for getting rid of an epidemic or epizootic, which, once placed, continued to protect the settlement from outside danger. Crosses stood at places where people died or were placed in memory of some extraordinary event (thus performing an informative function), but also played a communicative role as a place of assembly of a clan or community on a certain calendar holiday, with this tradition possibly going back to pagan times. Crosses in the north could stand on revered places associated with crafts, as well as "replace" or be "combined with" pre-Christian karsikko trees. However, crosses could also be carved on karsikko trees themselves. In any case, initially a worship cross marked a point on the terrain where communication with supranormal forces took place, regardless of whether it was peaceful or hostile to humans.

Key words: folk Orthodoxy, worship crosses, worship crosses topography and functions, donations, karsikko trees

Acknowledgements. The research was funded from the federal budget as part of the state task No 124022000029-0 (2024–2026) assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Konkka, A. P. Notes on Karelian folk Orthodoxy: worship crosses of the White Sea Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):73–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1353

REFERENCES

1. Konkka, A. Karsikko: sign trees in the rituals and beliefs of the Baltic-Finnic peoples. Petrozavodsk, 2013. 286 p. (In Russ.)
2. Konkka, A. P. The phenomenon of karsikko-zalazi in the Russian North. *Herald of Anthropology*. 2023;2:22–34. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/22-34 (In Russ.)
3. Logvinenko, E. S. Smart things of Karelian villages: Ethnographic essays. Petrozavodsk, 2021. 289 p. (In Russ.)
4. The peoples of Karelia: Historical and ethnographic essays. Petrozavodsk, 2019. 752 p. (In Russ.)
5. Orfinsky, V. P. Chapels in the traditional culture of the Karelians. Folk architecture: Interuniversity collection of research papers. Petrozavodsk, 2004. P. 73–122. (In Russ.)
6. Pashkov, A. M. The Novgorod Land and the christianization of the Karelians between the XIII and the XV centuries. *The VIII Valaam Educational Readings, 28–30 May 2021*. Available at: <https://valaam.ru/history/stati-i-vospominaniya/novgorodskaya-zemlya-i-khristianizatsiya-karel-v-xiii-xv-vekakh/?ysclid=mp8skq307o678446454#42> (accessed 16.05.2026). (In Russ.)
7. Permilovskaya, A. B. Temple traditional architecture as a factor of an adaptive mechanism in the development of the Russian Arctic. *Herald of Anthropology*. 2023;2:7–21. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/7-21 (In Russ.)
8. Prose folklore of the Karelians of the Kestenga Region. (M. V. Kundozerova, Ed.). Petrozavodsk; Ulyanovsk, 2023. 456 p. (In Russ.)
9. Russian incantations from manuscripts of the period from the XVII to the first half of the XIX centuries. (A. L. Toporkov, Ed.). Moscow, 2010. 830 p. (In Russ.)
10. Stepanova, A. S. Oral poetry of the Tunguda Karelians. Petrozavodsk, 2000. 384 p. (In Russ.)
11. Shchepanskaya, T. B. Crisis network (traditions of the spiritual development of space). Russian North: A study of local groups. St. Petersburg, 1995. P. 110–176. (In Russ.)
12. Holmberg, U. Suomalaisten karsikoista. *Kalevalaseuran vuosikirja*. 1924;4:7–82.
13. Virtaranta, P. Vienan kansa muistelee. Porvoo, 1958. 804 p.
14. Virtaranta, P. Vienan kyllä kiertämässä. Helsinki, 1978. 287 p.

Received: 12 August 2026; accepted: 4 September 2026; published: 30 September 2026

МАКСИМ ВИКТОРОВИЧ ПУЛЬКИН

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-8846-1781; mvpulkin@mail.ru

ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДАХ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Рассмотрены основные закономерности мероприятий, нацеленных на улучшение церковного пения в Олонецкой епархии. Актуальность темы связана с особым, неизменным литургическим значением церковного пения как в изучаемый период, так и в наши дни. Новизна исследования определяется отсутствием предшествующих работ, полной неизученностью представленной в статье темы с опорой на материалы северных епархий. Основные выводы статьи состоят в следующем. Судя по материалам делопроизводства консистории и статьям из епархиальной прессы, духовные власти и миряне постоянно и настойчиво предъявляли духовенству схожие по форме и содержанию требования, связанные с «благолепием» в богослужебном обиходе. Под влиянием неуклонно растущих запросов со стороны духовного начальства и мирян церковное пение стало значимым элементом подготовки духовенства, превратилось в один из обязательных предметов преподавания в церковно-приходских школах, послужило заметной перспективой для поддержания и развития музыкальных талантов среди взрослых прихожан. Основной тенденцией в развитии хорового дела в епархии стало привлечение широких масс прихожан к полноценному участию в богослужениях путем совместного с духовенством регулярного исполнения церковной музыки.

К л ю ч е в ы е с л о в а : пение, музыка, церковь, верующие, клир, духовенство, школа, хор

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ 124022000029-0).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Пулькин М. В. Церковное пение в православных приходах Олонецкой епархии в конце XVIII – начале XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 83–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1354

ВВЕДЕНИЕ

Значение церковного пения в богослужении выходит далеко за рамки простого музыкального украшения священнодействия. Святой Иоанн Златоуст называл церковное пение «голосом Церкви». Исторически сложившийся порядок предполагает, что в православном богослужении нет места инструментальной музыке. Следовательно, человеческий голос признается самым совершенным музыкальным «инструментом», созданным Богом. В литургическом обиходе во время церковного пения достигается единство слова и звука. В отличие от концерта, где важен эстетический эффект, в храме пение служит для того, чтобы в полной мере донести до мирян смысл молитвы. По устоявшимся в литургическом обиходе нормам, некоторые молитвы поются всеми находящимися

в храме. Церковная музыка призвана не возбуждать чувственные эмоции (страсти), а возводить ум к «горнему миру». Отсюда строгость мелодий, отсутствие резких динамических контрастов. В идеале, сформированном в древности, в храме поет весь народ: пение является видимым выражением соборности Церкви.

Исследовательская проблема церковного пения включает значительное число аспектов. Главнейшим из них по праву остается музыковедение, предполагающее изучение таких проблем, как «хоровое движение» в России [6], формирование стилей, длительное греческое влияние на православное церковное пение. Нередко рассматриваются и другие особенности его становления в России [2], [3]. Не менее существенным представляется аспект проблемы, доступный изучению религиоведа, слабо знакомого со

спецификой искусствоведения, но имеющего опыт работы с архивными документами [1], [11]. Такого рода исследования выполняются в разных частях России с опорой преимущественно на местные материалы. Здесь в приоритете оказываются сведения об организации церковных хоров в приходах и духовных учебных заведениях, подготовка их участников, инструкции церковного начальства, связанные с указанной проблемой [9]. Особенности организации церковного пения в Олонецкой епархии никогда не становились темой специального исследования. Источниковой базой статьи послужили российские законы, отчеты благочинных, прошения прихожан, публикации епархиальной прессы. В совокупности они дают возможность изучить вопросы организации церковного пения на протяжении длительного исторического периода. Задача исследования состоит в выявлении основных факторов, влияющих на внедрение церковного пения в богослужебный обиход, изучении методов подготовки певчих и руководителей (регентов) церковных хоров.

Отправной точкой анализа стало российское законодательство. Синод всегда уделял существенное внимание всем элементам церковной жизни, связанным с поддержанием благолепия в богослужении. В XIX веке законодатель удостоил особого попечения церковную музыку. Эталоном послужил придворный храм: в 1833 году по высочайшему повелению все епархиальные архиереи получили предписание снабдить приходские церкви «нотными книгами простого церковного пения», используемыми «в придворных церквях»¹. Другой аспект проблемы – подготовку певчих – тоже не забыли: указом Синода от 7 мая 1847 года священники, обучающие крестьянских детей в школах, обязывались регулярно заниматься с ними, помимо прочих учебных предметов, и церковным пением, «чтобы они могли петь на клиросах в праздничные дни»². Согласно синодальному указу от 20 августа 1852 года, «во избежание народного соблазна» иереям не разрешалось исполнять в церквях «переложения церковных песнопений», не одобренные духовным начальством. Нарушителей распоряжения сурово наказывали: регенты, «виновные в неисполнении сего», подвергались «строжайшему взысканию и удалению от сих должностей»³.

БЛАГОЛЕПНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ

Ко времени появления указанных выше законов в Олонецкой епархии имелись длительные традиции и опыт организации пения в церквях. Первые документальные свидетельства

связаны со ставленническим делопроизводством. Дьячков сын Иван Ерофеев в 1788 году представил в Синод прошение, заявляя, что прихожане выбрали его на отцовское, ставшее вакантным место. «По резолюции Преосвященного» дьячок прошел необходимые перед рукоположением испытания: оказался «в книжном чтении исправным», а по «незнанию ж нотного пения» обучался в монастыре⁴. В 1775 году епископ отказал в хиротонии сыну священника Тихону Иванову по причине «незнания» катехизиса и отсутствия навыков пения⁵. В некоторых случаях сами прихожане отвергали тех кандидатов на должности, которые не обладали необходимыми для благолепного богослужения навыками. Миряне Кижского прихода в 1795 году «выбрали во священника» по причине «благоповедения» дьячка Петра Иванова. Но оказалось, что вместо него «стремится желанием поместиться» другой претендент. Его кандидатуру крестьяне требовали отклонить: «он, Петров, <...> петь и вовсе не знает»⁶. Материалы следующего столетия содержат существенно больше свидетельств. В 1824 году духовная консистория рассматривала вопрос о рукоположении во священника. На его прошении появилась благоприятная отметка: «Проситель читает и поет по нотам исправно»⁷. На документе, составленном священническим сыном Гавриилом Семеновым, новгородский митрополит Михаил оставил следующую резолюцию: «в чтении не исправен, петь не умеет». Кандидату на должность предлагалось каким-то образом «обучиться чтению и пению совершенно» и вновь явиться в консисторию⁸.

В середине XIX века церковное начальство с удовольствием отмечало, что церковное пение прочно вошло в повседневный обиход. Как говорилось в сведениях о состоянии Петрозаводского городского благочиния, «первая попечительность» духовного начальства состояла в том, чтобы священнослужители «отнюдь не позволяли себе никаких опущений и произвольных нововведений в отправлении церковного богослужения <...> с внятным чтением и стройным пением». После начала Крымской войны «совершалось молебное пение, певаемое во время брани против супостатов»⁹. Епархиальная печать постоянно напоминала о том, что «музыка есть самое духовное из искусств»¹⁰. Улучшение службы, постоянное укрепление «традиционно-эстетической религиозности» в конце XIX века являлись одной из главных задач церковного руководства [5], [8: 22]. Во многих епархиях России сохранялись заметные проблемы: церковные хоры «ча-

сто напоминали китайские оркестры: кто в лес, кто по дрова» [10: 232].

Скромные успехи тоже фиксировались в делопроизводстве: благочинные указывали в отчетах, что во вверенном их попечению округе богослужение «отправлялось своевременно», не допускалось «двоегласие в пении»¹¹. К началу XX века в Олонецкой епархии благозвучное и неспешное нотное пение оставалось мечтой большинства приходских священников. Автор статьи, опубликованной в епархиальных ведомостях, задавал вполне обоснованный вопрос:

«Посмотрите, много ли вы найдете таких приходов, где на клиросе вы увидите не одного-двух, а несколько прихожан-крестьян, не говоря уже составляющих правильно организованный церковный хор, а хотя бы лишь мало-мальски сносно поющих?»¹²

Отчет олонецкого благочинного указывал на пути решения проблемы и первые успехи: «...причетники, если и оставляют еще многого желать <...> однако многие достигли посредством практики осмысленного и выразительного навыка в чтении церковном и пении нотном»¹³. Судя по репортажу о пребывании финляндского архиепископа Сергия в Петрозаводске, торжественное и благолепное богослужение украсило праздник:

«Хорами семинарских певчих, под управлением специалиста церковного пения, священника М.В. Громцева, безукоризненно были исполнены в переложениях лучших композиторов священные песнопения: “Благослови душе моя, Господа”, “Блажен муж”, “Свете тихий”, “Ныне отпускаеши”»¹⁴.

Отдельные корреспонденции дополняли неоднозначную картину. По данным на 1902 год, в селе Остречины «церковное пение совершенно неудовлетворительно в виду того, что нет хорошего регента»¹⁵. Как указывалось в статье, подготовленной местным архиепископом, во время богослужений следовало «петь ровно, отчетливо, не заминая слов и слогов до неразборчивости <...> Прокимен петь на глас, а не просто монотонно <...> панихиду и отпев надо петь неторопливо»¹⁶. Священник Дм. Островский указывал на важный аспект достижений: «Некоторые песнопения и чтения исполняются на карельском языке»¹⁷. К концу изучаемого периода современники событий полагали, что в церковном пении просматривается перспектива дальнейшего совершенствования. Чрезвычайное собрание духовенства и мирян, состоявшееся в 1917 году, подчеркивало необходимость улучшить ситуацию в сфере церковного пения:

«Пение при богослужении занимает одно из первых мест. За последнее время, под влиянием увлечения партесным пением, миряне все дальше и дальше уstraняются от участия в пении. Это явление ненормальное.

Нужно стремиться к тому, чтобы все принимали участие в пении».

Для достижения указанной цели «нужно избегать вычурных, сложных, малодоступных напевов. Введение общего пения является насущной потребностью времени»¹⁸. Для успешной организации церковного пения необходима постоянно действующая система выявления и поддержки вокальных талантов, а также массовое обучение певчих.

ПОДГОТОВКА ПЕВЧИХ: ШКОЛЫ И СЕМИНАРИИ

В конце XVIII – начале XIX века существовала практика, согласно которой в штатных монастырях и пустынях грамоте и церковному пению в течение года обучались дети священно- и церковнослужителей из окрестных приходов [4], [7: 217]. Как надеялись организаторы подготовки, священник «может быть душой этого дела в приходе». Исключение «составляют только лица, совсем не имеющие слуха или голоса»¹⁹. Собрание членов Александро-Свирского братства, отмечая низкий уровень подготовки приходских певцов, рекомендовало священникам «проявить самое живое и сердечное участие в деле организации церковных хоров из учащих-ся и потрудиться в обучении детей пению»²⁰. В описании Кижского прихода присутствуют указания на возможности развития церковного пения: оно «может быть улучшено значительно при большом количестве учащих-ся в приходе»²¹. Для повышения качества богослужений в епархии появились должности священников-катехизаторов. Как видно из инструкций, составленных олонецким церковным начальством, священники, занимающие указанную должность, обязаны не только заниматься вероучительными беседами, но и проводить спевки церковных хоров²².

Церковное пение стало одним из предметов преподавания в приходских школах. В Контушском приходе Вытегорского уезда «учащиеся под руководством священника девочки настолько успели в искусстве пения, что могли петь на левом клиросе во время совершения архиепископом в приходском их храме всенощного богослужения». Для «поощрения усердия» епархиальный преосвященный раздавал отличившимся ученикам наперсные кресты, иконы, Евангелия «и другие религиозно-нравственного содержания книги», а наставникам объявил благодарность²³. В некоторых приходах Вытегорского уезда «немалую услугу оказывают заведенные из мальчиков и девочек певческие хоры». Они «стройным на клиросах пением и толковым чтением при-

влекают в храм Божий родителей этих маленьких певцов»²⁴.

В опубликованном в 1900 году описании праздника в Ошевенском приходе подчеркивалась особая роль школы в воспитании подрастающего поколения: «Здесь, близ храма Божия, устроена школа церковно-приходская <...> учат их здесь прославлять Господа молитвами и церковными песнопениями»²⁵. Аналогичная картина наблюдалась и в других приходах. Пресса с удовольствием представляла сцены из приходского обихода: «Дети Ведлозерского училища в чистых и светлых одеждах стояли чинно рядами у солей – мальчики около правого клироса, девочки – около левого»²⁶. Все они «вместе с поющими на клиросе твердо и согласно пели все положенные на литургии церковные песнопения»²⁷. Отчеты благочинных содержат описания таких же сцен:

«Дети, обучающиеся в народных школах, как земских и министерских, так и церковно-приходских, обязательно посещали храм Божий, принимая деятельное участие в пении на клиросе <...> по мере своей подготовленности и способности к сему делу»²⁸.

Во время духовных чтений нередко происходило «всенародное пение молитв, символа веры, тропарей двенадцатых праздников, исполнение хором и учениками на скрипках церковных песнопений»²⁹. В 1909 году появилось описание храмового праздника в Олонецкой духовной семинарии. В репортаже говорилось о прекрасном исполнении хорами семинарских певчих «священных песнопений в переложениях лучших композиторов», а также ирмосов положенного канона и Великого славословия³⁰. К подготовке певчих подключилось Александровское братство. Владыка Никанор во время занятий в Назариевском доме лично «руководил пением народа и хоров»³¹. Наряду с успехами епархиальная печать подчеркивала остроту проблем: «Как ни обширна программа по пению в семинарии, как ни интересен материал по этому предмету, предлагаемый для воспитанников семинарии, тем не менее, цель, как мы видели, не достигается». Семинаристы остаются «дилетантами по пению». Во время проверки знаний в специальных музыкальных учебных заведениях они

«очень редко выдерживают экзамен на звание регента, несмотря на то, что семинарская программа по требованиям превышает программу, какая требуется на звание регента, как по теоретическим предметам, так точно и практическим»³².

В отчете каргопольского благочинного указывалось, что «перед праздничными днями при-

ходящие из дальних деревень мужчины и жены собираются в один дом на погосте». Они «занимаются чтением душеполезных книг и пением разных молитв и церковных песней»³³. Вытегорский благочинный сообщал о том, что

«в видах более успешного распространения в народе христианских истин и молитв, в храмах Божиих при отпраздновании богослужения чтение и пение Символа Веры, молитвы Господней и других церковных песнопений совершается неспешно так, чтобы присутствующие в храме могли следить за произношением слов поющих»³⁴.

Авторы репортажей из местной церковной газеты подчеркивали успехи и эмоциональное воздействие праздников: дети «разучивали хоровые песни и духовные песнопения»³⁵. Во время регулярных чтений в Назариевском доме Александровского братства «мальчики пели не по возрасту искусно». Общее пение «при множестве собравшегося здесь народа, производило могуче-внушительное впечатление»³⁶. Отчет о состоянии церковных школ Олонецкой епархии за 1903/1904 учебный год показывает некоторые успехи и значительные недостатки:

«В значительном большинстве школ обучение велось с голоса, по нотам пели очень мало. За отдаленностью школ грамоты от приходских церквей участвовать в пении на клиросе могли учащиеся 31 школы, в среднем по 6 человек»³⁷.

Церковное начальство указывало и на другие серьезные недостатки. «Учащиеся церковных школ, как известно, привлекаются к чтению и пению в храме во время богослужения»³⁸. Для более успешного исполнения обязанностей они «обыкновенно подготовляются учителем или учительницей». Репетициям предшествует «предварительное выслушивание», назначаемое «известному ученику или ученице», привлекаемому впоследствии «для чтения в храме и чрез устройство школьных спевков». Но,

«к сожалению, у таких чтецов и певцов нередко отнимается возможность быть в храме теми и другими на самом деле, и им приходится иногда ограничиваться только простым стоянием на клиросе. Причиной такого прискорбного обстоятельства служит неприязненное отношение псаломщиков к чьему-либо постороннему вмешательству в круг их клиросных обязанностей, а особенно со стороны учащихся детей»³⁹.

Они, по мнению псаломщиков, «своим чтением и пением лишь замедляют отправление службы, так как то и другое у них бывает неторопливым, внятным, отчетливым»⁴⁰.

Вторая проблема виделась в недостатках преподавания церковной музыки в местных учебных заведениях:

«При настоящих же условиях преподавания пения невозможно развить в ученике любви к предмету, даже внимания к нему, а без этих факторов нельзя продвигаться ни на один шаг вперед. Теперь ученики, начиная с первого класса духовного училища и оканчивая последним классом семинарии, поют только гласы и поют механически»⁴¹.

Они не знакомятся «ни с сольфеджио, ни с сольмизациею; отсюда получается тот печальный результат, что воспитанники семинарий не только не умеют читать ноты с листа, но даже хорошо не знают гласовой музыки». В итоге любой «ученик причетнической школы в области гласовой музыки ничуть не ниже стоит семинариста, изучающего пение целых десять лет»⁴². К началу XX века источники отмечают значительные успехи во внедрении церковного пения в богослужебный обиход, приближении порядка совершения литургии к такому идеальному состоянию, когда в пении принимают участие все находящиеся в храме.

ПОЮЩИЙ НАРОД: ПЕНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОМ ОБИХОДЕ

В начале XX века богослужения и тесно связанное с ними церковное пение более-менее органично вошли в повседневную жизнь крестьян. Епархиальная пресса подчеркивала мысль о том, что общее церковное пение – «одно из испытанных средств борьбы с сектантским напором»⁴³. Исполнение церковных песнопений всеми присутствующими в храме предполагало «пение в храме всем народом за богослужениями общепотребительнейших церковных молитв и песнопений», которое «может чередоваться с пением хора»⁴⁴. Ему «следует предоставить исполнение более трудных песнопений». Сравнительно легкие «по напеву, всем доступные по содержанию песнопения пусть поет весь молящийся народ». Такого рода участие в богослужении «было бы прекрасным средством для поддержания внимания молящихся и для оживления самого богослужения». Именно общее пение способно поддержать внимание находящихся в храме мирян: «Молящиеся наперед знали бы, что скоро наступит момент, когда они запоют всем храмом». Исполнение «всем храмом общепотребительных молитвословий и песнопений способствовало бы более крепкому усвоению истин православной веры»⁴⁵. Епархиальная пресса подчеркивала особое значение пения в деятельности педагогов: «Народ любит, чтобы каждый учитель знал и умел регентировать церковное пение»⁴⁶. В местном церковном издании подчеркивалось особое эмоциональное воздействие церковного пения: «...как сильно оно действовало

на религиозную душу простого народа! не говоря уже про самих певцов, испытывающих какие-то особенно святые минуты»⁴⁷.

При освящении одной из церквей хор, состоящий из местных жителей, придавал особенную торжественность мероприятию: «Во все время шествия из церкви до школы, певчие, под руководством местного учителя, пели различные случаю и празднику церковные песнопения»⁴⁸. Открытие новой школы стало важным событием: «Пели любители пения из крестьян и ученики старшего отделения церковно-приходской школы» под руководством дьякона⁴⁹. При начале первых богослужений в новом храме в селе Бадогои «во все дни пение партесное и простое очень хорошо исполнял хор “заводских” певчих (из взрослых и учеников)». Певческий коллектив существовал при Бадожской церкви «при деятельном участии и заботах о нем управляющего заводом церковного старосты А. М. Ярагина»⁵⁰. Создание хора в одном из приходов епархии стало поводом для анализа его состава и для выявления проблем, связанных с его организацией: «Любители, видимо, привыкли к нотам». Их меньше, чем прежде, «страшат большие интервалы и другие технические трудности в области пения». Управление хором приобрело стабильные черты: «На одном клиросе управляет местный учитель, а на другом молодой крестьянин, горячий любитель пения»⁵¹.

Современники событий подчеркивали отрадное явление – значительное количество желающих принимать участие в организации церковной службы. За дьякона службу в церкви «с большим удовольствием пропоют мужички-любители». Им охотно помогут педагоги: «...не откажутся от участия в этом деле и господа учителя и учительницы»⁵². Церковное пение становилось украшением праздников, привлекая паломников в монастыри. Современник и очевидец событий указывал, что «стройное пение привлекло такую массу богомольцев, как из города, так равно и из окрестностей его, что монастырский храм не в состоянии был всех вместить»⁵³. Исполнение церковных песнопений становилось элементом погребального обряда: «Торжественное богослужение, мелодичное пение хора церковно-приходской школы располагало предстоящих к усиленной молитве об усопшем»⁵⁴. Во время крестного хода в Петрозаводске «пели поочередно разные хоры городских церквей и учебных заведений»⁵⁵.

Состоявшийся в 1909 году съезд хоровых деятелей подчеркивал необходимость, «для улучшения положения регента и учителя хора», всеми возможными способами «поднять уважение общества к нему как музыкальному деятелю»⁵⁶.

Успехи и достижения не замедлили проявиться. Только за 1911 год в Олонецкой епархии удалось создать 59 новых церковных хоров, состоящих из учащихся⁵⁷. Описания коллективного пения изобилуют трогательными подробностями:

«Радости не было конца после того, как владыка пригласил участвовать в пении и женщин. Зараз подхватили они, поняв владыку своим женским сердцем <...> Правда, вышло немного как-то не так, как поют обыкновенно, но ничего, не смущались женщины; подхватили мужчины и допели молитву за Царя»⁵⁸.

Иногда в епархиальной печати фиксируются признаки недовольства организацией церковного хора и уровнем подготовки певчих:

«Есть и другой вид совершения богослужений – это когда принимают участие в пении “доморощенные” деревенские певчие – крестьяне. Господи, как они режут; положительно боишься за них, что как какая-нибудь глотка не выдержит?»⁵⁹

Другая проблема связана с замаскированным, но заметным старообрядческим влиянием. Как указывал в своей статье священник Дмитрий Островский, во время литургии в Пудожгорском приходе «богослужение совершалось истою. Любители-крестьяне пели на двух клиросах. В пении заметно влияние обихода и вообще древних знаменных напевов»⁶⁰.

Документы начала прошлого столетия повествуют о новых или ранее скрываемых проблемах в организации церковного пения. В 1909 году епархиальная печать указывала на замечательный юбилей – десятилетие деятельности хора приказчиков при местном храме. В репортаже указывалось, что

«доброе и вполне благое начало хору было положено одним из усердно посещающих каждую церковную службу приказчиков, ныне торгующим от себя Ф. И. Журавлевым, ему принадлежит инициатива создания хора, он сумел привить его и поставить на твердую почву»⁶¹.

Лица, заинтересованные в развитии церковного пения, объединялись в специальные сообщества и совместно разрабатывали программу дальнейших действий. В частности, в мае 1909 года в Петрозаводске состоялось собрание «деятели церковного пения». Собрание, после обсуждения существующих проблем, предложило всем «желающим и могущим» «с оказанием всевозможного содействия» отправиться в Москву для участия в учебных курсах. Кроме того, собрание

выразило «пожелание большей молитвенности, уставности, церковности богослужебного пения», ходатайствовало о «полноте текста в церковных нотных изданиях», просило об «упрощении церковных композиций для хоров несильных»⁶². Епархиальная печать не скрывала проблемы: некоторые старосты за свой счет содержали церковный хор, что далеко не всегда имело только положительные последствия. В 1915 году в епархиальных ведомостях появилась статья, автор которой указывал на диктат со стороны толстосумов. Как оказалось, регент «всецело» зависим от церковного старосты. Богач постоянно добивался, чтобы хор следовал его указаниям⁶³.

ВЫВОДЫ

В течение изучаемого периода церковное пение претерпело серьезные метаморфозы, продиктованные как собственной инициативой местного духовного начальства, так и требованиями законодательства. Первоначально обучение церковному пению чаще всего осуществлялось в рамках семейства: навыки передавались от отца к сыну. С конца XVIII века постепенно возрастало значение монастырей. После создания Олонецкой духовной семинарии подготовку певчих удалось вывести на новый, значительно более профессиональный уровень. Проводимые в Олонецкой епархии мероприятия: систематическая подготовка певчих, массовое создание церковных хоров – целиком подчинялись указанной цели. Однако специально обученные в духовных училищах и семинарии священники-регенты церковных хоров сталкивались с рядом существенных проблем. К их числу относится отсутствие подготовленных певчих, необходимость выбора самых простых священных песнопений, пригодных для любительских (а зачастую и детских) хоров, языковой барьер между духовенством и паствой. Если подготовка профессионалов-регентов шла путем освоения нот, то формирование церковных хоров шло иным путем – «наслышкою», то есть воспроизведением мелодий на слух, путем повторения. Необходимые для богослужений тексты на языке местного населения чаще всего отсутствовали, состав церковных хоров оставался нестабильным. Тем не менее церковная печать отмечала позитивные тенденции и успехи: хорошее церковное движение к началу XX века стало массовым и повсеместным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Церковно-гражданские постановления о церковном пении. Харьков, 1878. С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 11.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 52. Д. 256. Л. 33 (Прошение дьячка).

- ⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 4/13. Л. 3 (Указ Олонецкой духовной консистории).
- ⁶ Там же. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1/6. Л. 2 (Прошение крестьян Яндомозерского прихода).
- ⁷ Там же. Ф. 25. Оп. 16. Д. 33/13. Л. 1 (Прошение дьячка Ивана Степанова).
- ⁸ Там же. Ф. 25. Оп. 16. Д. 12/65. Л. 1 (Резолюция митрополита Михаила на прошение священнического сына Гавриила Семенова).
- ⁹ Там же. Ф. 25. Оп. 20. Д. 10/98. Л. 7 (Сведения о состоянии Петрозаводского городского благочиния по указанию предметов донесения, какое должно быть в Святейшем Синоде о состоянии епархии за 1855 год).
- ¹⁰ Лисицын М. Слово перед сбором на памятник духовным композиторам Бортнянскому, Турчанинову и Львову // ОЕВ. 1909. № 4. С. 114.
- ¹¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 25/1683. Л. 121 (Сведения о состоянии церквей, духовенства и прихожан по благочинию Каргопольских градских церквей за 1893 год).
- ¹² К. К. Открытие краткосрочных педагогических курсов для учителей и учительниц ц.-приходских школ Олонецкой епархии в г. Петрозаводске // ОЕВ. 1900. № 13–14. С. 518.
- ¹³ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 63/1. Л. 22 (Отчет о состоянии второго благочиннического округа Олонецкого уезда за 1882 год).
- ¹⁴ К пребыванию Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Сергия, Архиепископа Финляндского и Выборгского, в Петрозаводске // ОЕВ. 1910. № 6. С. 105.
- ¹⁵ С. Остречины Петрозаводского уезда // ОГВ. 1902. № 82. С. 3.
- ¹⁶ Никанор, епископ. Как следует совершать богослужение // ОЕВ. 1909. № 15. С. 333–335.
- ¹⁷ Островский Д. Паломничество карел в Колат-сельгу // Там же. 1910. № 21. С. 479.
- ¹⁸ Журналы чрезвычайного съезда духовенства и мирян Олонецкой епархии. 17–25 июня 1917 года. Петрозаводск, 1917. С. 135.
- ¹⁹ Второй Всероссийский съезд хоровых деятелей // ОЕВ. 1909. № 25. С. 545.
- ²⁰ Чуков Н. Об улучшении церковного пения в епархии // Там же. 1906. № 18. С. 676.
- ²¹ Е. М. Путевые заметки // Там же. 1906. № 22. С. 862.
- ²² Постановление Олонецкого Епархиального начальства (от 15 мая за № 131) // Там же. 1907. № 11. С. 276.
- ²³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 383. Л. 7–7, об. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1870 г.).
- ²⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 24/1639. Т. 2. Л. 348 (Сведения о состоянии первого благочиннического округа Вытегорского уезда).
- ²⁵ Н. Н. Школьный праздник // ОЕВ. 1900. № 1. С. 25.
- ²⁶ Лосев С. «В Дикой Кореле» // ОГВ. 1902. № 12. С. 2.
- ²⁷ Там же. С. 2.
- ²⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 24/1639. Т. 1. Л. 192 (Рапорт благочинного церквей второго благочиннического округа Олонецкого уезда протоиерея Симеона Соловьева).
- ²⁹ Духовные чтения в Мошинской второклассной школе // ОЕВ. 1905. № 3. С. 95.
- ³⁰ С. И. Д. Храмовой праздник в Олонецкой духовной семинарии // Там же. 1909. № 13. С. 293.
- ³¹ Чтения в Назариевском доме // Там же. 1909. № 13. С. 298.
- ³² Котляревский В. Недостатки в постановке пения, как учебного предмета, в наших духовно-учебных заведениях // Там же. 1905. № 13. С. 419.
- ³³ НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 25/1683. Л. 111, об. (Рапорт благочинного третьего каргопольского благочиннического округа).
- ³⁴ Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 24/1639. Т. 2. Л. 348 (Сведения о состоянии первого благочиннического округа Вытегорского уезда, состоящего в заведовании благочинного Вытегорского погоста Покровской церкви священника Стефана Громова, составленные по указанию предметов ежегодного донесения епархиальным преосвященным Святейшему Синоду).
- ³⁵ Страничка из отчета уездного наблюдателя о жизни церковных школ Каргопольского уезда // ОЕВ. 1909. № 29. С. 653.
- ³⁶ Чтения в Назариевском доме Братства (18-го, 22-го и 25-го октября и 1 ноября) // Там же. 1909. № 30. С. 683.
- ³⁷ Отчет о состоянии церковных школ Олонецкой епархии в 1903/1904 учебном году // Приложение к № 7 ОЕВ за 1905 г. С. 2.
- ³⁸ Там же. С. 4.
- ³⁹ От Олонецкого епархиального училищного совета // ОЕВ. 1905. № 8. С. 233.
- ⁴⁰ Там же. С. 234.
- ⁴¹ Там же. С. 235.
- ⁴² Котляревский В. Недостатки в постановке пения, как учебного предмета, в наших духовно-учебных заведениях // Там же. 1905. № 12. С. 383.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ А. М-ов. Народное пение в храме // Там же. 1910. № 24. С. 538–539.
- ⁴⁵ Там же. С. 539.
- ⁴⁶ Н. Н. О чтениях в Братском Назариевском доме // Там же. 1909. № 8. С. 183.
- ⁴⁷ Петропавловский А. Памяти о. М. А. Туманова // Там же. 1909. № 20. С. 444.

- ⁴⁸ Смирнов Е. В. Освящение Горской церковно-приходской школы Лодейнопольского уезда // Там же. 1909. № 32. С. 773.
- ⁴⁹ Светлов И. Освящение здания церковно-приходской школы в Типиницком приходе Петрозаводского уезда // Там же. 1905. № 5. С. 150.
- ⁵⁰ В. Н. Освящение храма в селе Бадобах // Там же. 1905. № 1. С. 25.
- ⁵¹ Роев В. Страничка из приходской жизни // Там же. 1910. № 25. С. 551.
- ⁵² Петропавловский А. Священники-диаконы и диаконы-псаломщики // Там же. 1909. № 20. С. 408–411.
- ⁵³ В-ъ Ф. М. Празднование дня Преображения Господня в Каргопольском Спасо-Преображенском монастыре в 1905 году // Там же. 1905. № 19. С. 567.
- ⁵⁴ Ольгский П. Протоиерей Михаил Александрович Прилежаев (Некролог) // Там же. 1905. № 20. С. 610.
- ⁵⁵ Хроника // Там же. 1911. № 16. С. 272.
- ⁵⁶ Второй Всероссийский съезд хоровых деятелей (продолжение статьи) // Там же. 1909. № 26. С. 563.
- ⁵⁷ Отчет Олонецкого Епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Олонецкой епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910–11 учебный год // Приложение к № 36 ОЕВ за 1911 год. С. 15.
- ⁵⁸ Н. Преосвященный Никанор, епископ Олонецкий и Петрозаводский, его назначение, прибытие и начало служения в г. Петрозаводске // ОЕВ. 1909. № 3. С. 66.
- ⁵⁹ Забавкин И. Первая обедня деревенского хора (из дневника учителя) // Там же. 1909. № 34. С. 870.
- ⁶⁰ Извлечение из рапорта на имя Его Высокопреосвященства епархиального миссионера, священника Дмитрия Островского, о миссионерской поездке по зараженным расколом приходам Петрозаводского и Повенецкого уездов // Там же. 1905. № 15. С. 467.
- ⁶¹ Власков А. Десятилетний юбилей хора приказчиков // Там же. 1909. № 15. С. 341.
- ⁶² М. Собрание деятелей церковного пения в г. Петрозаводске // Там же. 1909. № 15. С. 339.
- ⁶³ Церковное пение в России вообще, и у нас в Олонии (Несколько слов о его недостатках и об устранении их) // Там же. 1915. № 13. С. 235.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОГВ – Олонецкие губернские ведомости
 ОЕВ – Олонецкие епархиальные ведомости
 НА РК – Национальный архив Республики Карелия
 РГИА – Российский государственный исторический архив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вязьмин Ю. Н. О состоянии церковного пения в духовных учебных заведениях Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века // Православие в России и за рубежом: богословие, история, культура, межрелигиозный диалог: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 140-летию начала образовательной деятельности Оренбургской духовной семинарии (1884 г.) и 15-летию ее возрождения. Оренбург: Оренбургская духовная семинария, 2024. С. 71–82.
2. Гарднер И. А. Богослужбное пение в Русской Православной Церкви. Т. 1: Сущность, система и история. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. 498 с.
3. Гарднер И. А. Богослужбное пение в Русской Православной Церкви. Т. 2: История. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2004. 530 с.
4. Глушков С. О. История обучения церковному пению в школах Марийского края в 1900–1917 годах // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 1. С. 260–272.
5. Давыдова Н. А. Проблема стиля в русском церковном пении рубежа XIX–XX веков // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 1. С. 68–71.
6. Зверева С. Г. Книга о А. В. Никольском и хоровом движении в поздней императорской России // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. VIII: А. В. Никольский и хоровое движение в России в начале XX века. Кн. 1: Литературно-музыкальное наследие А. В. Никольского. М.: Изд. дом ЯСК, 2017. С. 37–58.
7. Кожевникова Ю. Н. Просветительская деятельность монастырей Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX века // Православие в Карелии: Материалы Второй междунар. науч. конф., посвящ. 775-летию крещения карелов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 216–219.
8. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
9. Цыкина Ю. Ю. Традиции церковного пения и становление музыкального образования в Марийском крае в дореволюционный период // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37 (175). Серия «История». Вып. 36. С. 133–136.
10. Шавельский Г. И. Русская Церковь перед революцией. М.: Артос-Медиа, 2005. 512 с.
11. Шевцова О. Б. Начало русской науки о церковном пении // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2012. Вып. 1 (7). С. 96–111.

Поступила в редакцию 20.05.2026; принята к публикации 14.08.2026; дата публикации 30.09.2026

Review article

Maxim V. Pulkin, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-8846-1781; mvpulkin@mail.ru

CHURCH SINGING IN THE ORTHODOX PARISHES OF THE OLONETS EPARCHY BETWEEN THE LATE XVIII AND EARLY XX CENTURIES

Abstract. The study examines the main patterns of measures aimed at enhancing church singing within the Olonets Eparchy. The relevance of the topic stems from the unique and enduring liturgical significance of church singing, both during the period under study and in contemporary practice. The novelty of the research is determined by the absence of prior studies on this subject, particularly drawing on materials from northern eparchies. The key findings are as follows: analysis of the consistory's office records and articles in the eparchial press reveals that both spiritual authorities and laypeople consistently and persistently demanded the clergy to adhere to standards of "decorum" in liturgical practice (with these demands being similar in form and content). Influenced by steadily growing demands from both church leadership and laity, church singing became a vital component in clergy training, was incorporated as a mandatory subject in parish schools, and offered significant opportunities for nurturing musical talents among adult parishioners. A major trend in the development of choral music within the eparchy has been the active engagement of a large number of parishioners in full participation during services through regular collective singing alongside clergy.

Keywords: singing, music, church, believers, clergy, school, choir

Acknowledgements. The study was funded from the federal budget as part of the state research task No 124022000029-0 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Pulkin, M. V. Church singing in the Orthodox parishes of the Olonets Eparchy between the late XVIII and early XX centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):83–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1354

REFERENCES

1. Vyazmin, Yu. N. On the state of church singing in religious educational institutions of the Orenburg Province during the second half of the XIX and early XX centuries. *Orthodoxy in Russia and abroad: theology, history, culture, interreligious dialogue: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 140th Anniversary of the Orenburg Theological Seminary (1884) and the 15th Anniversary of Its Revival*. Orenburg, 2024. P. 71–82. (In Russ.)
2. Gardner, I. A. Liturgical singing in the Russian Orthodox Church. Vol. 1: Essence, system, and history. Moscow, 2004. 498 p. (In Russ.)
3. Gardner, I. A. Liturgical singing in the Russian Orthodox Church. Vol. 2: History. Moscow, 2004. 530 p. (In Russ.)
4. Glushkov, S. O. The history of church choral teaching at schools of the Mari area in 1900–1917. *The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University*. 2012;1:260–272. (In Russ.)
5. Davydova, N. A. The problem of style in Russian church singing at the turn of the XX century. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008;1:8–71. (In Russ.)
6. Zvereva, S. G. The book about A.V. Nikolsky and the choral movement in late Imperial Russia. *Russian church music in documents and materials. Vol. VIII: A. V. Nikolsky and the choral movement in Russia in the early XX century. Book 1: Literary and musical heritage of A. V. Nikolsky*. Moscow, 2017. P. 37–58. (In Russ.)
7. Kozhevnikova, Yu. N. Educational activities of monasteries within the Olonets Eparchy during the second half of the XVIII and early XX centuries. *Orthodoxy in Karelia: Proceedings of the Second International Scientific Conference Dedicated to the 775th Anniversary of the Christianization of the Karelians*. Petrozavodsk, 2003. P. 216–219. (In Russ.)
8. Pospelovsky, D. V. The Russian Orthodox Church in the XX century. Moscow, 1995. 511 p. (In Russ.)
9. Tsykina, Yu. Yu. Traditions of church singing and development of musical education in the Mari Region during the pre-revolutionary period. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009;37:133–136. (In Russ.)
10. Shavel'sky, G. I. The Russian Church before the Revolution. Moscow, 2005. 512 p. (In Russ.)
11. Shevtsova, O. B. The beginning of the Russian church singing science. *St. Tikhon's University Review. Series V: Problems of History and Theory of Christian Art*. 2012;1:96–111. (In Russ.)

Received: 20 May 2026; accepted: 14 August 2026; published: 30 September 2026

ЕЛЕНА ВЛАДИСЛАВОВНА БУСЫРЕВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных исследований
Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2054-2910; ebusyreva@mail.ru

МЕТОДЫ РАБОТЫ С ПОЛЕВЫМИ ИСТОЧНИКАМИ В ИССЛЕДОВАНИИ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

А н н о т а ц и я . Описываются виды источников и методы, применяемые в исследовании семейной истории научных сотрудников Кольского научного центра РАН. Изучались семьи, члены которых являлись сотрудниками Кольского научного центра (Кольского филиала Академии наук СССР) на протяжении двух-трех поколений. Акцент в исследовании сделан на культуре сохранения памяти. Несмотря на возросший интерес к научному сообществу, многим вопросам, касающимся мемориальной культуры семей научных сотрудников, не уделялось должного внимания. Вопрос о социально-культурных особенностях этой категории рассматривается в научной литературе почти исключительно в гендерном аспекте. С помощью описанных в данной статье методов автор попытался установить, какие способы коммеморации практикуют члены изучаемых семей, чтобы сохранить и передать последующим поколениям историю рода. В основу статьи легли интервью и материалы семейных архивов. Также анализировался комплекс документов, устных источников и визуальных предметов, поливидовых источников, отразивших отдельные события, на основании которых воссоздается история семей. Исследование показало, что во всех семьях наших информантов существуют коммеморативные практики, нацеленные на сохранение и трансляцию знаний об истории семьи (рода). Существенную роль в работе сыграла включенность двух поколений семьи исследователя в изучаемое сообщество, что оказало положительное влияние на взаимодействие с информантами и позволило реализовать принцип доверительного сотрудничества между участниками антропологического исследования.

Ключевые слова: научные сотрудники, Кольский научный центр, интервьюирование, биографические документы, эго-документы, эпистолярные материалы, визуальные источники, поливидовые исторические источники, компаративный метод

Благодарности . Статья подготовлена в рамках выполнения НИР ЦГИ КНЦ РАН № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Для цитирования: Бусырева Е. В. Методы работы с полевыми источниками в исследовании семейной истории // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 92–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1355

ВВЕДЕНИЕ

Теме научного сообщества посвящено немало работ. Известный французский социолог Пьер Бурдьё утверждал, что социальные отношения в обществе определяются не только экономическими факторами, но и культурными. Именно этим отличается научное сообщество: его культурный капитал включает в себя различные виды «легитимного знания» (звания, дипломы) и ЗУНЫ (знания, умения, навыки)¹. Американский историк науки и философ Томас

Кун рассматривал научное сообщество как группу исследователей, обладающих знаниями высокого уровня и умножающих научные знания [4: 31–32]. Российский этнограф Т. Б. Щепанская определяет научное сообщество как специалистов, имеющих не только соответствующее образование, но и разделяющих «большую часть символично-нормативного комплекса» социальной группы [26: 51]. Кроме того, научное сообщество рассматривается как культурная среда, объединяемая общими повседневными практи-

ками, передающимися как традиция, в значительной мере на неформальном уровне, в ходе повседневных взаимодействий [10: 134, 137].

Современной мемориальной культуре семей научных сотрудников российские исследователи не уделяли должного внимания. Вопрос о социально-культурных особенностях этой категории анализируется почти исключительно в гендерном аспекте. С помощью описанных в данной статье методов автор попытался установить, какие способы коммеморации практикуют члены изучаемых семей, чтобы сохранить и передать последующим поколениям историю рода. Положительную роль в общении сыграла близость семей исследователя и семей – участниц исследования. Некоторые семьи знакомы еще с 1960-х годов, другие хорошо известны автору с начала 1990-х годов благодаря длительной совместной работе с их представителями в одном коллективе. Автору не приходилось искать информантов, прибегать к методу «снежного кома» (когда знакомые, коллеги или родственники указывали бы на кого-либо как на представителя научного сообщества КНЦ в нескольких поколениях). Не было необходимости убеждать участников исследования дать интервью, они без проблем соглашались на взаимодействие. Сказывалась принадлежность к изучаемому локальному сообществу, когда исследователь знает и разделяет его культурные паттерны [17: 224]. Данное обстоятельство способствовало созданию атмосферы доверия, искренности и непринужденности. Представители семей научного сообщества умеют хорошо рассказывать, понимают значение культуры семейной памяти и ее изучения. Чувствовалось их желание сотрудничать, помочь в работе, что дополнительно мотивировало исследователя.

На самоидентификации научных сотрудников сказывается представление об особенностях академического сообщества как социальной среды, которая отличается от среды «среднего человека». И не только по образовательному уровню. Как подчеркивают исследователи, научные сотрудники являются носителями определенных моральных достоинств [20: 137–138], [21: 166–167]. В частности, отличительной чертой наших информантов является культура речи. Как сказал К. В.: *«Академические семьи отличаются от других прежде всего тем, что прививают детям уважение к родному языку, литературе. Впитывают стремление знать какой-то иностранный язык»*. Помимо этого, дается установка на получение высшего образования. Некоторые информанты имеют два высших образования, например К. В., С. Т. и Ж. Н. В интервью

информанты рассказывали, на что родители делали акцент в воспитании:

«Родители, прежде всего, нас нацеливали на образование. Внушалась мысль, что надо получить не только школьное образование, но и стремиться дальше» [ПМА. Информант К. В., 1944 г. р.]; *«Специально родители на получение высшего образования не нацеливали, но своим примером показывали, что надо получить высшее образование. И папа, и мама имеют два высших образования. И мы своих детей нацеливаем на высшее»* [ПМА. Информант К. М., 1975 г. р.]; *«Нас с детства нацеливали на получение высшего образования. И родители, и их отцы были с высшим образованием. Я бы конечно не возражал, чтобы дети, у меня два сына, продолжили деятельность в науке. Но прямо вот так настаивать против желания, нет»* [ПМА. Информант М. Д., 1968 г. р.].

Безусловно, окружающая среда играет определяющую роль:

«Мои родители после окончания университета приехали по распределению в качестве молодых специалистов работать в Кольский филиал академии наук в Анатитках. Полагаю, кстати, что именно этот факт предопределил мою дальнейшую судьбу – стать ученым» [ПМА. Информант И. М., 1968 г. р.]; *«Детство прошло среди детей сотрудников Кольского филиала академии наук, которые росли вместе. Инфраструктура академгородка, заинтересованность родителей – молодых ученых и исследователей, создали необычайную образовательную среду: дети с ранних лет занимались музыкой, изучали иностранные языки, занимались разными видами спорта»* [ПМА. Информант С. Т., 1970 г. р.].

Во всех семьях наших информантов наблюдается стремление к сохранению памяти о прошлом своей семьи (рода). Семейно-родовая память является основным ресурсом формирования семейной культуры. Под семейной мемориальной культурой мы понимаем совокупность знаний, ценностей, традиций, коммеморативных практик, которые обеспечивают сохранение, передачу и осмысление опыта предшествующих поколений внутри семьи. Все информанты убеждены, что необходимо воспитывать у подрастающего поколения осознание ценности старых документов, фотографий своих близких и семейных реликвий, поскольку они являются культурной ценностью семьи [27: 166]. Семейная культурная память формирует у потомков чувство преемственности, помогает осознать свои корни, осмыслить влияние прошлого на настоящее [23].

ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЕ

В основу данной работы легли устные, письменные, визуальные и поливидовые исторические источники. Однако, как подчеркивал С. О. Шмидт, всякая классификация источников условна.

В работе применялся метод устной истории [24: 262–263]. Он наиболее распространен при изучении семейной мемориальной культуры [3: 43]. В ходе работы было получено более двадцати интервью, записанных с 2024 по 2026 год. Рассматривались только те семьи, члены которых являлись сотрудниками Кольского научного центра (КФАН) на протяжении двух-трех поколений. Например, информант М. Д. (1968 г. р.) – доктор технических наук, директор ИППЭС КНЦ, его отец М. В. (1937–2004) – доктор технических наук, заместитель директора по научной работе ИХТРЭМС КНЦ; информант М. Н. (1975 г. р.) – кандидат технических наук, старший научный сотрудник ИХТРЭМС, ее отец (1932–1979) – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ПАБСИ, мать (1937–2003) – кандидат технических наук, старший научный сотрудник ИХТРЭМС. Возраст информантов: самый старший – 1932 года рождения, а самый молодой – 1988 года рождения.

Интервью – это метод получения необходимой информации путем целенаправленной беседы в форме «вопрос-ответ». В процессе интервью исследователь лишь фиксирует ответы информанта. Прежде чем получить интервью, определяются тематика и цели исследования [8: 239]. В основном использовалось полуструктурированное интервью. Для этого заранее составлялся вопросник-путеводитель. Приведем пример приблизительных вопросов: а) имеют ли отличия семьи, в которых есть научные сотрудники, от других семей (образ жизни, ценности, мотивация к интеллектуальной деятельности и т. п.); б) что бы Вы рассказали о своем воспитании (чему уделялось внимание); в) как удавалось совмещать научную деятельность (в том числе и защиту диссертаций) с воспитанием детей, повседневными семейными заботами, помогал ли кто-нибудь; г) Вы бы хотели, чтобы Ваши дети продолжили деятельность в науке; д) на что тратился семейный бюджет, то есть чему отдавали предпочтение (собрание библиотеки, покупка жилья, дачи, машины, путешествия и т. п.); е) есть ли семейный архив, семейные реликвии, генеалогическое древо? Естественно, в процессе интервью постоянно возникали дополнительные вопросы.

Иногда применялось глубинное (нарративное) биографическое интервью, которое предполагает «получение развернутых рассказов о жизни информанта при минимальном вмешательстве собирателя». Этот метод используется, когда информант высказывает свое субъективное мнение о событиях макроистории, делясь воспоминаниями, например, о Великой Отечественной войне

[8: 234]. Биографические рассказы служат специфическим источником исторической информации, поскольку каждая семья является коллективным носителем как локального знания, так и знания макроисторических событий [12: 302–319].

В отличие от интервью беседа – это относительно свободный диалог между исследователем и информантом на определенную тему. Беседы строились по методу глубинного погружения, которое дает возможность получить достаточно объективную картину об истории рода, а также о коммеморативных практиках в семьях. Обычно беседы продолжались длительное время. Например, общение с Я. Е. продолжалось три часа. Ее рассказ отличался эмоциональностью. Как отметил М. Хальбвакс, чем старше человек, тем эмоциональнее его воспоминания [22: 185]. Кроме того, иногда приходилось повторно общаться с информантами, если возникали дополнительные вопросы. Интервью очень информативны в отношении истории повседневной жизни семей.

Иногда применялась запись по «горячим следам», то есть текст записывался в ближайшее время после получения устного интервью в тех случаях, если рассказ информанта не фиксировался на диктофон. С некоторыми информантами общение проводилось по электронной почте. Использовался метод триангуляции, когда сопоставлялась информация, полученная от родственников семьи или от людей, хорошо знавших семью. В более широком понимании, метод триангуляции – это использование «разносторонних методов при анализе одного и того же явления» [7: 48]. Сравнительный анализ данных, полученных из разных источников, снижает риск искажений.

При большой значимости интервью как устного источника мы исходили из необходимости обращаться к другим данным, так как интервью требовали исторического комментария по части фактов, находящихся, как известно, в сложных отношениях с тем, что сохраняет избирательная человеческая память. Пробелы по возможности восполнялись из других источников, в первую очередь по документам из семейных архивов. Как исследователю, так и членам семей в поиске биографических сведений большую помощь оказали интернет-сайты «Бесмертный полк»², «Генеалогическое исследование рода и семьи»³ и «Память народа»⁴.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

При изучении истории жизни использовался биографический метод. Это способ детального

изучения жизни человека при помощи интервью и анализа письменных биографических источников, так как без биографического описания нельзя собрать достоверные сведения, оценить релевантность полученных ответов в интервью [16: 126–127].

Согласно теории культурной памяти, сообщество должно иметь основание в виде мемориальных свидетельств прошлого [1: 19–21]. Эти свидетельства хранят семейные / родовые архивы. И. А. Разумова подчеркивает, что «глубина памяти и объем знаний об истории семьи находятся в прямой зависимости от наличия семейного архива» [13: 95, 97]. В состав архивов, как правило, входят документальные источники: биографические документы, дневники и воспоминания, эпистолярные материалы, служебные документы, визуальные и вещественные источники [18: 62]. В ходе работы анализировались письменные источники, основу которых составляют биографические документы и эго-документы, по которым можно воссоздать основные этапы жизни человека: свидетельства о рождении и смерти, свидетельства о браке, документы об образовании, пропуска, грамоты, различные справки и т. д. Мы относим письменные источники (в том числе и документы) к полевым материалам, так как они хранятся в семейных архивах информантов, а не в государственных архивах.

Биографическими являются документы, связанные с трудовой деятельностью: трудовые книжки, справки, выданные на работе. К этой же группе можно отнести грамоты.

В состав официальных письменных источников входит переписка между официальными лицами. В семейном архиве П. Л. хранится письмо от заместителя председателя Советов филиалов Академии наук СССР председателю Президиума КФАН СССР А. В. Сидоренко по поводу деда информанта П. Л., который «сбежал» из Института сейсмологии Академии наук Таджикской ССР на север. Дед оказался в Кольском филиале Академии наук по приглашению А. В. Сидоренко (рис. 1).

К письменным официальным источникам относятся Приказы о награждении членов семьи орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны. Для реконструкции истории семьи в военные годы некоторые информанты (например, К. М. и М. Н.) пользовались официальными сайтами «Память народа» и «Бессмертный полк».

Другой вид письменных источников, хранящихся в семейных архивах, – это эго-документы, так обобщенно обозначаются мемуары, автобио-

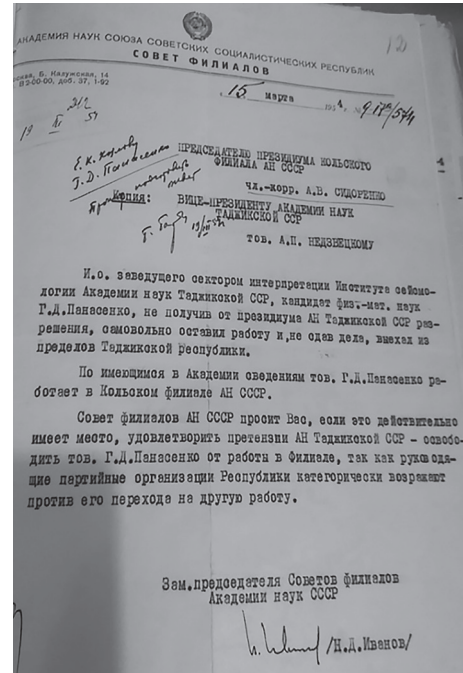

Рис. 1. Письмо председателю Президиума КФАН СССР А. В. Сидоренко от зам. председателя Советов филиалов Академии наук СССР. 1954 год.
Из семейного архива информанта П. Л.

Figure 1. A letter to A. V. Sidorenko, Chairman of the Presidium of the Kola Branch of the USSR Academy of Sciences, from the Deputy Chairman of the Councils of the Branches of the USSR Academy of Sciences, 1954. Source: family archive of informant P. L.

графии, записные книжки, письма, то есть письменные источники личного происхождения [28: 17]. Эпистолярные материалы являются важной составляющей частью семейных архивов. Они выполняют функцию передачи информации между отдельными людьми и обеспечивают личные связи. Примером могут служить хранящиеся в семейном архиве информанта И. М. дореволюционное «открытое письмо», содержащее бытовой текст об отдыхе в Кисловодске, или письмо, адресованное отцу информанта Б. Е., от профессора кафедры разработки рудных месторождений Ленинградского горного института П. И. Городецкого по поводу поступления в аспирантуру.

В семейном архиве информанта П. Л. сохранились воспоминания ее деда об О. Ю. Шмидте. Текст был подготовлен для выступления по Мурманскому телевидению в 1966 году. В своих воспоминаниях дед подчеркивал доброту, простоту, скромность, а также организаторские способности О. Ю. Шмидта. Как любое мемуарное сочинение, оно ценно тем, что воспроизводит личный взгляд автора, основанный на ретроспективно описанных впечатлениях. Письменные мемуары

создаются «исключительно для фиксации памяти о прошлом» [9: 425].

На рис. 2 – титульный лист записной книжки прадеда информанта Б. Е., в которую он записывал значимые семейные события, например дни рождения, в течение нескольких лет. В дальнейшем традицию записывать в книжку важные семейные события продолжила его младшая дочь.

Рис. 2. Записная книжка прадеда.
Из семейного архива информанта Б. Е.

Figure 2. Great-grandfather's notebook.
Source: family archive of informant B. E.

В состав эго-документов входят автобиографии и дневники. Они обладают большим литературным потенциалом, побуждая потомков к творчеству. Автобиографии начинают писать в определенном возрасте, когда уже имеется жизненный опыт [15: 37, 41]. В ряде случаев воспоминания содержат истории семей, особенно когда приверженность профессии становилась преемственной [14: 8]. В семейном архиве информанта А. В. хранится автобиография или, как озаглавил отец, «*краткий автобиографический очерк*». Со слов сына, «*тетрадку он вел с пятьдесят седьмого по семьдесят восьмой год*» [ПМА. Информант А. В., 1961 г. р.]. Информант сгенерировал автобиографию отца в электронном виде, дополнив ее своими комментариями и семейными фотографиями.

При анализе письменных источников в первую очередь обращалось внимание на внешние особенности документа. Например, дореволюционные источники легко определяются по на-

личию в тексте буквы Ъ. Далее выяснялось происхождение, толкование текста информантом, сравнение содержания источника с документированными фактами. В нашем случае установить дату документов было несложно, так как все они обладали атрибуцией [5: 129].

Анализ всех видов письменных источников, хранящихся в семейных / родовых архивах, позволил проследить историю семьи на протяжении нескольких поколений.

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Визуальные источники представлены фотографиями, генеалогическими схемами, рисунками, которые способствуют воссозданию образов прошлого, выявлению характерных особенностей жизни как отдельного человека, так и его окружения [11: 34, 253]. Самым распространенным видом визуальных семейных источников являются фотографии, которые, как правило, хранятся в семейных фотоальбомах, располагаясь в хронологическом порядке [25: 64] и представляя визуальную историю жизни семьи. Часто они помогают информантам вспомнить и пересказать те или иные события [18: 76–78]. При интерпретации фотографий сведения, полученные во время интервью, сопоставлялись с информацией, размещенной в интернете, например на официальном сайте «Генеалогическое исследование рода и семьи».

При работе с фотографиями прежде всего устанавливалась атрибуция: кто запечатлен на снимке, когда и где производилась съемка. Фотографии передают атмосферу ушедшей эпохи, помогают в исследовании материального мира предков [29: 491], именно так они воспринимались информантами. Так, одежда изображенных определяет их социальный статус, и по фотографии сразу предполагается, что перед нами аристократическая семья: прабабушка Екатерина Николаевна фон Ренкуль (урожденная княжна Оболенская – в честь нее назвали нашего информанта), рядом с ней ее зять Александр Лашинский (дед информанта Я. Е.). Нижний ряд: зять, муж старшей дочери Веры, юрист Коровко; Миша; Вера Амандовна Коровко (урожденная фон Ренкуль); Татьяна (мать Я. Е.); Любовь Амандовна Лашинская (урожденная фон Ренкуль, бабушка) (рис. 3). На другой фотографии прадед, прабабушка и брат бабушки информанта Б. Е. Прадед был рабочим Путиловского завода, скорее всего, квалифицированный (рис. 4). По внешнему облику определяется, что семья относится к рабочему классу, так как мужчина в костюме и ботинках (а не в сапогах, как принято было

у крестьян), с часами, но в косоворотке. Понятно, что это «показная» фотография: нарядная одежда, украшения и позы неестественные.

Рис. 3. Слева стоит прабабушка Екатерина Николаевна фон Ренкуль (урожденная княжна Оболенская, 1845–1915). Рядом с ней ее близкие родственники. Санкт-Петербург, ~1910 год. Из семейного архива информанта Я. Е.

Figure 3. Informant's great-grandmother (left), Ekaterina Nikolaevna von Renkul (née Princess Obolenskaya, 1845–1915) with her close relatives next to her, St. Petersburg, c. 1910. Source: family archive of informant Ya. E.

Рис. 4. Семья рабочего: прадед, прабабушка и брат бабушки информанта. Санкт-Петербург, 1901 год. Из семейного архива информанта Б. Е.

Figure 4. Worker's family: informant's great-grandfather, great-grandmother, and grandmother's brother, St. Petersburg, 1901. Source: family archive of informant B. E.

На следующей дореволюционной фотографии прапрадед информанта Ж. Н. из зажиточной крестьянской семьи (рис. 5). На то, что он принадлежал к крестьянам, указывают косоворотка и сапоги, а то, что к зажиточному слою крестьян, — часы на цепочке в кармане жилета. Снимок был сде-

лан, скорее всего, в Петрозаводске, так как семья имеет веппские корни из села Шёлтозеро [2: 91]. Фотографии документируют жизнь рода, материализуя семейную память.

Рис. 5. В центре — прапрадед информанта из зажиточной крестьянской семьи. Петрозаводск. Из семейного архива информанта Ж. Н.

Figure 5. Informant's great-great-grandfather from a well-to-do peasant family (center), Petrozavodsk. Source: family archive of informant Zh. N.

ПОЛИВИДОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

К поливидовым относятся исторические источники, которые сочетают в себе разные виды документов или материалов, отражающих исторические события, явления или процессы. В их состав входят награды и фотографии с надписями, атрибуцией. Наличие сопроводительного текста к фотографии крайне важно, он помогает определить, кто изображен, где и когда проводилась съемка, а также рассказывает о родственниках, об отношениях между членами семьи. Например, на следующей фотографии — отец информанта К. П., старший писарь Лейб-гвардии Семеновского полка (рис. 6). Информант подчеркнул значение атрибуции:

«Вот самое ценное (из семейных реликвий. — Е. Б.) — это фотография отца тысяча девятьсот семнадцатого года. Тем более, там надпись есть. На груди — это не орден, а значок Семеновского полка» [ПМА. Информант К. В., 1944 г. р.].

Фотография матери информанта Я. Е. ценна тем, что на оборотной стороне написано шутивное послание от отца бабушке (теще) (рис. 7).

Рис. 6. Отец. Петроград, 28 декабря 1917 год.
Из семейного архива информанта К. П.

Figure 6. Father, Petrograd, 28 December 1917.
Source: family archive of informant K. P.

Поливидовыми источниками являются также памятные предметы с надписями, так как они соединяют свойства материальных и письменных источников. В частности, к ним относятся ордена и медали, а также реликвии с гравировкой. Так, в семье информанта К. М. хранится медаль деда «За оборону Заполярья», а у информанта Б. Е. – серебряная ложка с вензелем и надписью, подаренная отцу в день его 25-летия. Благодаря наличию гравировки родные знают, когда, кому и от кого был сделан подарок.

Поливидовые источники дают возможность реконструировать семейную историю, а при наличии атрибуции – установить достоверные данные на основе сопоставления с другими источниками, например устными [7: 55]. Лишь благодаря рассказам отца информанту М. Д. известно, что его дед:

«Был полковником авиации, отвечал за материально-техническое обеспечение летной части в составе оккупационных войск в Австрии» [ПМА. Информант М. Д., 1962 г. р.].

Рис. 7. Мать. Баку, 1930 год.
Из семейного архива информанта Я. Е.

Figure 7. Mother, Baku, 1930.
Source: family archive of informant Ya. E.

Иногда в процессе исследования нам удавалось найти на интернет-сайтах информацию, которая не была известна семье. Например, информант М. Д. (1962 г. р.) не знал, что за награда на фото у деда. Как выяснилось, это чехословацкий крест. В поиске сведений о предках информантов существенную помощь оказал сайт «Память народа», содержащий подлинные архивные документы о Великой Отечественной войне. Так, автор нашел на этом сайте информацию о награждении отца Ж. В. орденом Красного Знамени в 1942 году, орденами и медалями деда И. М., деда М. Д. (1968 г. р.)³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование семей научных сотрудников КНЦ опиралось на комплексную методику, прежде всего на методы устной истории, а также на анализ письменных источников и неопубликованных текстов воспоминаний, хранящихся в домашних архивах, ознакомление с предметами-реликвиями и фотографиями, представляющими для их владельцев мемориальную ценность.

Сведения, полученные в результате интервьюирования, сопоставлялись с данными семейных

архивов и с информацией, размещенной в интернете или опубликованной в других источниках. Сопоставление помогло, например, установить или уточнить даты рождения предков и их имена. Это еще раз подтверждает эффективность комплексной методики и компаративного подхода, при котором выявляются сходства и различия между этими видами источников, в изучении исторического знания [11: 254] и культуры любого сообщества [19: 30].

Важным обстоятельством было то, что представители семей научных сотрудников КНЦ, в отличие от ряда информантов с финскими корнями, с которыми ранее приходилось работать, сразу легко шли на контакт. Опасения со стороны финнов в общении с исследователем объясняются психологической травмой, нанесенной их народу в годы сталинских репрессий по национальному признаку [6: 126], и настороженность сохранилась у некоторых представителей старшего поколения. Пример тому – высказывание пожилой финки: *«Я никогда никому ничего не говорила. Вы сами понимаете, какие времена были»* [27: 164].

В общении с «академическими» семьями естественным образом на основе многолетнего знакомства участников исследования реализо-

вался принцип доверительного сотрудничества, который является залогом успешной антропологической работы.

В статье дано описание видов источников и методов, применяемых при их изучении. Акцент в исследовании был сделан на мемориальной культуре семей. Было установлено, что во всех семьях существует семейный (родовой) архив. Рассмотрены способы коммеморации в семьях научных сотрудников КНЦ, используемые в целях сохранения и передачи истории рода последующим поколениям. Например, создаются архивные папки для биографических документов и других видов письменных материалов, оформляются фотоальбомы, составляются генеалогические схемы (поколенные росписи) – иногда отдельно по отцовской и материнской линиям. Сюда же относятся атрибутирование и бережное хранение мемориальных предметов (в некоторых семьях существуют описи реликвий). Большое распространение имеет дублирование в электронном виде всех имеющихся материалов. Таким образом, исследование позволило сделать вывод об эффективности комплексного подхода и компаративного метода при изучении семейной мемориальной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пьер Бурдьё: французский социолог, чья теория меняет наше понимание общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nauchniestati.ru/spravka/burde-per-francuzskij-socziolog> (дата обращения 17.08.2026).

² Бессмертный полк. <https://moypolk.ru>.

³ Генеалогическое исследование рода и семьи. <https://familio.org/persons>.

⁴ Память народа. <https://pamyat-naroda.ru>.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

- Я. Е., 1932 г. р., ж., кандидат технических наук, старший научный сотрудник ИХТРЭМС, дочь – научный сотрудник ЦЭС КНЦ;
К. В., 1944 г. р., м., начальник патентного отдела КНЦ, племянник – кандидат технических наук, старший научный сотрудник ГИ;
Ж. В., 1952 г. р., м., член-корреспондент РАН, доктор биологических наук, советник генерального директора КНЦ по медико-биологическим вопросам, отец (1913–1977) – кандидат геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией ГИ;
Б. Е., 1960 г. р., ж., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЦГИ, отец – доктор технических наук, ведущий научный сотрудник Горного института;
А. В., 1961 г. р., м., кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник КФ ГС, племянница – кандидат биологических наук, ученый секретарь КФ ГС;
М. Д., 1962 г. р., м., кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник ИХТРЭМС, отец – кандидат технических наук, старший научный сотрудник ИХТРЭМС;
И. М., 1968 г. р., ж., доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЭП, отец – доктор технических наук, главный научный сотрудник ПШИ;
М. Д., 1968 г. р., м., доктор технических наук, директор ИППЭС, отец – доктор технических наук, заместитель директора по научной работе ИХТРЭМС;
С. Т., 1970 г. р., ж., доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЭП, отец (1937–2024) – доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник ГИ;
К. М., 1975 г. р., м., кандидат технических наук, старший научный сотрудник ГИ, дядя – начальник патентного отдела КНЦ;
М. Н., 1975 г. р., ж., кандидат технических наук, старший научный сотрудник ИХТРЭМС; отец – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ПАБСИ, мать – кандидат технических наук, старший научный сотрудник ИХТРЭМС;

Ж. Н., 1985 г. р., м., инженер и аспирант ИХТРЭМС, отец – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЭП;

П. Л., 1988 г. р., ж., заведующая научным архивом КНЦ, отец – ведущий инженер-программист Горного института, бабушка – кандидат химических наук, старший научный сотрудник ИХТРЭМС, дедушка – кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией сейсмологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИ – Геологический институт

ИППЭС – Институт проблем промышленной экологии Севера

ИХТРЭМС – Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья

ИЭП – Институт экономических проблем

КНЦ – Кольский научный центр

КФАН – Кольский филиал Академии наук СССР (1949–1988 годы)

КФГС – Кольский филиал Единой геофизической службы

ПАБСИ – Полярно-альпийский ботанический сад-институт

ПГИ – Полярный геофизический институт

ПМА – полевые материалы автора

ЦГИ – Центр гуманитарных исследований

ЦЭС – Центр физико-технических проблем энергетики Севера

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Бусырева Е. В. Культурные практики в семьях с карельскими и вепскими корнями // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 12. С. 85–95.
3. Грибанова Н. С. Этнографические методы сбора информации (наблюдение, опрос) // Этнографические исследования истории и культуры народов Алтайского края: Учеб. пособие / Т. К. Щеглова, Н. С. Грибанова, Н. В. Люля и др.; Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: АлтГПУ, 2019. С. 41–48.
4. Денисов С. Ф., Денисова Л. В. Научное сообщество и его формы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2007. № 2 (26). С. 30–33.
5. Есипова Е. А., Климкин В. М., Елизаров А. И. Письменный источник как предмет материальной культуры // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276. С. 129–132.
6. Илюха О. П. Повседневность советско-финляндского пограничья 1930-х годов в воспоминаниях о детстве // Труды КарНЦ РАН. Серия «Гуманитарные исследования». 2012. № 4 (3). С. 124–133.
7. Карандин К. С. Особенности применения стратегии триангуляции в социологических исследованиях // Экономика. Социология. Право. 2016. № 4. С. 47–53.
8. Касаткина А. К. Городская этнография в формате web: Техника сбора данных, этика, перспективы // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 14 / Отв. ред. Е. Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 230–246.
9. Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом, археографическом и источниковедческом знании // Историческая память и российская идентичность / Под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 424–430.
10. Комарова Г. А. Научное сообщество как междисциплинарное исследовательское поле // Политическая концептология. 2011. № 1. С. 133–150.
11. Магидов В. М. Кинофотодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 394 с.
12. Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
13. Разумова И. А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения // «Наивная литература»: Исследования и тексты / Сост. С. Ю. Неклюдов. М.: МОНФ, 2001. С. 93–115.
14. Разумова И. А., Саморукова А. Г. Хроника жизни ученого-геолога как исторический и социально-антропологический источник // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Вып. 20. С. 5–25. DOI: 10.37614/2307-5252.2021.1.20.001
15. Разумова И. А., Саморукова А. Г. Жанрово-видовые особенности книги воспоминаний Е. Б. Халезовой. Ч. 1. Автобиография // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2022. Т. 13, № 2. С. 32–48. DOI: 10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.003
16. Рогозин Д. М. Биографический метод: обзор литературы // Социологическое обозрение. 2015. Т. 10, № 1. С. 120–129.
17. Рогозин Д. М. Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14, № 1. С. 224–273.
18. Рыков А. В. Материалы семейного архива как исторический источник // Этнографические исследования истории и культуры народов Алтайского края: Учеб. пособие / Т. К. Щеглова, Н. С. Грибанова, Н. В. Люля и др.; Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: АлтГПУ, 2019. С. 62–86.

19. Соколовский С. В. Автоэтнография и антропологические исследования науки // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Серия: Этнос. Культура. Социум. 2010. Т. 15. С. 29–48.
20. Фоминых С. Ф., Степнов А. О. Повседневность ученых г. Томска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 132–142. DOI: 10.17223/15617793/412/22
21. Фрумкин К. Г. Любование ученым сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 348 с.
22. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
23. Шалин В. В., Астахова Р. К. Семейно-родовая память как ресурс формирования семейной культуры личности // Теория и практика общественного развития. 2020. Вып. 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.dom-hors.ru/teoria-praktika/2020/5> (дата обращения 21.05.2026).
24. Шмидт С. О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвящ. памяти А. Л. Станиславского: Тез. докл. и сообщений. М.: РГГУ, 1991. С. 262–263.
25. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М.: Логос, 2010. 168 с.
26. Щепанская Т. Б. Конструкции гендера в неформальном дискурсе профессий // Антропология профессий / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга, 2005. С. 50–100.
27. Busyreva E. Le cas des familles russes d'origine finnoise dans l'oblast' de Murmansk. Ego-documents en Russie du Moyen Âge à nos jours // Revue des études slaves. 2021. Tome 92, fasc. 1. P. 161–172. DOI: 10.4000/res.4193
28. Dekker R. Jacques Presser's heritage: Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilización. 2002. № 5. P. 13–37. Available at: <http://www.egodocument.net/pdf/2.pdf> (accessed 07.05.2026).
29. Twine F. Visual ethnography and racial theory: Family photographs as archives of interracial intimacies // Ethnic and Racial Studies. 2006. Issue 29, № 3. P. 487–511.

Поступила в редакцию 10.06.2026; принята к публикации 14.08.2026; дата публикации 30.09.2026

Original article

Elena V. Busyreva, Cand. Sc. (History), Senior Researcher,
Centre of the Humanities Research, Kola Science Centre of the
Russian Academy of Sciences (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2054-2910; ebusyрева@mail.ru

METHODS OF WORK WITH FIELD SOURCES IN STUDYING FAMILY HISTORY

Abstract. This article aims to explore and describe the types of sources and methods used in studying the family histories of research fellows affiliated with the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. The studied families included those with members who have worked at the Kola Science Centre (formerly the Kola Branch of the USSR Academy of Sciences) across two to three generations. The study focused on the memorial culture associated with the preservation of memory within these families. Despite increasing scholarly interest, many aspects related to the memorial culture among the families of research fellows remain underexplored. Notably, socio-cultural characteristics of this category of families are predominantly examined from a gendered perspective. Using the methods outlined in this article, the author attempts to identify the commemorative practices employed by these families to preserve and transmit their family history to future generations. The research is based on the results of the author's fieldwork, including interviews and analysis of family archives. A comprehensive analysis of documents, oral sources, visual materials, and multi-faceted sources reflecting individual events was used to reconstruct the family histories. The findings reveal that all the informants' families have engaged in commemorative practices aimed at maintaining and passing down their family history. An important factor contributing to the success of this research was the inclusion of two generations of the author's own family within the community studied, which facilitated interactions with the informants and supported the implementation of the principle of trustful cooperation among the participants in the anthropological study.

Key words: researchers, Kola Science Centre, interviewing, biographical documents, ego-documents, epistolary materials, visual sources, multi-faceted historical sources, comparative method

Acknowledgements. The article was written as part of the state research task No FMEZ-2024-0002 ("The Dynamics of the Sociocultural Landscape of the Kola North in the Context of the History of the Development of Russia's Arctic Frontier") assigned to the Centre of the Humanities Research at the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Busyreva, E. V. Methods of work with field sources in studying family history. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):92–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1355

REFERENCES

1. Assman, J. Cultural memory: writing, remembrance, and political identity in early civilizations. (M. M. Sokolskaya, Transl.). Moscow, 2004. 368 p. (In Russ.)

2. Busyрева, Е. В. Cultural practices in families with Karelian and Vepski roots. *Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies*. 2017;8(12):85–95. (In Russ.)
3. Griбанова, Н. С. Ethnographic methods of collecting information (observation, survey). *Ethnographic studies of the history and culture of the peoples of the Altai Territory: Textbook*. (T. K. Shcheglova, Ed.). Barnaul, 2019. P. 41–48. (In Russ.)
4. Denisov, S. F., Denisova, L. V. Scientific community and its forms. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2007;2(26):30–33. (In Russ.)
5. Esipova, E. A., Klimkin, V. M., Elizarov, A. I. Written source as a subject of material culture. *Tomsk State University Journal*. 2003;276:129–132. (In Russ.)
6. Ilyukha, O. P. Daily life on the Soviet-Finnish borderland of the 1930s in childhood memories. *Transactions of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*. “Research in the Humanities” Series. 2012;4(3):124–133. (In Russ.)
7. Karandin, K. S. Features of triangulation strategy in sociological research. *Economics. Sociology. Law*. 2016;4:47–53. (In Russ.)
8. Kasatkina, A. K. Urban ethnography in web format: Data collection techniques, ethics, prospects. *Field study materials of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences*. Issue 14. St. Petersburg, 2014. P. 230–246. (In Russ.)
9. Kozlov, V. P. Documentary memory in archival, archaeographic, and source study knowledge. Historical memory and Russian identity. (V. A. Tishkov, E. A. Pivneva, Eds.). Moscow, 2018. P. 424–430. (In Russ.)
10. Komarova, G. A. Scientific community as an interdisciplinary field. *The Political Conceptology*. 2011;1:133–150. (In Russ.)
11. Magidov, V. M. Film and photo documents in the context of historical knowledge. Moscow, 2005. 394 p. (In Russ.)
12. Razumova, I. A. Hidden knowledge of the modern Russian family. Everyday life. Folklore. History. Moscow, 2001. 376 p. (In Russ.)
13. Razumova, I. A. Written traditions of the modern family: problems of collection and study. “Naive literature”: Research and texts. (S. Yu. Neklyudov, Ed.). Moscow, 2001. P. 93–115. (In Russ.)
14. Razumova, I. A., Samorukova, A. G. The life chronicle of a geologist as a historical and socio-anthropological source. *Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies*. 2021;20:5–25. DOI: 10.37614/2307-5252.2021.1.20.001 (In Russ.)
15. Razumova, I. A., Samorukova, A. G. Genre and specific features of the book of memoirs by E. B. Khalezova. Part 1. Autobiography. *Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies*. 2022;8(2):32–48. DOI: 10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.003 (In Russ.)
16. Rogozin, D. M. Biographic method: review. *Russian Sociological Review*. 2015;10(1):120–129. (In Russ.)
17. Rogozin, D. M. How autoethnography works. *Russian Sociological Review*. 2015;14(1):224–273. (In Russ.)
18. Rykov, A. V. Materials of the family archive as a historical source. *Ethnographic studies of the history and culture of the peoples of the Altai Territory: Textbook*. (T. K. Shcheglova, Ed.). Barnaul, 2019. P. 62–86. (In Russ.)
19. Sokolovsky, S. V. Autoethnography and anthropological studies of science. *Ethnomethodology: Problems, Approaches, Concepts*. Series: Ethnos. Culture. Society. 2010;15:29–48. (In Russ.)
20. Fominykh, S. F., Stepnov, A. O. Daily life of Tomsk scholars during the Great Patriotic War (1941–1945). *Tomsk State University Journal*. 2016;412:132–142. DOI: 10.17223/15617793/412/22 (In Russ.)
21. Frumkin, K. G. Admiring the academic class: Reflection of the social history of Soviet science in literature, art, and public rhetoric. Moscow; St. Petersburg, 2022. 348 p. (In Russ.)
22. Halbwachs, M. The social framework of memory. (S. N. Zenkin, Transl.). Moscow, 2007. 348 p. (In Russ.)
23. Shalin, V. V., Astakhova, R. K. Family and generic memory as a resource for forming a family culture of a person. *Theory and Practice of Social Development*. 2020;5. Available at: <https://archive.dom-hors.ru/teoria-praktika/2020/5> (accessed 21.08.2026). (In Russ.)
24. Schmidt, S. O. Prerequisites for the “oral history” in the historiographic culture of Russia. *Realism of historical thinking. Problems of Russian history of the feudal period: Readings Dedicated to the Memory of A. L. Stanislavsky: Abstracts of reports*. Moscow, 1991. P. 262–263. (In Russ.)
25. Szto mpka, P. Visual sociology. Photography as a research method. Moscow, 2010. 168 p. (In Russ.)
26. Shchepanskaya, T. B. Constructions of gender in the informal discourse of professions. *Anthropology of professions*. (P. V. Romanov, E. R. Yarskaya-Smirnova, Eds.). Saratov, 2005. P. 50–100. (In Russ.)
27. Busyрева, Е. Le cas des familles russes d’origine finnoise dans l’oblast’ de Murmansk. Ego-documents en Russie du Moyen Âge à nos jours. *Revue des études slaves*. 2021;92(1):161–172.
28. Dekker, R. Jacques Presser’s heritage: Egodocuments in the study of history. *Memoria y Civilización*. 2002;5:13–37. Available at: <http://www.egodocument.net/pdf/2.pdf> (accessed 07.05.2026).
29. Twine, F. Visual ethnography and racial theory: Family photographs as archives of interracial intimacies. *Ethnic and Racial Studies*. 2006;29(3):487–511.

Received: 10 June 2026; accepted: 14 August 2026; published: 30 September 2026

Дискуссии

От редакции. В полемической статье И. Г. Широбокова подняты неоднозначные, требующие решения вопросы о научной этике при антропологическом изучении человеческих останков. Автор считает, что именно пример старых финских кладбищ мог бы послужить началом общественной дискуссии и диалогу профессионалов «об этике обращения с останками», в которых должны принять участие все заинтересованные стороны.

Научная статья

DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1356

EDN: SHNBRT

УДК 572

Этнология, антропология и этнография

ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ ШИРОБОКОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Отдела антропологии

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-3555-7509; ivansmith@bk.ru

**СКЕЛЕТЫ В ШКАФУ: ФИНСКОЕ КЛАДБИЩЕ
КАК ИСТОЧНИК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ**

А н н о т а ц и я . Целью статьи является анализ условий, при которых оказалось возможным изъятие человеческих останков из относительно недавних захоронений для проведения антропологических исследований и пополнения музейных коллекций. На примере раскопок карело-финского кладбища у поселка Куркиеки показано, как разрыв социальной преемственности, вызванный территориальными изменениями середины XX века, позволил антропологам применить к захоронениям логику работы с древним археологическим материалом. После возвращения потомков в постсоветский период краниологические и историко-антропологические исследования по-прежнему проводятся без обсуждения факта изъятия останков. Необходимо пересмотр сциентистской модели исследования, а также обсуждение институциональных механизмов взаимодействия с заинтересованными сообществами. **К л ю ч е в ы е с л о в а :** профессиональная этика, физическая антропология, Северо-Восточная Европа

Д л я ц и т и р о в а н и я : Широбоков И. Г. Скелеты в шкафу: финское кладбище как источник антропологических данных // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 103–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1356

ВВЕДЕНИЕ

Формирование антропологических и анатомических коллекций в музеях и научных учреждениях Европы и Северной Америки в эпоху Нового времени происходило в условиях, когда интересы сообществ, останки предков которых извлекались из могил, систематически игнорировались. Анализ практик европейских физических антропологов XIX века показывает, что сбор краниологического материала был тесно связан с колониальными проектами и представлением о научном познании как о высшей цели. К концу XIX века сбор краниологических материалов стал стандартной практикой физических антропологов, применяемой ко всем доступным источникам – независимо от этнической принадлежности или времени захоронения [11]. Ситуация начала меняться лишь во второй половине XX века, когда движения за права коренных народов, изменения законодательства и рост этической рефлексии в академическом сообществе привели к пересмотру этих практик и разработке первых профессиональных этических кодексов [17], [18].

Именно давление общественности послужило толчком к дискуссии в среде европейских и американских антропологов о проблемах профессиональной этики при обращении с человеческими останками. Как показывает американский и британский опыт, разработка формализованных процедур оценки претензий и консультаций с заинтересованными группами позволяет если не разрешить, то, по крайней мере, артикулировать этические дилеммы [15], [17]. В российской практике, в условиях отсутствия формализованных механизмов участия заинтересованных сторон, эти вопросы остаются на периферии академического дискурса. Неслучайно взаимоотношения исследователей и общества, проблемы изучения, хранения и публичного выставления останков обсуждаются чаще всего на зарубежных примерах или примере «Алтайской принцессы» [3], [5], [16]. Общественный резонанс и вовлеченность региональных властей в решение судьбы пазырыкской мумии привлекли внимание к теме исследователей, как правило, игнорирующих более типичные для российской практики,

но не получившие при этом освещения в СМИ случаи этически сложного обращения с человеческими останками.

Для функционирования этических норм недостаточно самого наличия заинтересованных сторон – необходимы институциональные условия, обеспечивающие их видимость и участие. При их отсутствии исследовательские практики, типичные для XIX века, могут воспроизводиться и в настоящее время. Проблема заключается не в «аморальности» исследователей, а в ограниченности дисциплинарной оптики, в рамках которой человеческие останки фактически редуцируются к источнику данных. Рассмотренный далее кейс позволяет поставить вопрос о границах такой редукции и необходимости профессиональной саморефлексии: в какой мере антропологическая практика может оставаться замкнутой в собственных методологических основаниях, игнорируя социальное и мемориальное измерения объекта исследования.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ

Показательным примером является история раскопок на старом карело-финском кладбище у поселка Куркиеки, расположенного в Лахденпохском районе Карелии. В XIX веке поселок входил в состав Великого княжества Финляндского, до 1940 года – в состав Финляндии. К этому времени в нем проживало около 10 000 человек. По итогам советско-финской войны (1941–1944) территория окончательно отошла к СССР, а финское население было эвакуировано. В результате разрывы социально-демографической преемственности захоронения финского населения оказались фактически «обезличенными» в институциональном поле: они не были защищены ни потомками (живущими теперь в Финляндии), ни местным населением (новыми жителями, для которых эти кладбища не имели семейной истории), ни региональными властями [14].

В 1986 году силами Североевропейского палеоантропологического отряда ЛО ИЭ АН СССР на территории Лахденпохского района Карелии проводились исследования финских кладбищ XVIII – начала XX века с целью получения данных об антропологическом облике (краниологической характеристике) населения Северо-Западного Приладожья. Руководителем отряда В. И. Хартановичем было принято решение провести раскопки погребений на заброшенном кладбище церковного прихода Куркиеки, на что было получено разрешение местного правления. У Куркиеки находятся три кладбища – «старое», «среднее» и «новое» (действующее). Раскопки проводились на территории «среднего» кладбища. В ходе работ было вскрыто около 150 могил довоенного

времени, из которых извлечены около 100 черепов. Большая часть вскрытых погребений не имела сохранившихся надмогильных сооружений, но в отдельных случаях раскапывались также могилы с надмогильными знаками (чугунными крестами и каменными плитами), содержащими имена и даты жизни умерших [7: 219]. Полученная краниологическая серия была зарегистрирована в музейном фонде Кунсткамеры (колл. № 6930)¹.

В послевоенное время старые финские кладбища часто воспринимались местными жителями как значимые топографические объекты, не требовавшие при посещении соблюдения каких-либо специальных норм и четко отделяемые от «своих» кладбищ [4]. В этих условиях антропологи приступили к работам, руководствуясь той же логикой, какой обычно руководствуются археологи при раскопках средневекового могильника. С изменением границ в советский период уход из региона финнов был воспринят как исчезновение заинтересованной стороны: кладбище представлялось заброшенным. Главенствующая сциентистская модель исследования не предполагает этической рефлексии, а у заинтересованных сторон не было возможности повлиять на действия антропологов.

Раскопки были частью масштабной исследовательской программы, направленной на решение проблем формирования антропологического состава различных этнических групп населения Северо-Восточной Европы [6]. К рубежу 1980–1990-х годов В. И. Хартановичем были собраны и введены в научный оборот множество краниологических серий, характеризующих этнолокальные группы карел, саамов Кольского полуострова, а также коми-зырян [7], [8], [9], [10]. Эти материалы позволили выявить специфический краниологический комплекс, характерный для карел, который резко отличал их от ближайших лингвистических родственников – финнов и эстонцев, и сближающий их с коми-зырянами [8], [9]. Все краниологические серии были получены из раскопок кладбищ XVIII – начала XX века. С одной стороны, близость к настоящему времени позволяла с уверенностью идентифицировать этнокультурную принадлежность останков. С другой – кладбища были недействующими ко времени проведения работ. Политика укрупнения деревень, вынужденное переселение жителей нередко приводили к разрыву связей с местами упокоения предков не только в среде финского, но также карельского и вепсского населения, хотя в этом случае границы не препятствовали посещению кладбищ.

Впрочем, кладбища не сохранили и следы посещений антропологов: раскопки проводились точно, а по окончании работ захоронениям возвращался первоначальный вид. Из могил отбирались исключительно черепа, тогда как ске-

леты оставались на месте захоронения. Такой избирательный подход (фактически извлечение образцов) также был обусловлен не этическими соображениями, а логикой исследовательской программы. Изучение палеопатологий, особенностей телосложения и других аспектов физического облика населения, требующих анализа полных скелетов, не входило в ее цели.

Проведение раскопок не было обусловлено несознательным пренебрежением антропологов к представителям прибалтийско-финских народов. Работы были нацелены на получение антропологических данных по тем этническим группам региона, которые были недостаточно представлены в собраниях российских музеев. К этому времени в фондах Кунсткамеры уже находились серии черепов русских из раскопок кладбищ Нового времени (Себежа, Старой Ладogi), а также черепа уроженцев различных губерний Европейской России, полученные в ходе препарирования не востребованных родственниками тел и относящиеся к началу XX века [12]. Скелетные останки всех этнических групп рассматривались как равноценные объекты изучения и при прочих равных условиях имели одинаковые шансы стать частью музейного фонда. Эта методологическая позиция характерна для советской антропологической школы, которая традиционно фокусировалась на краниологии как инструменте расогенетических и этногенетических реконструкций [1], [6], а также на научной критике расовых теорий, в том числе в музейном формате [2].

Уникальность случая Куркиеки заключается в том, что разрыв связей был временным. В постсоветское время финны вновь получили возможность посещать покинутые родные деревни и кладбища, совершать организованные экскурсии, ухаживать за военными мемориалами и местами погребений родственников [14]. В 1990-е годы старые финские кладбища и отдельные захоронения начали получать официальное признание объектов исторического наследия. Приказом Управления по охране объектов культурного наследия Республики Карелия от 06.03.2019 г. № 44 «Лютеранское кладбище XIX в. с фундаментом церковно-приходской школы» («среднее» кладбище Куркиеки) было включено в единый государственный реестр в качестве объекта культурного наследия регионального значения. Тот же статус получило и «старое» кладбище. С началом ностальгического туризма на территорию Приладожской Карелии финские кладбища приобрели статус местного достояния и в восприятии местных жителей [4]. Финскими и российскими энтузиастами ведутся работы по расчистке и документированию сохранившихся надгробий, восстановлению имен и дат, поиску архивных записей. Для потомков кладбище Куркиеки остается местом упокоения предков; им неизвестно, что останки некоторых их родственников стали частью музейных

фондов. Узкая направленность краниологических исследований, публикуемых преимущественно на русском языке, не способствует распространению этой информации.

Любопытно отметить, что эта разделенность информационного поля характерна и для академических работ. Публикации, посвященные физико-антропологическим исследованиям финского населения, и работы в области исторической антропологии, культурной географии и *memory studies* содержательно не касаются общих тем и не имеют перекрестных ссылок.

С одной стороны, существуют работы, в которых фигурирует краниологическая серия из Куркиеки, проанализированная в сугубо антропологическом ключе, как материал, имеющий важное значение для изучения проблем формирования антропологического состава населения региона. В соответствии с задачей исследователями используется технический, специализированный язык, язык статистики: человеческие останки представлены как объект антропологического анализа, лишенный биографий, социального контекста и эмоционального измерения [7]. Опубликованные краниометрические данные используются в качестве сравнительного материала, в том числе и зарубежными исследователями (например, [13]). Поскольку в отдельных случаях известны пол и возраст умерших, черепа были использованы не только в работах этногенетической направленности, но и – вместе с упоминавшейся выше серией черепов русских начала XX века – для тестирования точности ряда антропологических методик [12].

С другой стороны, существует корпус исследований, посвященных практикам памяти финских переселенцев: их паломничеству в Карелию, ритуалам поминовения, поиску родовых захоронений, эмоциональному опыту и «политике места» [4], [14] и др. Эти работы детально описывают, как бывшие жители и их потомки заново открывают для себя утраченные территории, ищут могилы предков, ухаживают за ними, устанавливают памятники и проводят поминальные церемонии. Авторы этих исследований не знают (или не упоминают), что часть останков с этих кладбищ была изъята антропологами и находится в музейных фондах.

Этот дисциплинарный разрыв – не случайность, а следствие институциональной организации науки, где физическая и культурная антропология продолжают развиваться изолированно друг от друга. Российские исследователи, работающие со скелетными останками, не соотносят свои данные с работами по практикам памяти, и наоборот. В результате случай Куркиеки остается «невидимым» сразу для обеих исследовательских традиций: его историческая важность очевидным образом недооценивается, потому что вообще не обсуждается в научном поле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Случай Куркиеки – лишь один из примеров, иллюстрирующих общую закономерность: превращение человеческих останков в объект научных исследований становится возможным в ситуации ослабления или разрыва социальных связей между умершими и живыми сообществами. В XX веке такой разрыв часто оказывался следствием масштабных политических трансформаций. При отсутствии устойчивых акторов и механизмов внешнего контроля даже относительно недавние и маркированные погребения могут включаться в научный оборот в рамках той же логики, которой руководствовались исследователи XIX – начала XX века.

Проблемы этики в антропологии не могут быть сведены к разработке формальных норм. Необходим пересмотр самой исследовательской

оптики – признание того, что антропологический объект обладает одновременно научным, социальным и этическим измерениями. Как показывает история становления профессиональной этики в западной антропологии, подобный пересмотр редко происходит изнутри дисциплины: и в американской, и в европейской антропологии толчком к рефлексии послужило именно давление извне – движения за права коренных народов, изменения законодательства, общественный резонанс. В России формализованные механизмы такого давления отсутствуют, поэтому только открытое обсуждение проблемы, в том числе на страницах научных журналов, может способствовать становлению профессиональной этики антропологов, работающих с человеческими останками.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Автор выражает искреннюю признательность В. И. Хартановичу за участие в обсуждении текста статьи. По причинам этического характера его отношение к возможности публикации рассматриваемого случая имело ключевое значение для решения автора вынести его в поле публичного обсуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 324 с.
2. Балахонова Е. И. Расовый отдел Музея антропологии МГУ в 1930-х годах: к истории научной критики расовых теорий в советской музейной практике // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2026. № 2. С. 172–184. DOI: 10.55959/MSU2074-8132-26-2-14
3. Жолудева Н. Р. К вопросу об общественной реакции на археологические открытия // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 13. С. 106–113.
4. Мельникова Е. А. Финские кладбища в России: кросс-границные группы памяти и новый моральный порядок // Антропологический форум. 2019. № 43. С. 11–40.
5. Плетц Г., Соенов В. И., Константинов Н. А., Робинсон Э. Международное значение репатриации «Укокской принцессы» (готова ли российская археология к диалогу с коренными народами?) // Древности Сибири и Центральной Азии. 2014. № 7 (19). С. 17–46.
6. Хартанович В. И. Древние и современные антропологические типы Северо-Западной России и Финноскандии // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. С. 499–507.
7. Хартанович В. И. К краниологии населения Северо-Западного Приладожья XIX – начала XX в. // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы. Рига: Зинатне, 1990. С. 216–229.
8. Хартанович В. И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 63–120.
9. Хартанович В. И. Новые материалы к краниологии коми-зырян // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1991. Т. 44 (Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии). С. 108–125.
10. Хартанович В. И. Новые материалы к краниологии саамов Кольского п-ова // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР (Сборник МАЭ, Т. 36). Л.: Наука, 1980. С. 35–47.
11. Ширококов И. Г. Об этических и культурных аспектах изучения останков человека // Вестник антропологии. 2025. Вып. 4. С. 300–313. DOI: 10.33876/2311-0546/2025-4/300-313
12. Ширококов И. Г. Селективный подход к оценке возраста человека (на примере методов оценки облитерации швов черепа) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. № 2. С. 147–158.
13. Allmäe R. Composition of urban population of Pärnu in the 16th–18th centuries // Papers on Anthropology. 2009. Vol. XVIII. P. 38–48.
14. Korjonen-Kuusipuro K., Kuusisto-Arponen A.-K. Emotional silences: The rituals of remembering the Finnish Karelia // Painful pasts and useful memories. Remembering and forgetting in Europe. (CFE Conference Papers Series; Vol. 5). (N. Bernsand, B. Tornquist-Plewa, Eds.). Lund: Lund University, 2012. P. 109–126.
15. Mays S., Smith M. Ethical dimensions of reburial, retention and repatriation of archaeological human remains: A British perspective // Proceedings of the Ninth Annual Conference of the British Association for Biological Anthropology and Osteoarchaeology. Oxford: Archaeopress, 2009. P. 107–117.
16. Pimenova K. From a museum of others to a museum of selves: repatriation, affective relations, and social values of archaeological human remains // HAU Journal of Ethnographic Theory. 2023. Vol. 13 (1). P. 159–178.
17. Schug G. R., Halcrow S. E., Cova C. de la. They are people too: The ethics of curation and use of human skeletal remains for teaching and research // American Journal of Biological Anthropology. 2025. P. 1–16.

18. Walker P. L. Bioarchaeological ethics: A historical perspective on the value of human remains // *Biological anthropology of the human skeleton*. (M. A. Katzenberg, S. R. Saunders, Eds.). Hoboken, NJ: Wiley, 2000. P. 3–39. DOI: 10.1002/9780470245842.ch1

Поступила в редакцию 13.07.2026; принята к публикации 04.09.2026; дата публикации 30.09.2026

Original article

Ivan G. Shirobokov, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3555-7509; ivansmith@bk.ru

SKELETONS IN THE CLOSET: A FINNISH CEMETERY AS A SOURCE OF ANTHROPOLOGICAL DATA

Abstract. The article aims to analyze the conditions under which the removal of human remains from relatively recent burials became possible for the purposes of anthropological research and the expansion of museum collections. Drawing on the case of excavations at a Karelian-Finnish cemetery near the settlement of Kurkijoki, the study demonstrates how the rupture of social continuity, caused by the territorial changes of the mid-twentieth century, enabled anthropologists to apply to these burials the same logic used in the study of ancient archaeological material. Following the return of descendants in the post-Soviet period, craniological and historical-anthropological research has continued without addressing the fact of the removal of the remains. The case calls for a reconsideration of the scientific model of research, as well as for discussion of institutional mechanisms for engagement with stakeholder communities.

Key words: professional ethics, physical anthropology, Northeastern Europe

For citation: Shirobokov, I. G. Skeletons in the closet: a Finnish cemetery as a source of anthropological data. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):103–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1356

REFERENCES

1. Alekseev, V. P. The origin of the peoples of Eastern Europe (a craniological study). Moscow, 1969. 324 p. (In Russ.)
2. Balakhonova, E. I. The Racial Department of the Museum of Anthropology at Moscow State University in the 1930s: on the history of scientific criticism of racial theories in Soviet museum practice. *Lomonosov Journal of Anthropology*. 2026;2:172–184. DOI: 10.55959/MSU2074-8132-26-2-14 (In Russ.)
3. Zholudeva, N. R. On the issue of public reaction to archaeological discoveries. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2015;13:106–113. (In Russ.)
4. Melnikova, E. A. Finnish cemeteries in Russia: cross-border groups of memory and the new moral order. *Forum for Anthropology and Culture*. 2019;43:11–40. DOI: 10.31250/1815-8870-2019-15-43-11-40 (In Russ.)
5. Plets, G., Soenov, V. I., Konstantinov, N. A., Robinson, E. The international significance of the repatriation of the “Ukok Princess” (is Russian archaeology ready for dialogue with indigenous peoples?). *Drevnosti Sibiri i Tsentralnoy Azii*. 2014;7(19):17–46. (In Russ.)
6. Khartanovich, V. I. Ancient and modern anthropological types of Northwestern Russia and Fennoscandia. *Essays on historical geography. Northwestern Russia. Slavs and Finns*. St. Petersburg, 2001. P. 499–507. (In Russ.)
7. Khartanovich, V. I. A study in craniology of the population of the Northwestern Ladoga Region (XIX – early XX centuries). *Balts, Slavs, and the Baltic Finnic peoples. Ethnogenetic processes*. Riga, 1990. P. 216–229. (In Russ.)
8. Khartanovich, V. I. Craniology of the Karelians. *Anthropology of modern and ancient population of the European part of the USSR*. Leningrad, 1986. P. 63–120. (In Russ.)
9. Khartanovich, V. I. New materials on the craniology of the Komi-Zyryans. *Sbornik Museya antropologii i etnografii*. 1991;44:108–125. (In Russ.)
10. Khartanovich, V. I. New materials on the craniology of the Kola Peninsula Saami. *Issledovaniya po paleoantropologii i kranilogii SSSR (Sbornik MAE)*. 1980;36:35–47. (In Russ.)
11. Shirobokov, I. G. On the ethical and cultural aspects of studying human remains. *Herald of Anthropology*. 2025;4:300–313. DOI: 10.33876/2311-0546/2025-4/300-313 (In Russ.)
12. Shirobokov, I. G. A selective approach to human age estimation: a case study of cranial closure methods. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. 2025;2:147–158. (In Russ.)
13. Allmäe, R. Composition of urban population of Pärnu in the 16th–18th centuries. *Papers on Anthropology*. 2009;XVIII:38–48.
14. Korjonen-Kuusipuro, K., Kuusisto-Arponen, A.-K. Emotional silences: The rituals of remembering the Finnish Karelia. *Painful pasts and useful memories. Remembering and forgetting in Europe*. (CFE Conference Papers Series; Vol. 5). (N. Bernsand, B. Tornquist-Plewa, Eds.). Lund, 2012. P. 109–126.
15. Mays, S., Smith, M. Ethical dimensions of reburial, retention and repatriation of archaeological human remains: A British perspective. *Proceedings of the Ninth Annual Conference of the British Association for Biological Anthropology and Osteoarchaeology*. Oxford, 2009. P. 107–117.
16. Pimenova, K. From a museum of Others to a museum of Selves: repatriation, affective relations, and social values of archaeological human remains. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2023;13(1):159–178.
17. Schug, G. R., Halcrow, S. E., Cova, C. de la. They are people too: The ethics of curation and use of human skeletal remains for teaching and research. *American Journal of Biological Anthropology*. 2025;1–16. DOI: 10.1002/ajpa.70013
18. Walker, P. L. Bioarchaeological ethics: A historical perspective on the value of human remains. *Biological anthropology of the human skeleton*. (M. A. Katzenberg, S. R. Saunders, Eds.). Hoboken, NJ, 2000. P. 3–39.

Received: 13 July 2026; accepted: 4 September 2026; published: 30 September 2026

ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ НИКИТИН

доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации
Государственный университет просвещения
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2815-6691; olnikitin@yandex.ru

Рец. на кн.: Путевые заметки как источник познания российской провинции: Псковщина XIX в. глазами путешественников / под общ. ред. Н. В. Большаковой. – СПб.: Медиапир, 2025. – 438 с.

Для цитирования: Никитин О. В. Рец. на кн.: Путевые заметки как источник познания российской провинции: Псковщина XIX в. глазами путешественников / под общ. ред. Н. В. Большаковой. – СПб.: Медиапир, 2025. – 438 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 108–111.
DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1357

Изучение исторических документов как отражение культурных традиций, событий и образов времени получило яркое выражение в жанре путевых заметок (очерков), сочетающих в себе документальность и субъективную оценку автора, фактологичность и художественность описания, что привлекает внимание не только специалистов, но и широкий круг читателей. В нашем случае мы наблюдаем интересный научный эксперимент, представляющий собой опыт комплексного исследования понятия «псковский травелог XIX века». В книгу включены редкие, подчас уникальные тексты различных авторов, которые создают единое пространство дорожных очерков о Псковской земле.

Книга состоит из трех частей: публикация текстов в хронологической последовательности (1-я часть); краткие биографические справки авторов, а также указатели имен, упоминаемых путешественниками, населенных пунктов и водных объектов (2-я часть); историко-филологические комментарии (3-я часть), в которых основное внимание исследователи сосредоточили на изучении культурных концептов, передающих особенности Псковского региона. В конце книги даются иллюстрации, помогающие современному читателю увидеть застывшие во времени территории, образы и объекты, описанные путешественниками: открытки, карты Псковской губернии, изображения Изборска и Псково-Печерского монастыря, фотографии Острова и Опочки, Порхова и Великих Лук, картины окрестностей Михайловского и Святогорского монастыря и др.

Над реализацией этого проекта работали не только историки, но и филологи, подготовившие серию указателей, предисловие и комментарии к текстам. В состав авторского коллектива вошли авторитетные исследователи, для которых Псковский край – не только историко-культурный топоним, но и особый духовный мир,

оригинальный языковой феномен, находящийся на пересечении традиций Запада и Востока: к. филол. н. Н. В. Большакова, к. ист. н. И. О. Колосова, к. пед. н. М. И. Муратова, к. филол. н. Г. И. Плещук, д. филол. н. А. Г. Разумовская.

В книге помещены тексты воспоминаний и путевых очерков следующих авторов: В. М. Севергина, К. И. Арсеньева, Ф. В. Булгарина, Д. И. Мацкевича, А. Е. фон Розена, К. А. Тимофеева, П. И. Якушкина, Н. К. Отто, Н. И. Костомарова, М. П. Погодина, Рейниса Каудзите, Матиса Каудзите, К. К. Случевского, В. П. Желиховской, В. Гейне, В. В. Геймана. Все тексты представляют собой безусловную историческую ценность.

Справочная часть содержит необходимые в научных трудах указатели, причем с дополнениями И. О. Колосовой. Большую работу по подготовке указателей населенных пунктов и водных объектов провела Н. В. Большакова.

Самая интересная часть книги – исследовательская, которая раскрывает исторические факты, придает им современное осмысление и критическую оценку. Ее мы и рассмотрим подробнее.

А. Г. Разумовская в разделе «Псковский травелог XIX в.: традиции жанра и специфика содержания» рассуждает о его месте в системе литературных жанров. Стоит согласиться с ученым в том, что

«данный вид документальной литературы объединяет в себе служебный отчет, дорожный журнал, научный отчет об экспедициях, путевой дневник, путевые записки, письма, мемуары, очерк и другие феномены, посвященные дорожным событиям и их преломлению в сознании странствующей личности» (с. 331).

По ее мнению, Псковская земля в XIX веке притягивала путешественников: одни (Ф. В. Булгарин) создавали «риторическое путешествие», другие предназначали свои сочинения для «на-

родного чтения». Исторические события, личности, природный ландшафт – все это формировало псковский травелог:

«Специфическое восприятие и описание территории Псковской губернии в путевых очерках определяется во многом и ее пограничным положением на Северо-Западе, тесным соседством с другими народами, другой религией, языком, культурой» (с. 333).

А. Г. Разумовская пишет, что авторы травелогов придерживались разных «моделей» в описании: документальность у Д. И. Мацкевича пересеклась с «впечатлениями от общественной и культурной жизни» (с. 337), в его текстах заметна литературная линия, которая проявляется в «обилии поэтических цитат и отсылок к известным произведениям, субъективных размышлений... в “жанровых сценках” (например, встреча с уличным артистом)» (с. 337–338). Записки писателя-этнографа П. И. Якушкина характеризуются повышенным интересом к народнической проблематике и фольклорным наблюдениям (с. 337). Н. К. Отто «скрупулезен в сообщении данных о числе жителей, количестве домов, лавок, магазинов, фабрик и заводов, церквей и монастырей, подробен в передаче своеобразия здешней торговли» (с. 339). В очерке М. П. Погодина представлена традиция «нравоописательных» путешествий (с. 339–340). Личность поэта К. К. Случевского наложила отпечаток на «модели» его травелога: наряду с четкостью изложения в содержании встречаются сюжеты, окрашенные «поэтической аурой», например Порхов и Опочка – «воинственные звенья боевых ожерелий Великого Новгорода и Пскова» (с. 341).

Интересно, что «пушкинский уголок» также находит место в путевых заметках XIX века. Облик поэта, его родовые места описаны путешественниками не хрестоматийно, но с налетом «мемориальности» и дают много новой информации для исследователей его творчества и бытовой культуры того времени. Так, на страницах книги мы обнаружили любопытные свидетельства о посещении писателем, переводчиком и педагогом К. А. Тимофеевым Святых Гор в 1859 году. Увиденное им развенчивает сложившийся романтический стереотип пушкинских мест:

«Мы не в Англии, Пушкин – не Борис, чтобы его кресло хранилось как святыня, чтобы то оконное стекло, на котором нацарапано им четверостишие, ценилось сотнями фунтов стерлингов и все-таки из поколения в поколение оставалось собственностью домовладельца. <...> И вот через 22 года после смерти поэта крыша провалилась, балки перегнили, потолок обрушился; под стропилами, на перекрестке двух жердей, в углу сидит сова, эмблема мудрости, единственная поэтическая принадлежность, которую мы нашли в жилище поэта» (с. 342–343).

Заметное место в путешествиях занимают описания водных пространств, которые сообщают вполне профессиональные данные об обычаях псковских рыболовных артелей и содержат лирические размышления с долей эмоционального пафоса (как в похвале снетку, услышанной писательницей В. П. Желиховской от рыбака): «...снеточек опскопской одна сласть!.. Постникам – главная снедь; монашествующей братии – первое угощение, а нам, псковичам – хлеб насущный» (с. 343).

Разделяем мнение А. Г. Разумовской, что при всей разности взглядов и подходов в описании событий, личных интересов и способностей авторов «при формировании образной парадигмы псковского травелога определяющей является значимость древней истории, самобытность языка и культуры края» (с. 344).

Очень полезен в данном контексте лингвостнографический комментарий к путевым заметкам XIX века, подготовленный Н. В. Большаковой. В нем автор кратко охарактеризовал произносительные диалектные особенности, встречающиеся в текстах путевых очерков, например «цвяканье» и «дзвяканье» в заметках Ф. В. Булгарина (с. 346), вокализованные варианты произношения типа *Опсков* у П. И. Якушкина (с. 347). Н. В. Большакова указала на полиэтнический характер Псковского региона, где соседствовали финно-угорский, балтийский, белорусский этносы. Так, она замечает:

«Словами русского ямщика, везущего путешественника по Печорскому краю, Н. К. Отто комментирует свою встречу с “полуверцами” – “чухнами” / “чухонцами”, которые, по мнению местных, “хошь в нашу церковь русскую ходят, да по-русски мало понимают, а тоже по-нашему молятся”» (с. 348).

Н. В. Большакова проанализировала типичные псковские символы, например *елку* как примету деревенского кабака (с. 351–352), что подтверждается не только записями путешественников, но и образами народной идиоматики: *идти под елку* (то есть в кабак), *елку поднять / поднимать* (пьянствовать) и т. д. (с. 352).

По наблюдениям Н. В. Большаковой, в путевых очерках получили широкое распространение тематические группы лексики: названия промысловой рыбы (*снеток, соболе, хохлик*), ветров (*северик, мокрик, теплик*) (с. 352–365).

Показателен раздел «Народные предания в псковском травелоге» (автор – Г. И. Плещук), рассказывающий о традиционной культуре Псковщины. Наиболее частотным жанром в путешествиях являются предания о Труворе, княгине Ольге, царе Иване Грозном, об основании Псково-Печерского монастыря, о Стефане Батории, Петре Первом (с. 368). Особенно

стью повествования является такой факт: многие путешественники используют в качестве источников печатные сочинения, лишь В. М. Севергин и П. И. Якушкин почерпнули устно-поэтические сюжеты из личных наблюдений (с. 368), однако и у других авторов есть редкие, запоминающиеся фрагменты. Так, в очерке Н. К. Отто встречаются эпизоды, демонстрирующие «живую народную традицию: выкрики торговца квасом, сказанная к месту пословица, исполнение песни под игру старинного смычкового инструмента – гудка» (с. 369). Автор раздела анализирует не только документальный материал как хроникер, он дает характеристику языковой личности путешественника и сквозь призму его взгляда подчеркивает, как важно воссоздать целостную картину культурного пространства времени:

«Для П. И. Якушкина фольклор – не антураж, не стилистическое украшение и даже не источник исторических сведений. Он... передает... рассказы целиком, с вариантами и с особенностями речи рассказчика, с контекстом, со всей ситуацией, в которой они прозвучали, с комментариями... со своими наблюдениями, с реакцией слушателей... замечаниями, в которых встают как живые народные типы. В результате фольклорный и этнографический материал становится выражением внутреннего мира народа, его этических, исторических, нравственных представлений, а народная традиционная культура предстает в ее живом бытовании» (с. 370).

Отмечаются также особенности народной нескладочной прозы в тексте П. И. Якушкина, в которой сохранились отголоски исторических событий: памяти о литовском нашествии (с. 372), осады войском Батория Псково-Печерского монастыря и Изборска (с. 373). В этой части говорится о взаимодействии устной народной традиции и литературы: исследуются авторские интерпретации рассказа о княгине Ольге, преданий об основании Печерского монастыря, об Иване Грозном и святом Корнилие. Г. И. Плещук замечает:

«Наиболее интересна версия, услышанная Якушкиным от его проводника в путешествии по р. Великой. Историческую основу повествования составляют реальные исторические события: возведение стен и башен вокруг Печерского монастыря по инициативе игумена Корнилиа, казнь Корнилиа Иваном Грозным» (с. 379).

Показательно, что, например, Н. К. Отто сообщил две версии расправы Ивана Грозного над игуменом Корнилием (с. 380), при этом подчеркивая, что вторая версия сюжета, без истории о чуде, которое произошло после расправы, «до сих пор бытует в Печорском р-не Псковской обл.» (с. 381).

В этой же части книги содержатся наблюдения автора над преданием о царе Иване Грозном и юродивом Николае Салосе, отмечены «молодые» нарративы в тексте П. И. Якушки-

на – предание о разбойниках Сорокового бора, о переименовании Талабских островов в Александровский посад. Последний факт «интерпретируется как вариант мотива “Царская награда”, заключающего одну из характерных для исторического героя (вождя, царя, разбойного атамана) функций» (с. 384–385).

В книге исследуются и другие исторические факты: предания о первых русских князьях Рюрике и Труворе, о цесаревиче Константине Павловиче и жителях Гдовщины, топонимические предания и легенды, например, о происхождении названия часовни *Неугасимая свеча* (с. 388–389), горы *Судомы* (с. 389), деревни *Гладково* (с. 390). Вот что пишет автор о последнем из указанных топонимов:

«Якушкиным записано любопытное толкование происхождения названия д. Гладково, будто бы порожденного ироническим отношением к облику помещика, которому деревня принадлежала: “Разговаривая, мы проехали Загорицы, Неготь, Кусву, Писковицы, Гладково”. – “Знаешь, зачем это село зовется Гладково?” – “Зачем?” – “Барин тут был такой щедривый, его и прозвали Гладким, а по нем и село стало зваться Гладково...”. Известно, что щедривым называют человека с лицом, покрытым следами от оспы. Ср.: щедривый (обл.) – ‘рябой, со щедринами’ (*Щедривое лицо*). Действительно ли село получило название по прозвищу помещика, достоверно не известно, хотя версия вполне правдоподобна, т. к. отантропонимические топонимы – один из распространенных типов номинации. Интереснее другое, а именно само прозвище, данное человеку по принципу “от противоположного”» (с. 390).

Эти и другие исторические сведения сопровождаются новыми находками в архивах и историко-лингвистическими комментариями, дополняющими и корректирующими изложенные в записках путешественников версии.

Еще один раздел рецензируемой книги «По дорогам Псковщины: конец XVIII – начало XX в. Вместо заключения» (автор – И. О. Колосова) освещает историко-культурные и семиотические особенности концепта *дорога* – одного из самых частотных и значимых для рассказчиков. Ученый подробно рассказывает о почтовых трактах первой трети XIX века, приводит редкие исторические данные и сведения других лиц, сопоставляет факты с сегодняшним днем, подчеркивает роль строительства железных дорог в то время. Автор буквально следует за своими героями, восстанавливает картину их путешествия:

«К. И. Арсеньев, судя по описанию, ехал в 1832 г. из Пскова в Изборск по старой печорской дороге через Логозовичи и Печки “на вольных” (он упоминает ямщика). Подъехали к Изборску и любовались крепостью с противоположной стороны, с горы. Отсюда Арсеньев, остановив извозчика, шел пешком к крепости, перейдя по мостику ручей (речку Смолку); таким образом, он шел по современной Веровской улице» (с. 403).

Здесь же обобщаются сведения о поездках путешественников в пушкинские места в середине XIX – начале XX века. Отдельные подразделы посвящены странствованиям по железной дороге, воде. Отмечаются типичные местные слова (*будара, ладя, ладейка* – с. 414), дается их толкование. Эта часть может служить удачным дополнением к современным топографическим картам и стать отдельной темой для научных исследований.

В заключение необходимо отметить, что рецензируемая книга представляет собой интересный опыт исследования травелога как культурного явления, охватывающего историю, этнографию, язык и социум данного региона. Думается, что этот эксперимент следует продолжить и на другом хронологическом отрезке. Таким образом, можно воссоздать летопись Псковской земли по забытым документальным свидетельствам современников. Материалы, помещенные в книгу, будут полезны как профессиональным историкам, так и специалистам-краеведам, педагогам, филологам, музейным работникам и даже писателям и художникам. Живые, эмоциональные образы и картины дорожных происшествий XIX века не оставят равнодушным ни одну творческую личность.

С филологической точки зрения остаются до сих пор актуальными, например, проблема изучения языка и стиля путевых очерков в контексте анализа личностей авторов, пополнение новыми фактами «Словаря русского языка XIX века». Весьма своевременно включение материалов травелогов в новые энциклопедии, справочники, путеводители по музеям и т. д. Так исторический документ может способствовать расширению исследовательского ядра и уточнению фактов и имен, воскрешению биографий героев далеких времен. В этом смысле обсуждаемая книга имеет безусловное просветительское значение.

Публикация рецензируемого труда была осуществлена при финансовой поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (проект «Псковский травелог XIX в.») и Фонда «История Отечества». Хочется верить, что научная традиция изучения жанра травелога в XXI веке позволит читателям прикоснуться и к другим интересным дорожным наблюдениям и будет способствовать усилению интереса начинающих исследователей к изучению истории родного края и развитию творческой культурно-просветительской работы.

Поступила в редакцию 24.08.2026; принята к публикации 04.09.2026; дата публикации 30.09.2026

Review

Oleg V. Nikitin, Dr. Sc. (Philology), Professor, Federal State University of Education (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2815-6691; olnikitin@yandex.ru

The book review: Travel notes as a source of knowledge about the Russian province: Pskov Region in the XIX century through the eyes of travelers. (N. V. Bolshakova, Ed.). St. Petersburg, 2025. 438 p.

For citation: Nikitin, O. V. The book review: Travel notes as a source of knowledge about the Russian province: Pskov Region in the XIX century through the eyes of travelers. (N. V. Bolshakova, Ed.). St. Petersburg, 2025. 438 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):108–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1357

Received: 24 August 2026; accepted: 4 September 2026; published: 30 September 2026

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ СОЛОВЬЕВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и математических наук
Смоленская государственная сельскохозяйственная академия
(Смоленск, Российская Федерация)
smolsvoyak@gmail.com

Рец. на кн.: Колгушкина Н. В. «Дорогой для меня цвет семейности»: Фотоальбом династии Срезневских / Н. В. Колгушкина; под общ. ред. О. В. Никитина. – Рязань: РГУ имени С. А. Есенина, 2025. – 136 с., илл.

Для цитирования: Соловьев А. Н. Рец. на кн.: Колгушкина Н. В. «Дорогой для меня цвет семейности»: Фотоальбом династии Срезневских / Н. В. Колгушкина; под общ. ред. О. В. Никитина. – Рязань: РГУ имени С. А. Есенина, 2025. – 136 с., илл. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 112–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1358

История страны складывается не только из событий государственной важности, но и из историй отдельных личностей и их семей. Рецензируемая книга представляет собой фотоальбом, посвященный истории рода Срезневских. Наиболее известным представителем семьи является Измаил Иванович Срезневский (1812–1880), выдающийся филолог, славист, этнограф, историк, палеограф, составитель первого словаря древнерусского языка. Но в этом роду было немало и других интересных личностей. В фотоальбоме прослеживается судьба восьми поколений этой неординарной семьи. Автор-составитель книги, Нина Васильевна Колгушкина, настоящий энтузиаст своего дела, является основателем и директором первого в мире музея И. И. Срезневского. В настоящее время он работает на базе Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. Н. В. Колгушкина разыскала потомков Срезневского не только в России, но и в Эстонии, Украине, Германии, США и даже в Бразилии. Экспонаты из музея и семейных коллекций нескольких поколений династии Срезневских и стали основой фотоальбома «Дорогой для меня цвет семейности».

Обратимся к его структуре. Начинается он с напутственного слова Д. Бокова, и. о. ректора Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. Во вступительной статье «Альбом есть памятник души...» рассматривается русская альбомная культура как важный элемент национальных традиций. В альбоме содержится 118 фотографий и пять рисунков. Они объединены в шесть разделов. Количество фотографий в разделах колеблется от шести до 42, выделение отдельной темы в самостоятельный раздел

показывает ее значимость для исследователей данного рода.

Первый раздел – «Измаил Иванович Срезневский и его семья» – содержит 25 снимков и четыре рисунка. Открывается он фотопортретом по случаю 75-летия Измаила Ивановича (с. 13). Он и выдающийся ученый, размышляющий о судьбе языков, и одновременно глава большой и дружной семьи. Фотографии начала 1870-х годов представляют собой парадные портреты Измаила Ивановича – профессора Санкт-Петербургского университета (с. 18) и декана историко-филологического факультета (с. 23). Именно с этими двумя заведениями была связана его научная деятельность в петербургский период жизни.

Основателем династии ученых стал Иван Евсеевич Срезневский (1770–1819), уроженец села Срезнево Рязанской губернии. Юный Иван после завершения Рязанской семинарии отправился пешком в Москву и поступил в Московский университет. Позже Срезневские переехали в Харьков. Иван Евсеевич до конца жизни преподавал в местном университете словесность. В альбоме представлена карандашная копия его портрета, сделанная внучкой, Надеждой Измайловной. В Харькове Измаил Иванович встретил любовь всей своей жизни, Екатерину Федоровну Тюрину (1825–1912). Она вышла замуж за него в 19 лет и родила ему восьмерых детей.

Профессиональной деятельности Измаила Ивановича посвящено лишь несколько фотографий. Помимо парадных портретов, мы отметим снимок-негатив, сделанный в 1867 году в Киеве и изображающий Измаила Ивановича, его сына Вячеслава (здесь ему 18 лет) и художника Ф. Г. Солнцева (с. 26). В это время все они вели работы по художественному изучению

Софийского собора и составили описание его росписей.

В 1870-е годы семья Срезневских была в центре культурной жизни Санкт-Петербурга. Это иллюстрирует фотография, на которой в гостях у семьи находятся Л. Н. Толстой и его жена Софья Андреевна (с. 27). Семьи дружили. И это не единственная связь рода Срезневских с миром литературы. Измаил Иванович в молодости не только занимался изучением фольклора, но и писал стихи. Его дочь Надежда также занималась поэзией. Снимок с Толстыми показывает одну из семейных традиций и Срезневских, и русской интеллигенции в целом. Это обычай чаепития на природе, сопровождавшегося интеллектуальными беседами. Дети Срезневских с юных лет впитывали незабываемую атмосферу творческих споров, интересных рассказов и визитов знаменитых деятелей культуры. Чаще всего это происходило на даче. И иногда выезд туда сопровождался еще одной традицией. Практически все Срезневские были весьма искусными наездниками. В альбоме есть акварель художника И. Галактионова, на которой изображен конный выезд в имении Красные Струги под Санкт-Петербургом в 1870-е годы.

Последняя фотография в альбоме, сделанная при жизни Измаила Ивановича, изображает утро 1 января 1880 года (с. 28). На снимке Екатерина Федоровна, окруженная домочадцами, читает вслух поздравления от друзей и родственников. На фотографии нет Измаила Ивановича: он болеет и находится в другой комнате. На момент, когда сделан снимок, ему оставалось жить меньше двух месяцев. Срезневские сохранили традиции, заложенные Измаилом Ивановичем, его дети продолжили его дело, ту или иную линию его многочисленных научных увлечений. В этой связи особенно впечатляют семь фотографий в конце первого раздела. Каждая из них изображает одного из детей. В этом месте нет фотографии Бориса Измайловича, но ему посвящен персональный раздел альбома. Ольга Измайловна (1845–1930) стала членом-корреспондентом Академии наук. Именно благодаря ей увидел свет главный научный труд ее отца – «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». Владимир Измайлович (1848–1920) работал в министерстве юстиции, занимался статистикой и основал журнал, посвященный этому направлению. Помимо этого он был секретарем Русского географического общества. Единственный, кто эмигрировал после 1917 года. Ныне представители этой ветви рода проживают в Бразилии и США. Вячеслав Измай-

лович (1849–1937), филолог, разносторонняя личность, похожая в этом на своего отца. Он оставил научный след в славяноведении, этнографии. Был талантливым фотографом, изобретал новую аппаратуру. Его жизнь неразрывно связана с историей спорта в Российской империи. Он стал первым председателем Российского Олимпийского комитета, на протяжении почти 50 лет возглавлял городское общество любителей коньков. Людмила Измайловна (1852–1937), художник-гравер, палеограф и историк. В 1885 году она издала труд Измаила Ивановича «Славяно-русская палеография XI–XIV веков». Надежда Измайловна Алмазова (1854–1936) выбрала искусство и науку, она занималась палеографией, писала стихи и критические статьи по актуальным вопросам литературы, рисовала картины, входила в Общество истории и древностей российских при МГУ. Вера Измайловна Форш (1861–1935), младшая дочь, посвятила себя музыке, окончила Санкт-Петербургскую консерваторию, где затем преподавала и стала профессором. Всеволод Измайлович (1867–1936), младший сын, пошел по стопам отца. Его работы касаются истории древнерусской литературы, палеографии. Он неоднократно участвовал в археографических экспедициях на Русский Север, составил первое описание русской периодической печати XVIII–XIX веков, участвовал в подготовке первого академического собрания сочинений Л. Н. Толстого. Особенно ценен тот факт, что Всеволод Измайлович написал первую биографию своего отца. Потомки Измаила Ивановича принимали активное участие в общественной жизни страны. Так, Людмила, Надежда и Всеволод в годы Первой мировой войны организовали военный госпиталь. Его работе посвящено несколько фотографий.

Второй и третий разделы связаны с Вячеславом Измайловичем Срезневским. Во втором разделе лишь шесть фотографий, касающихся его профессиональной деятельности: фотографии спорта и скаутского движения. Наиболее интересная фотография показывает один из моментов конькобежных соревнований (с. 46). Они проходили в 1910 году в Юсуповском саду, Вячеславу Измайловичу в то время было уже более 60 лет, но он все еще оставался действующим судьей и уверенно держался на коньках. Третий раздел альбома рассказывает о семье Вячеслава Измайловича и его потомках и содержит 30 фотографий. Четвертый раздел фотоальбома рассказывает о Борисе Измайловиче Срезневском и его потомках. Это самая обширная часть издания: в ней содержится 42 снимка. Борис Измайлович (1857–1934) – единственный из детей,

занившийся естественными и точными науками. Он окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, работал в университете Москвы, а затем в Тарту. Позднее переехал в Киев. Именно там он получил наибольшую известность как основатель сельскохозяйственной и синоптической метеорологии, стал академиком. Однако принадлежность к роду сказывалась, так что, помимо увлеченного изучения атмосферных явлений, в домашней обстановке Борис Измайлович часто музицировал (с. 79). От его дочери Елены пошла эстонская ветвь потомков Измаила Ивановича. Она преподавала русский и немецкий языки в Тарту, а ее муж, Михаил Лисенко, был советским служащим, попавшим под маховик репрессий в конце 1930-х годов. Их дети остались в Эстонии и многое сделали для сохранения наследия Срезневских. Последние два раздела посвящены современности. В пятом разделе рассказывается о потомках Измаила Ивановича, которые стали хранителями семейных традиций, сберегли бесценные фотографии и документы своих ветвей и рода в целом. На десяти фотографиях запечатлены представители эстонской, украинской, немецкой и российской ветвей семьи. Шестой раздел содержит семь снимков и показывает нам потомков семьи на Рязанской земле.

Альбом позволяет соприкоснуться с традициями и бытом семьи Срезневских. Ее типичность состоит в том, что семью не миновало практически ни одно значимое событие истории. А необычность заключается в особой силе духа, увлеченности, передающейся сквозь поколения, самопожертвовании, взаимопомощи и осознании себя частицами единого рода. Рода, который и в нынешнее непростое время может стать связующим звеном между странами.

Издание будет интересно всем, кто увлечен филологией, историей, генеалогией. Фотоальбом может привлечь и антропонимистов, так как позволяет проследить бытование имен в одной семье на протяжении почти двух веков. Фотографии книги многое могут поведать об истории повседневности, семейного быта и традиций, моды: мы видим, как меняются детские игрушки, костюмы, интерьеры. На наш взгляд, альбом можно было бы дополнить именным указателем, позволяющим определить, как часто и на каких страницах издания встречается то или иное лицо.

В заключение выскажем слова благодарности автору фотоальбома Н. В. Колгушкиной, человеку безмерно преданному своему делу, и профессору О. В. Никитину, его безупречной редакторской работе.

Поступила в редакцию 04.02.2026; принята к публикации 02.06.2026; дата публикации 30.09.2026

Review

Alexey N. Solovyev, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Smolensk State Agricultural Academy (Smolensk, Russian Federation)
smolsvoyak@gmail.com

The book review: Kolgushkina, N. V. "Color of the family so dear to me": Photo album of the Sreznevsky dynasty. (O. V. Nikitin, Ed.). Ryazan, 2025. 136 p.

For citation: Solovyev, A. N. The book review: Kolgushkina, N. V. "Color of the family so dear to me": Photo album of the Sreznevsky dynasty. (O. V. Nikitin, Ed.). Ryazan, 2025. 136 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):112–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1358

Received: 4 February 2026; accepted: 2 June 2026; published: 30 September 2026

17 августа 2026 года исполнилось 75 лет доктору исторических наук, профессору кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета (САФУ) им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск), члену редколлегии нашего журнала *Владиславу Ивановичу Голдину*

Celebrating the 75th anniversary of Vladislav I. Goldin.

ВЛАДИСЛАВ ИВАНОВИЧ ГОЛДИН

К 75-летию со дня рождения

В. И. Голдин родился в г. Архангельске. В 1968–1973 годах обучался на отделении истории и английского языка историко-филологического факультета Архангельского государственного педагогического института им. М. В. Ломоносова (АГПИ). После окончания работал учителем истории и английского языка, заместителем директора Волошевской средней школы Плесецкого района Архангельской области. С 1975 по 1979 год проходил обучение в аспирантуре Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, в 1980 году защитил кандидатскую диссертацию. С 1979 по 1989 год – старший преподаватель и доцент кафедры истории СССР АГПИ, декан историко-филологического, а затем исторического факультета. В 1989 году поступил в докторантуру истфака МГУ им. М. В. Ломоносова, которую закончил в 1992 году, в 1993 году успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Интервенция и антибольшевистское движение на Севере России. 1918–1920». В 1995 году получил аттестат профессора. С февраля 1994 года по май 2011 года Владислав Иванович работал проректором по научной работе Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова. С 2011 года и по настоящее время – профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии САФУ им. М. В. Ломоносова, с 2023 года по совместительству – директор Центра исторических и политических исследований Севера и Арктики САФУ.

Сфера научных интересов В. И. Голдина охватывает широкую область научного гуманитарного знания: исторические и политические науки, международные отношения, науковедение. С 2018 года по настоящее время он является членом редколлегии 20-томной академической «Истории России», ответственным редактором (вместе с профессором В. В. Кондрашиным) 12-го тома «Гражданская война в России. 1917–1922 годы» (в двух книгах), который вышел в свет в 2024 году в издательстве «Наука». В. И. Голдин – автор более 750 научных работ, в том числе 40 книг (более 50 с учетом коллективных изданий), опубликованных в России, странах Европы и США.

Профессор В. И. Голдин является ведущим исследователем российского революционного процесса, истории и историографии Гражданской войны и интервенции в России и на Русском Севере, истории российской военной эмиграции / русского военного зарубежья в XX веке. Им опубликовано более 20 книг по этим проблемам¹. В 2025 году в издательстве «Кучково поле» в Москве вышел в свет его обобщающий двухтомный историко-историографический труд «Гражданская война в России: осмысление сквозь столетие». С 2018 года выходят в свет тома его многотомного проекта «Русский Север в эпоху великих потрясений. 1900–1920»². Третий том в настоящее время готовится к печати в Москве, идет работа над завершающим четвертым томом, планируемым к публикации в 2026 году. Завершается работа над проектом «Анатомия интервенции», первая книга которого вышла в свет в 2024 году³, а вторая будет издана в Москве до конца текущего года.

Как специалист по истории спецслужб Владислав Иванович Голдин издал две монографии, посвященные деятельности советских секретных служб по так называемой «белой линии», иначе говоря, об их борьбе с эмигрантскими военными и террористическими организациями в первой половине XX века⁴.

Более полувека В. И. Голдин профессионально занимается изучением международных отношений как лектор, преподаватель, эксперт, аналитик, руководитель научных проектов. Он посетил 110 стран всех континентов планеты, в том числе таких удаленных и экзотических, как Австралия, Новая Зеландия, Французская Полинезия, ЮАР, Мадагаскар, Бразилия, Аргентина, Эквадор и др. Владислав Иванович – автор пяти монографий по проблемам страноведения и международных отношений⁵ и серии статей о 60 странах мира. В рамках научных и научно-образовательных проектов он работал в Великобритании, Норвегии, США, Финляндии и Швеции. Как профессор международных отношений САФУ ведет англоязычные курсы по проблемам европеистики и внешней политики стран Севера и Арктики.

Особое место в научном творчестве В. И. Голдина отводится странам Северной Европы и Арктики. На протяжении последней четверти века был соруководителем оргкомитетов по проведению XI и XIV международных конференций по изучению Скандинавских стран и Финляндии, проведенных в Архангельске, и Арктических чтений, проведенных в 2024 году в Москве

и Архангельске. Выступал соруководителем от России таких международных научных и научно-издательских проектов, как «Государство, религия и этносы на Севере. 700–1990-е гг.», «Асимметричное соседство. Норвегия и Россия. 1814–1914», «Модернизационный процесс в Баренцевом регионе», «От Северо-Восточного прохода к Северному морскому пути» и др.⁶

Профессор В. И. Голдин продуктивно занимается проблемами геополитики, глобалистики, регионалистики, местного самоуправления и др., опубликовал большую серию статей по этим проблемам. Он работает в такой междисциплинарной области исследований, как науковедение⁷, разработал авторский курс, подготовил ряд сборников, посвященных М. В. Ломоносову и ломоносововедению⁸.

Педагогический талант юбиляра заключается в умении сочетать широкую эрудицию ученого с мудростью наставника, вдохновляя молодых исследователей на серьезную научную деятельность. Под его руководством защищено семь докторских и 13 кандидатских диссертаций. Курсы и учебные дисциплины, которые читает профессор В. И. Голдин, являются образцом фундаментальности, аналитики и педагогического мастерства. Его семинары, лекции, доклады отличаются не только глубиной содержания, но и доступной для слушателей формой изложения. Он умеет пробудить у студентов интерес к истории и другим гуманитарным наукам, научить их критическому подходу к анализу исторических фактов, анализировать источники и делать самостоятельные выводы.

В. И. Голдин – действительный член (академик) Российской академии естественных наук (РАЕН). Один из основателей Поморского отделения РАЕН, возглавлял его в 2007–2017 годах. В 2000–2010-х годах работал в составе экспертных советов по истории ВАК, РГНФ и РФФИ, был экспертом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки.

С 2012 года по настоящее время является президентом Ассоциации исследователей Гражданской войны в России (АИГВР) и главным редактором Альманаха АИГВР. В 2000-х годах основал международный «Баренц-журнал» / *Barents Journal* и был его главным редактором. В 2001 году создал научный журнал «Вестник Поморского университета». После вхождения Поморского государственного университета в САФУ в 2011 году этот журнал был реорганизован в «Вестник Северного (Арктического) федерального университета». Является его глав-

ным редактором (серия «Гуманитарные и социальные науки»). Входит в состав редколлегий и редакционных советов четырех российских научных журналов.

За выдающиеся достижения в научной, административной, общественной и просветительной деятельности В. И. Голдин удостоен высоких званий: почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный деятель

науки РФ. За научные успехи награжден почетной серебряной медалью В. И. Вернадского и почетным знаком «Орден Орла с короной» РАЕН, присвоено звание «Почетный член Ломоносовского фонда».

Коллеги – историки из Петрозаводска и Карелии – желают юбиляру крепкого здоровья, неиссякаемого вдохновения, новых научных достижений и дальнейших успехов в его благой деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000; Голдин В. И. Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск, 2005; Голдин В. И. Солдаты на чужбине: Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск, 2006; Голдин В. И. Гражданская война в России и военная эмиграция 20–30-х годов XX века. Архангельск; М., 2011; Голдин В. И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012; Голдин В. И. Арктическая жемчужина империи. Русский Север в эпоху реформ, революций и Первой мировой войны. М., 2022 и др.
- ² Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск, 2018; Голдин В. И. Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август-декабрь 1918 г. Архангельск, 2021.
- ³ Голдин В. И. Анатомия интервенции, или Кто и как развязал Гражданскую войну на Севере России. М., 2024.
- ⁴ Голдин В. И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010; Голдин В. И. Генералов похищали в Париже. Русское военное Зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века. М., 2016.
- ⁵ Голдин В. И. Латинская Америка: вехи истории и современность. Архангельск; Мурманск, 2009; Голдин В. И. Экзотика нашей планеты. Очерки страноведения и международных отношений: наблюдения, впечатления, размышления. Архангельск, 2014; Голдин В. И. По странам и континентам. Архангельск, 2016; Голдин В. И. Китайская мозаика: Китайская Народная Республика в начале XXI века. Архангельск, 2017; Голдин В. И. Мир в прошлом и настоящем: наблюдения, впечатления, размышления. Архангельск, 2020.
- ⁶ The Barents Region. A Transnational History of Subarctic Northern Europe. Oslo, 2015; Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917–2014. Oslo, 2015; From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia. Leiden; Boston, 2022, etc.
- ⁷ Голдин В. И. Богатству Севера наукой прирастать. М.; Архангельск, 2007; Голдин В. И. Наука, науковедение и высшая школа. Архангельск, 2008; Голдин В. И. Фундаментальные проблемы науковедения и роль университетов в развитии науки в России и в современном мире // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3. С. 100–105; Голдин В. И. Вхождение университетов в международное научно-образовательное пространство: опыт и проблемы (на материалах Европейского Севера России) // Поволжский педагогический вестник. 2019. № 2 (28). С. 15–19 и др.
- ⁸ М. В. Ломоносов: личность и научно-образовательная деятельность. Архангельск, 2009; Михаил Ломоносов: ученый-энциклопедист, поэт, художник, радетель просвещения. М., 2010; Михаил Ломоносов: ученый-энциклопедист, поэт, художник, радетель просвещения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2011.

С. Г. Веригин, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ

CONTENTS

Krivonozhenko A. F.

Editorial note 7

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Smirnova A. M.

THE DEATH OF MIRZA HAIDAR DUGHLAT:
THE MANUSCRIPT *EVENTS OF KASHMIR* AND
THE PROBLEM OF HISTORIOGRAPHICAL
DISCREPANCIES 8

RUSSIAN HISTORY

Kazakova K. S.

THE FIRST BENEFACTOR OF THE PECHEN-
GA MONASTERY, OR THE STORY OF PAVEL
ZUBOV'S SPIRITUAL TESTAMENT 15

Bogacheva K. M.

SOVIET KARELIA'S SISTER CITY TIES IN
DOCUMENTS AND PARTICIPANTS' RECOL-
LECTIONS 22

Shutas P. P.

SOVIET HOLIDAYS IN THE 1920S AND 1930S
AS AN INSTRUMENT OF DOMESTIC POLICY
(A CASE STUDY OF THE KOLA NORTH) 32

CELEBRATING THE 800TH ANNIVERSARY OF THE BAPTISM OF THE KARELIANS

Ilyukha O. P.

CREATION OF STUDY BOOKS FOR KARELI-
ANS IN THE CONTEXT OF ORTHODOX EN-
LIGHTENMENT OF THE XIX AND EARLY XX
CENTURIES 43

Vavulinskaya L. I.

RELIGIOUS RITUALISM OF THE ORTHODOX
POPULATION OF KARELIA BETWEEN THE
MID-1940S AND 1960S 52

Dubrovskaya E. Yu.

THE RELIGIOUS FACTOR WITHIN THE CON-
TEXT OF SOCIAL CHANGES IN BORDER KA-
RELIA DURING THE EARLY XX CENTURY 62

Konkka A. P.

NOTES ON KARELIAN FOLK ORTHODOXY:
WORSHIP CROSSES OF THE WHITE SEA
KARELIA. 73

Pulkin M. V.

CHURCH SINGING IN THE ORTHODOX PARI-
SHES OF THE OLONETS EPARCHY BETWEEN
THE LATE XVIII AND EARLY XX CENTURIES 83

ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY, AND ETHNOGRAPHY

Busyрева E. V.

METHODS OF WORK WITH FIELD SOURCES
IN STUDYING FAMILY HISTORY 92

Discussions

Shirobokov I. G.

SKELETONS IN THE CLOSET: A FINNISH
CEMETERY AS A SOURCE OF ANTHROPO-
LOGICAL DATA 103

Reviews

Nikitin O. V.

The book review: Travel notes as a source of knowl-
edge about the Russian province: Pskov Region in
the XIX century through the eyes of travelers 108

Solovyev A. N.

The book review: Kolgushkina, N. V. "Color of the
family so dear to me": Photo album of the Sreznev-
sky dynasty 112

Anniversaries

Verigin S. G.

Celebrating the 75th anniversary of Vladislav I. Goldin. . 115

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ КАК ИСТОЧНИК ПОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ Псковщина XIX в. глазами путешественников

Книга представляет собой результат комплексного исследования понятия «псковский травелог XIX в.». В нее вошел свод редких текстов, объединенных жанром путевых очерков. Путевые заметки (письма) разных авторов, собранные вместе, создают единый текст ярких впечатлений, непосредственных дорожных наблюдений, рождая в восприятии современного читателя живую картину событий и образов прошлого. К своду текстов разработана серия указателей: имен, населенных пунктов и водных объектов. В исследовательской части, выполненной специалистами в области филологии и истории, сосредоточено внимание на культурных концептах, передающих специфику Псковского региона.

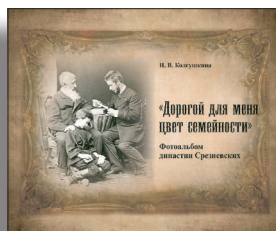
Книга имеет широкую адресацию: ее материалы могут быть использованы в научных исследованиях, в образовании, в краеведческой и культурно-просветительской работе.

Путевые заметки как источник познания российской провинции: Псковщина XIX в. глазами путешественников / под общ. ред. Н. В. Большаковой. — СПб.: Медиапир, 2025. — 438 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

Н. В. Колгушкина

«ДОРОГОЙ ДЛЯ МЕНЯ ЦВЕТ СЕМЕЙНОСТИ» Фотоальбом династии Срезневских

Фотоальбом династии Срезневских включает комментированные репродукции с фотографий, портретов и рисунков предков и потомков академика И. И. Срезневского, извлеченных из архивных фондов и частных коллекций. Представленные материалы впервые воссоздают генеалогию рода Срезневских, показывают атмосферу семейных отношений и научных связей ученого, дают представление об истории, культуре и духовных традициях в России XVIII–XXI вв.

Колгушкина Н. В. «Дорогой для меня цвет семейности»: Фотоальбом династии Срезневских / Н. В. Колгушкина; под общ. ред. О. В. Никитина. — Рязань: РГУ имени С. А. Есенина, 2025. — 136 с., илл.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

В. И. Голдин

АНАТОМИЯ ИНТЕРВЕНЦИИ, или Кто и как развязал Гражданскую войну на Севере России

В книге рассмотрена картина столкновения на Севере России весной-летом 1918 года интересов и действий различных стран и военно-политических коалиций. Раскрыты брестская и мурманская альтернативы советской внешней политики и борьба различных внутренних и внешних факторов в Мурманском крае и вокруг него. Рассмотрены усилия советского правительства, направленные на взаимоуравновешивание и недопущение столкновения противоборствующих империалистических коалиций на Севере страны. Анализируется влияние Гражданской войны в Финляндии на положение на Русском Севере, вклад германских войск в достижение победы белофиннов в войне, их действия по созданию с помощью Германии «великой Финляндии от моря до моря» за счет захвата российских территорий; выявлены общность и расхождения их интересов. Изучены цели и мотивы, характер и механизмы борьбы стран Антанты за усиление своего военно-политического присутствия на Русском Севере, разработка и осуществление планов интервенции «по приглашению советского правительства» и без такового.

Голдин, Владислав Иванович. Анатомия интервенции, или Кто и как развязал Гражданскую войну на Севере России : монография / В. И. Голдин. — Москва : Кучково поле, 2024. — 336 с.

ТРИ СТОЛЕТИЯ С ПАМЯТЬЮ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ (1725–2025)

В сборнике публикуются материалы, подготовленные участниками XVIII Международного петровского конгресса «Три столетия с памятью о Петре Великом (1725–2025)». Конгресс проходил в Санкт-Петербурге 6–7 июня 2025 года и был приурочен к 300-летию со дня кончины Петра Великого. В сборник вошли 49 статей авторов из Санкт-Петербурга, Москвы, Астрахани, Воронежа, Екатеринбурга, Казани, Калининграда, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Саратова, Томска, Ярославля, а также исследователей из Белгии, Италии, Франции. В сборнике опубликован доклад профессора ПетрГУ А. М. Пашкова «Петр I в Карелии: особенности исторической памяти в дореволюционный период».

Три столетия с памятью о Петре Великом (1725–2025) : материалы XVIII Международного петровского конгресса (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2025 года) / сост.: Е. Н. Кальшиков, А. В. Кобак, А. Б. Потапова. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2026. — 586 с.

